

ТОРИ МАЙРОН

В ОБЪЯТИЯХ *сердца*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Бессердечные

Тори Майрон
В объятиях сердца

«Автор»

2022

Майрон Т.

В объятиях сердца / Т. Майрон — «Автор»,
2022 — (Бессердечные)

От Адама не уйти. Он меня не отпустит, пока я не надоем ему. И его не обыграть. Не обвести вокруг пальца. Не обдурить подделкой. Он всегда получает желаемое, давя всех на своём пути. Так я думала до внезапного появления незнакомца, который мечтает уничтожить Адама Харта больше всех на свете. Он властен, опасен, таинственен и одержим мстью. И он — моя единственная надежда наконец обрести свободу. Четвёртая книга серии.

© Майрон Т., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	6
Николина	6
Глава 1	12
Остин	12
Глава 2	15
Остин	15
Глава 3	23
Остин	23
Глава 4	29
Остин	29
Глава 5	34
Остин	34
Глава 6	41
Николина	41
Глава 7	48
Николина	48
Глава 8	52
Николина	52
Глава 9	58
Адам	58
Глава 10	62
Адам	62
Глава 11	66
Адам	66
Глава 12	70
Адам	70
Глава 13	77
Николина	77
Глава 14	83
Николина	83
Глава 15	92
Николина	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Тори Майрон

В объятиях сердца

Четвёртая книга серии «Бессердечные»

Пролог

Николина

Неделю спустя

Кто я?

Чего желаю?

О чём мечтаю?

Для чего живу?

Кого люблю?

Кого хочу?

Кого ненавижу?

Стоит подойти к зеркалу и посмотреть в своё отражение, как я каждый раз задаюсь чередой этих вопросов. И вроде бы найти ответы должно быть очень просто. Но, видимо, не в моём случае. Их нигде нет. Ни в мыслях, ни в душе, ни в реакциях тела. Теперь я абсолютно пустая. Не как после эмоционального выгорания из-за силы Адама и не как бездушная кукла Аннабель, а будто бы полностью очищенная от всего, что было до моего заточения за защитными стенами.

Хотя нет... Очищенная – не совсем правильное слово. Ведь оно подошло бы в том случае, если бы я, как многие другие желающие начать жизнь с чистого листа, избавилась бы от мешающего жить балласта, который годами пагубно влиял на меня. После чего непременно ощутила бы лёгкость и удвоенное рвение двигаться дальше, мечтать, строить планы, радоваться каждому новому дню и верить, что впереди меня ждёт прекрасное будущее.

Я же ничего из этого не делаю и не чувствую. Просто не могу. Сколько бы я себя ни заставляла. Мне кажется, за всё время моего пребывания за «щитом» я разучилась быть живым человеком. И пока пряталась там, я не только не избавилась от ненужных воспоминаний, терзающих чувств, идиотских моральных принципов и всего прочего негатива, но и пополнила коллекцию дерьмовых моментов, которые беспощадно ломали меня, превращая в беспорядочную грудку обломков.

Сломанная. Сломленная. Разбитая. Бракованная.

Вот они – те самые правильные определения, которые лучше всего охарактеризуют моё нынешнее состояние.

Четыре месяца назад, отдавая всю себя в руки Аннабель, я надеялась, что сумею полностью отгородиться от влияния Адама так же, как всегда это делала в общении с другими мужчинами. Но я в очередной раз не учла один ключевой нюанс.

Адам не как все.

Он необычный. Другой. Мистический, и сколько бы я ни пыталась это отрицать, но он слишком небезразличен мне.

Страх перед потерей памяти помог мне защититься, однако, как выяснилось довольно быстро, только от его магической части. Будучи спрятанной за Анной, я не ощущала на себе воздействие «очарования» вместе со всеми его побочными эффектами, но вот от обычных человеческих реакций на все поступки и слова Харта я не смогла себя уберечь.

Я частенько воевала с Аннабель и сама порывалась разрушить стены изнутри не из-за желания выбраться наружу, а просто потому, что иначе не могла.

Я чувствовала всё!

Лютую ревность от каждого услышанного стоны Виолы за стеной, разъедающую сердце обиду на вечную беспричинную злость и агрессию Адама в мой адрес, отвращение из-за его

потребительского отношения ко мне и постоянное чувство униженности, ненужности, использованности, помноженное на беспросветную тоску по Остину, с которым Харт меня разлучил.

Медленно умирая от мысли, что Остин считает меня продажной шлюхой и, несомненно, ненавидит за это, я не прекращала скучать по нему каждый божий день и ночь, пока Анна удовлетворяла босса по высшему разряду. Она делала всё, что Адам ей велит, не испытывая при этом ни одной отрицательной эмоции. Но их испытывала я. Все до единой. Просто по-человечески. Без усиления его магии, которая точно испепелила бы меня ещё в первые же ночи нашей близости.

В навязчивом желании вернуть меня Адама непрерывно мотало из стороны в сторону, а мне приходилось с этим ежедневно справляться, чтобы удержать защиту и не позволить ему добраться до меня окончательно. И мне вроде как неплохо удавалось защищаться от его натиска. Временами проще, когда он заставлял унижаться перед ним, пытаясь разозлить меня до безумия. Временами сложнее, когда он пускал в бой фальшивую любвеобильность, от которой сердце заходило в безобразном ритме, норовя выбраться наружу, вслед за собой утачив и меня. А когда мне всё-таки удавалось удержать себя и трепещущий орган за стенами, он просто-напросто разбивался, потому что Адам вновь начинал показывать своё истинное лицо.

Анна наверняка сказала бы, что каждую ночь я переживала то ещё веселье, да только мне лично смеяться не хотелось. Я мечтала разрыдаться от отчаянья, бессилия и душевной боли, которую Харт мне ночь за ночью причинял, но так как сделать это у меня как всегда не получалось, мне приходилось бороться со всей горечью вместе с застрявшими слезами внутри себя.

Но даже это не мешало мне справляться с ментальными атаками Адама, ведь, дай-ка напомним – бесконечное состояние «разбитого сердца» для меня не в новинку, и терпеть его день изо дня не являлось непосильной задачей.

До жути трудной. Мучительной. Разрезающей меня на части. Но не непосильной. Я держалась, даже когда совершенно не понимала, для чего это делаю. Ведь если так подумать, после окончания бесплатного контракта с Адамом меня никто и ничто не ждало.

Ни дома, ни денег, ни семьи, ни друзей.

Маму я бросила сама по собственному желанию, Эмилия вряд ли согласилась бы слушать меня после столь долгого молчания, а Остин... он явно вычеркнул меня из жизни сразу же, как получил всю омерзительную информацию о шлюхе, которая врала ему постоянно как сивый мерин.

Я осталась совсем одна.

Но так я думала до тех пор, пока Адам не удивил меня новостью о том, что Остин ищет меня. Ищет, даже несмотря на то, что ему известна вся правда.

Сначала я не могла в это поверить. Потом мне стало очень страшно. Я испугалась, что Остин найдёт меня и нарвётся на неприятности с Адамом, с которыми бы он не смог справиться. Но чуть позже меня с головой окатила первая за последние месяцы светлая эмоция – счастье. А за ней последовала надежда на то, что у меня всё ещё есть шанс не потерять Остина, вместе с новым стимулом не сдаваться, чтобы остаться целой и морально здоровой, после того как Харт наиграется со мной вдоволь.

И игрался он, конечно, виртуозно. Чего только не придумывал. Под конец даже Виолу к своему плану подключил. Да только всё без толку. Этим он лишь в сотый раз доказал, что все короткие, редкие моменты его нежности и адекватного отношения ко мне – всего лишь способ добиться желаемого.

Адам всегда действует лишь в своих интересах. Думает только о себе и о своих прихотях.

Я давно это поняла и ещё с самого начала плена знала, что это никогда не изменится, но, черт возьми, почему-то всё равно, как наивная дура, продолжала надеяться, что Адам изменит своё отношение ко мне.

Я не ждала от него любви. Никак нет. Ведь в нашу первую ночь в Рокфорде он доходчиво мне объяснил, кем именно меня считает. Но я надеялась, что он всё-таки прекратит так явно показывать мне моё место в его жизни. Прекратит наказывать за то, что посмела переспать с другим. Прекратит держать меня взаперти, словно свою собственность. И прекратит трахать меня как портовую девку. Нещадно. Грубо. Без души. Без искреннего желания сделать приятно, а не только ради того, чтобы выкурить меня из защитных стен.

Да. Я точно дура с самой тяжёлой стадией мазохизма.

Наверное, когда всю жизнь тебя непрерывно переполняет боль – как физическая, так и моральная, в итоге ты к ней привыкаешь настолько, что потом уже без неё не можешь.

Только так я могу объяснить, почему не переставала ждать от Адама снисхождения и хотя бы крупинцы человеческого отношения. Не как к вещи, а как к женщине. И по той же причине поддавалась своим чувствам к нему, несмотря на то, что заведомо понимала – это лишь повысит возможность выбраться наружу и приведёт к моим новым страданиям.

И зная свою дурацкую привычку напрасно ждать от людей лучшего, я бы мучилась в своём склепе до самого последнего дня наших с Адамом секс-отношений, однако эпизод с Виолой, к счастью, всё изменил.

Очередная лавина ревности, обиды и боли каскадом спадала на меня всё то время, пока я наблюдала за их страстью на диване. Но не это добило меня и наконец уничтожило все мои бессмысленные надежды, а томный взгляд Виолы, окрашенный слепой любовью.

Она стонала под ним, целовала, умоляла взять её, отдавала всю себя и даже не понимала или же не хотела понимать, что Адам дарует ей толику своего внимания не потому, что хочет её, а потому что вновь ведёт игру, главная задача которой – вытащить меня.

И Виола жила так больше пяти лет. Надеялась, что рано или поздно он изменится и из всех своих счастливиц выберет именно её, попутно день за днём ожидая уникальный момент, когда ей перепадёт хоть немного его любви и ласки.

Глупая, наивная, очарованная им идиотка. Такая же, как сотни других. И такая же, как и я!

В этом мужчине нет любви ни к кому, кроме себя. Нет и никогда не будет. И я не желала больше быть похожей на Виолу. Я не собиралась и дальше чего-то ждать от Адама. Это бессмысленно. Больно. И обречено на провал. И я не могла допустить, чтобы он выиграл, добравшись до меня.

И лишь тогда, когда я стопроцентно поняла и приняла этот факт, мне удалось наконец усовершенствовать свои «стены» по максимуму, сумев дать Анне то, что Харту в ней не хватало, а затем уйти в себя настолько глубоко, чтобы больше не видеть и не слышать ничего, что будет происходить между ними дальше.

Последнее, что я помню перед полным отрешением – это стонущая на Харте Виола, и его пальцы, ласкающие её промежность. Всё. А дальше провал, в котором я толком не видела дальнейшие будни Анны.

Я не совсем находилась в темноте, а как будто погрузилась глубоко под воду, где глаза были способны видеть лишь мутные, блеклые отрывки жизни Аннабель, которые не вызывали во мне ни единого эмоционального отклика.

Но, увы, эти тишина и безмятежность окружали меня совсем недолго. Всего несколько недель, которые потребовались Адаму, чтобы осуществить свой новый план по моему вызволению.

И что ж. В очередной раз можно его поздравить!

Прошивающий всё тело ужас вмиг проломил всю мою защиту и вырвал меня, как рыбку, из безопасных глубин в реальность, где я встретила с родным нефритовым взглядом.

Шок. Боль. Презрение.

Три чёткие эмоции в любимых глазах не оставили мне шанса сохранить стены. Я не могла думать. Не могла дышать. Не могла зацепиться за спасательную маску.

Весь мир ушёл на второй план, пока я считывала с лица Остина все оттенки разочарования и слышала, с каким оглушительным грохотом рушится моя последняя надежда на наше совместное будущее.

Я предала. Продалась. Вместо него выбрала деньги.

Все эти мысли я с лёгкостью прочла по его лицу без всяких слов. И самое ужасное, что я не могла их опровергнуть, как бы мне того ни хотелось.

Ради него. Ради его же блага я должна была молчать. И зачем я понеслась за ним вслед в желании объясниться – не знаю. Говорю же: я не думала. Не могла. Душа рвалась к нему, умоляла остановить и попытаться хоть как-то сгладить ситуацию, но Остин безжалостно пресёк мой безрассудный порыв.

– Ты сделала свой выбор. А я делаю свой: с этого дня ты для меня мертва, слышишь? Мертва!

Презрение в голосе и ненависть в зелёных глазах, что всегда смотрели на меня с теплотой, а в последний раз – с обожанием... Чёрт! Я никогда не забуду этот чужой взгляд, полный отвращения и злобы. Никогда! Он вечным клеймом отпечатался в памяти и словно тысячей стрел прошёл моё тело, заставив задыхаться от боли и истекать сердце кровью, когда Остин оставил меня одну в приёмной.

И я это заслужила. На сей раз точно. Я не должна была ему врать. Я должна была сразу сказать ему всю правду. В глаза, а не по видео, чтобы он поверил... Чтобы отвернулся... Чтобы не тратил попусту своё время на попытки найти меня и спасти.

Это невозможно.

От Адама не уйти. Он меня не отпустит, пока я не надоем ему. И его не обыграть. Не обвести вокруг пальца. Не обдурить подделкой. Он всегда получает желаемое, давя всех на своём пути.

Он хотел меня. И он таки получил.

Я вернулась, да только я ли это?

Что от меня осталось после четырёхмесячного отсутствия, продолжительной борьбы с ним и потери единственного человека, который меня по-настоящему любил? Что?

Кто я?

Чего желаю?

О чём мечтаю?

Для чего живу?

Кого хочу, люблю и ненавижу?

Я не знаю. Я ничего не знаю. Я не понимаю, кто я и существую ли я вообще?

Уже полчаса просто стою и изучаю своё лицо в отражении. Вроде бы те же глаза. Те же нос и губы. Те же светлые волосы. Но я не узнаю себя. Я не чувствую себя правильно в своём теле. И оно действительно будто не моё. Рост, строение, формы, родинки и маленькое родимое пятно на руке – всё осталось прежним, но на коже не сохранилось ни одного шрама от моих многочисленных ударов и падений.

Такое чувство, будто с возвращением души стёрлись не только мои внутренние настройки, но и тело обновилось, переродилось, освободило место на себе, чтобы я начала писать на нём новую историю.

И я начала. В первый же час после камбэка – разрисовывала костяшки своих пальцев кровью и ушибами, когда наносила сильные удары по лицу Адама.

Передать, что со мной творилось в тот момент, я не смогу. Скажу лишь, что в моей голове творилась полная неразбериха, а в душе и вовсе стихийный хаос. С секунды, когда я увидела Остина в кабинете, и до мгновенья, как бессилие после срыва усыпило меня прямо в объятиях Харта, я будто была затянута в воронку из всех эмоций и чувств, которые я испытывала, пока была укрыта в своём склепе. А осознание, что для Остина я больше не существую, окончательно топило меня во всём этом бешеном водовороте. И я никак не могла выплыть из него, сколько бы ни выплёскивала из себя этот сгусток агонизирующих эмоций, пока нещадно громила квартиру Адама со всеми его вещами.

Только удары по его надменному, радующемуся своей очередной победе лицу вместе с яростными криками помогли мне хоть немного прийти в себя, а затем быстро отключиться.

Наутро же, когда я проснулась в своей постели, вся эта ядерная смесь исчезла, а вслед за ней и желание жить. У меня не было ни сил, ни рвения встать с кровати. Я планировала пролежать под одеялом до самого вечера, когда мне через не хочу пришлось бы вытащить себя из постели, чтобы подготовиться к очередной ночи с Хартом. Однако пролежать весь день ооооо мне не позволил неожиданный приход психотерапевта.

Представляете?

Харт вызвал мне на дом специалиста. Какой заботливый, прям, не могу. Хотя, разумеется, ни о какой заботе и речи быть не может. Волновало бы его моё моральное состояние хоть немножечко, он бы не избавился от Анны. Вот и всё. А он сделал это, совершенно не думая о последствиях, потому что не привык думать о других, сдаваться и проигрывать.

Адам явно не ожидал, что меня настолько накроет после возвращения, и потому теперь ему нужно быть полностью уверенным, что мои мозги не совсем превратились в кашу и я не покончу с собой, или ещё лучше – ему горло не перережу во время секса, которого, к слову, между нами ещё не было.

Адам не заглядывал ко мне ни в одну из ночей, что лишь ещё раз подтверждает мои предположения.

Но он зря опасается. В каком бы раздразе я ни была, я никогда не лишу себя жизни. Тем более из-за него. И уж подавно я не намерена мариать руки его кровью.

Благодаря Адаму я уже потеряла свободу, Остина и саму себя, но больше я ничего лишаться не собираюсь. Да и нет ничего больше. Абсолютно. Он всё у меня отобрал. А всё из-за какого-то контракта.

Знала бы я, что меня ждёт впереди, однозначно затолкала бы свою любовь к Остину и все принципы куда подальше и добровольно раздвинула бы перед ним ноги. Сгорела бы после – ну и похер. Всё равно сейчас я чувствую себя ненамного лучше.

Да, все эмоции на месте, кожа не горит, внутренности не скручивает болезненными спазмами. И что самое главное – галлюцинаций нет, как и голоса Адама в сознании. Но тем не менее я ежедневно сижу в кресле напротив мозгоправа и веду с ним продолжительные беседы, которые совершенно не помогают мне возродить жизненный свет внутри меня. Мне лишь хочется отмыться после каждого нашего сеанса, что я и делаю сразу же после ухода врача.

Встаю под горячие струи воды и стою неподвижно, пока не начинаю чувствовать хоть малость облегчения после двухчасового копания во всех событиях, произошедших за последнее время. А следом, «смыв» с себя осадок после прогулки в прошлое, я выбираюсь из душа, вновь иду к зеркалу и смотрю на себя подолгу, не узнавая.

Кто я?

Чего хочу?

О чём мечтаю?

Для чего живу?

Кого хочу, люблю и ненавижу?

И где мне на сей раз отыскать этот свет, способный помочь найти в себе силы двигаться дальше?

– Где он? В каком месте? В чём? Или в ком? Во мне его точно нет! Всё исчезло, растворилось, потухло! – бросаю я с отчаяньем своему мокрому отражению, но вместо ответа, мать её, Вселенная, словно насмехаясь, вырубает в ванной весь свет. И так как на улице уже стемнело, сбой в электричестве вмиг погружает меня в непроглядный мрак.

Будто мне своего собственного было мало.

Темноты я не боюсь, поэтому никакого страха или волнения не испытываю. Как, впрочем, и интереса к тому, почему произошёл сбой. Медленно двигаюсь в сторону стены, где на полках лежат полотенца. Шаг за шагом добираюсь до них и повязываю вокруг себя махровую ткань, при этом воистину свершаю подвиг для такого неуклюжего человека, как я, не задев ни рукой, ни ногой ни один угол мебели в ванной.

Дальше придерживаюсь за стену и аккуратно ступаю босыми ногами по кафельной плитке, выбираясь из ванной в спальню, которая тоже осталась без света.

– Чёрт! – тихо выдыхаю я.

Недолго жду, когда глаза хоть чуть-чуть привыкнут к темноте, и продолжаю движение к выходу из комнаты.

За всю неделю я ни разу не покидала свою спальню. Не потому, что Адам снова запер меня, а просто из-за нежелания бродить по пентхаусу, или же заняться спортом, или выйти погулять, и уж тем более случайно встретиться с Хартом. Но, к сожалению, сейчас мне это сделать придётся. Заснуть так рано я не смогу – на часах всего полдевятого, а сидеть во тьме как-то совсем неохота, поэтому, хочу я того или нет, но мне нужно выбраться из комнаты, чтобы позвать Лорэн и попросить у неё свечи.

Шаг, шаг, шаг, и вот я наконец добираюсь до двери, однако открывать её и идти куда-то отпадает вся необходимость. Оказывается, вечно молчаливая домработница уже здесь. Её присутствие в комнате, а точнее прямо за моей спиной я ощущаю, едва успев коснуться дверной ручки.

– Лорэн, ты...

Но договорить у меня так и не получается, как и обернуться тоже: крупная ладонь накрывает мой рот, а фигура, на несколько голов превышающая рост тучной домработницы, намертво придавливает меня собой к двери.

Не могу ни крикнуть, ни вырваться, ни ударить. Я полностью скована мужским телом и не вижу лица нарушителя моего покоя, но точно знаю – это не Адам. Его бы я ощутила ещё издалека.

Но паники нет. Страх – тоже. Рвения спастись – так подавно. Ни капельки. Мне глубоко плевать, кто он, как пробрался внутрь и что сейчас сделает со мной.

Похитит, искалечит, изнасилует, порежет или убьёт?

Вперёд! Пусть делает, что хочет!

Возможно, хоть перед смертью на долю секунды я смогу почувствовать себя живой.

Глава 1

Остин

Неделю назад

Случайности не случайны.

Особенность человеческой природы в том, что мы не можем увидеть картину мира целиком и каждую её деталь отдельно. Так уж мы устроены. И благодаря этой особенности мы принимаем некоторые ниспавшие на нас беды за случайность. Но их не бывает. На всё есть причинно-следственная связь. Всё взаимосвязано и закономерно. И нужно понимать, что неприятности, происходящие с нами – не божественное наказание, а результат нарушения нами законов Вселенной.

Другими словами, мы сами являемся причиной всех наших неприятностей.

Народная мудрость гласит:

«К тебе возвращается только то, что ты делаешь в отношении других».

И опираясь на эту общеизвестную истину, за последние месяцы я не раз задавался вопросом: что же такого ужасного я натворил в своей жизни, раз теперь мне приходится платить за это такую высокую цену?

Я готов был жизнь отдать ради счастья и благополучия своих любимых женщин. И день за днём пахал как проклятый, лишь бы как можно скорее обеспечить их всем необходимым. Но в этом, видимо, и заключалась моя главная ошибка. Я чересчур много думал о будущем, пропуская мимо носа настоящее.

Беспечно и эгоистично относился к Ларе, чем неоднократно доводил её до слёз. Не проводил с бабушкой гораздо больше времени, заставляя её постоянно тосковать по мне в одиночестве. И совершенно не видел в Николине ту, кем она являлась в действительности. Не интересовался, как полагается, её жизнью. Не вникал углублённо в суть её проблем, вечно сопровождающих её повседневность. Не замечал её тайных чувств ко мне. И сам того не желая, год за годом вынуждал её ревновать, грустить и страдать от неразделённой любви, за что она в итоге всего одним сокрушительным ударом отомстила мне сполна.

Специально или нет – не суть. Факт остаётся фактом. Бумеранг, неосознанно запущенный мной много лет назад, лишь сейчас добрался до конечной точки и вернулся ко мне обратно.

Получается, всё честно. Я заслужил. Осталось вынести из этой ситуации поучительный урок и впредь быть более внимательным к окружающим меня людям, добавив также важную пометку: не верить без оглядки самым близким из них.

Слово даю, что подобной ошибки больше никогда не совершу. Если, конечно, выживу после минувшей «незабываемой» ночи. И, кстати, о некогда данных себе обещаниях. Я ещё глаза не успел открыть, но уже понимаю, что табу на алкоголь во время душевных терзаний вчера было мной полностью нарушено.

Нет, в голове не тотальная пустота, какая встретила меня в прошлый раз, когда я очнулся наутро в Энглвуде, но все события прошедшей ночи кажутся мне какими-то нереальными. Чересчур громкими, яркими, пестрящими неоновыми красками, словно происходящие не наяву, а в галлюциногенном сне или в мультфильме. Только, нужно отметить, далеко не в детском, а со строго вклеенной отметкой 18+.

Мне даже напрягаться не надо, чтобы прокрутить весь сюжет ночных приключений. Он до сих пор виден мне настолько реально, словно это происходит со мной прямо в эту секунду...

Алкоголь льётся рекой, сигареты курятся со скоростью света, а картинка перед глазами меняется ещё быстрее. Одна девчонка. Потом другая. За ней и третья. А вот и до невесты наконец удаётся добраться. Интересная чертовка. И на редкость красивая. Повезло же кому-то. Счастливчик.

Разговоры. Смех. Тосты. Флирт. Танцы. Поцелуи. Хоп – и я уже чьи-то сиськи с жадностью сминая в кабинке туалета, вдавливая всем телом в стену аппетитную фигурку девушки. Срываю с шикарного бюста топ, нападаю губами к затвердевшим вершинкам. Лижусь их, дразню, всасываю, покусываю. Они маленькие, розовые, вкусные, как ягоды, да только я так изголодался, что мне этого мало. Мне мяса хочется. Много. Жареного. Или верней сказать: отжаренного.

Задираю юбку до талии и резко разворачиваю красавицу задом, даже не разобрав, кого из всех моих недавних собеседниц я собираюсь жарить.

Похрен. Это не важно. Важно, что вид сзади у девчонки тоже что надо. Сочный кусочек мне достался, однако.

*Отшлёпать, сжать, сорвать трусы, спустить штаны и надеть презерватив – на всё это уходят считанные секунды, а дальше... бя*ь... долгожданная нирвана, в которую мы улетаем вместе под звуки общих стонов и частых, хлёстких ударов.*

Течёт девчонка и кончает так быстро, будто, как и я, сто лет не трахалась. Меня, к слову, тоже надолго не хватает. Мясо получается слабой прожарки, но оно не жалуется, а лишь часто дышит и довольно улыбается – и это главное.

Оргазм придаёт мне ещё больше сил, и я чувствую себя всецело готовым к новым свершениям. Бар сменяется на другой, а после на клуб, где вновь продолжаются пьянка и танцы в компании моего друга и моря шикарных девчонок. Не тех, что были изначально. Уже других. Но не менее симпатичных.

И откуда только этот белобрысый рыбак таких аппетитных рыбок вылавливает? Да ещё и так быстро? Невероятно. Все как на подбор. И смотрят так, что без слов понятно, чего им этой ночью хочется.

И эти вкусные рыбки прямо-таки по адресу обратились. Мне хочется того же. Мясо в моём меню сегодня уже было, а значит, теперь пришла пора попробовать и их.

И я не прикалываюсь. Судя по воспоминаниям, мне действительно казалось, будто я, как Алекс из «Мадагаскара», изголодался настолько, что начал видеть всех женщин в виде сочных кусочков еды, которой я не могу насытиться до самого рассвета.

Я вообще был сам не свой. И чувствовал, словно все действия за меня делает некто другой. Всё ощущалось как во сне, в котором я пил без остановки и не пьянел, трахался, ни о чём не думая, веселился как подросток и усталости не знал. И я танцевал! Танцевал, мать его, везде, где только можно и нельзя, а это уже говорит о том, что я определённо был не в себе.

Ведь я никогда не танцую. Не люблю. Не умею. Не моё. Но только не вчера, когда в меня явно вселился какой-то всемогущий бог танцпола. Боже! Как вспомню, так не верится, что это в самом деле творил я. Может, всё моё безрассудное разгулье было всего лишь сном?

Нет, навряд ли. Ведь будь оно так, меня бы не сушило сейчас настолько, словно я неделю в себя жидкость не вливал, и не чувствовал бы во всём теле тяжесть, будто меня чем-то придавило.

Хотя... минуточку... нет никаких «будто». Меня реально придавило чем-то теплым и мягким. Это я осознаю, когда пытаюсь повернуться с затёкшей спины на бок, но у меня не получается.

С трудом открываю глаза, приподнимаю голову от подушки и тут же встречаюсь с черноволосым затылком девушки, что спит, целиком лёжа на мне.

Ничего себе! Она, что ли, даже сползти с меня не смогла после секса и во сне ни разу не подвигалась? Как такое возможно вообще? Она хотя бы жива? Я не прибил её ночью? От

меня вчера всего можно было ожидать. Но нет. Вроде дышит. Да и тёплая она. Труп бы, думаю, успел окоченеть за то время, пока я спал.

Фу! О чём я думаю? Меня и так подташнивает, а я ещё о мертвечине рассуждаю, которую срочно нужно с меня столкнуть, а то иначе моё онемевшее, придавленное ею тело точно скоро окочурится.

Обхватываю девчонку за талию, аккуратно перекладываю с себя на кровать и лишь тогда догоняю, что нахожусь не в своей квартире.

Вновь плюхаюсь на подушку, прикрываю глаза, и в памяти быстро вспыхивает бурная дорога из клуба к неизвестному адресу...

Я, блондин и три девчонки. Все с бутылками в руках, весёлые и шумные. Мы входим в фойе какого-то отеля, минуем ресепшен и сразу направляемся к лифту. Добираемся на нужный этаж, где друган открывает один из номеров, который оказывается просторным люксом с несколькими спальнями. Девушки верещат от восхищения, рассматривают интерьер, блондин включает музыку, разливает алкоголь по бокалам, и шумный праздник продолжается вплоть до тех пор, пока мы не расходимся по комнатам. Блондин с такой же выбеленной блондинкой в одну, а я с двумя брюнетками – в другую.

Погодите-ка...

– Доброе утро, Остин. Ты проснулся? – не успеваю я до конца собрать весь пазл концовки ночи, как сонный голос касается моего правого уха, женская рука опускается на торец, а тёплый импульс чужой похоти напрягает всю область пояса.

Поворачиваю голову в противоположную сторону от девчонки, что продолжает лежать в полном отрубле, и получаю зеленоглазое, растрёпанное и полностью обнажённое подтверждение моему первому в жизни тройному randevu.

Надо же: вот это я знатно залечивал вчера раны! Да только я никого не удивлю, сказав, что даже с двумя женщинами в постели залечить ничего не вышло. Опустошить яйца – да. Но вырвать из груди пульсирующий горечью шип, а из головы – все мысли о Ники – нисколько. Всё сохранилось там же, где и было до того одного исцеляющего шота бурбона, который блондин уговорил меня выпить.

Правда, он не исцелил, а просто сработал как временное болеутоляющее, превратив меня в заведённого, неутомимого трахаря-тусовщика, коим я никогда не являлся. И за это незнакомцу нужно будет ещё ответить. Как и на вопрос – откуда ему было известно моё имя и какого чёрта мне до сих пор неизвестно его?!

Глава 2

Остин

Залпом выпитая полулитровая бутылка минеральной воды и контрастный душ значительно улучшают моё похмельное состояние. Хотя на сей раз это даже похмельем назвать язык не поворачивается. Всего-то сушит нещадно, немного мутит да глаза режет от яркого дневного света, врывающегося в спальню из панорамных окон. И это странно. Ведь, если память меня не обманывает, я вчера литрами вливал в себя различный алкоголь, то повышая градус, то понижая его. После такой ударной дозы выпитого я, как минимум, должен был проснуться мордой на крышке унитаза или в полуживом состоянии где-то в закоулке, но никак не в относительно хорошем состоянии в постели с двумя симпатяшками, с которыми провёл бурную ночь.

Настолько, что у меня с непривычки все мышцы ломит от физической нагрузки, а девушки до сих пор из кровати вылезти не могут. Одна так и спит мёртвым сном, не шевелясь, а вторая повторно отключилась после моего вежливого отказа от утреннего продолжения.

Эта зеленоглазка вообще та ещё тигрица. Всю ночь постоянно перенимала на себя инициативу да такое языком вытворяла со мной и со своей подружкой, что с ума можно было сойти. Хотя, по сути, ночью я и сходил. А сейчас мой мозг вновь заработал в обыденном режиме, вернув все воспоминания, боль и требующие срочного истребления чувства к светловолосой девчонке, которая всё равно, несмотря ни на что, является для меня единственной любимой и несравнимой ни с одной из моих ночных развлечений.

К чёрту! Нужно прекращать думать о ней. Это бессмысленно. И чересчур больно. С Николиной всё в полном порядке. Она жива, здорова, цветёт и благоухает благодаря щедрости Харта, и мне волноваться за неё больше не надо. Теперь она – не моя забота.

Моя задача на данный момент наконец начать думать только о себе, о своём здоровье и карьере. Я теперь у себя в приоритете. И потому мне стоит понять, где именно я нахожусь, и свалить отсюда поскорее в свои апартаменты.

Осматриваюсь по сторонам в поисках одежды. Штаны нахожу на кресле, рубашку – на торшере, боксёры – под кроватью, а вот с носками проблема. Будто сквозь землю провалились. Ну и ладно. И без них обойдусь. Главное, голым на улицу выходить не придётся – и уже хорошо.

Пока одеваюсь, на глаза попадают женские трусики, туфли, сумочка с вываленными наружу девчачьими безделушками, буклет отеля, в котором я нахожусь, и пустая пачка от презервативов.

Откуда они у меня вообще появились – этот момент вспомнить не получается. Но их было восемь штук. Точно. Два я использовал в барах, а шесть здесь, с этими подружками.

Охренеть можно! Что этот мудака подсыпал мне в напиток, раз сумел меня из человека превратить в бессмертную машину? Слава богу, я хотя бы предохранялся, а то неизвестно, какими плачевными последствиями меня наградил бы эта безумная ночь.

Я всегда думаю о защите. Всегда. Мне проблемы и неожиданные сюрпризы в виде потомства не нужны. Только с одной девушкой я позволил себе забыть о контрацептивах. Только с одной мои мозги напрочь отключились. И только одну мне хотелось чувствовать без каких-либо преград.

*Бля*ь! Хватить думать о ней, Остин! Хватит! Она того не стоит. Оставь её в прошлом! Теперь нужно строить планы на жизнь без её участия в ней.*

Ставлю на повтор эти слова в голове и концентрируюсь на более насущных проблемах. Проверяю наличие кошелька, ключей от квартиры и телефона в карманах штанов и приятно

удивляюсь, что всё лежит на месте. Ничего не потерял. И ничего не украдено. И это ещё одно чудо, честное слово.

Тихо выбираюсь из спальни, оказываясь в ещё более светлой и солнечной гостиной. Дьявол! Глаза молят о пощаде от такого яркого света. Хотя очки солнечные надевай.

Жмурюсь, напрягаю зрение и слегка ловлю ступор от хаоса, устроенного нами в комнате. Мы тут тусовались или дрались все друженько?

По разгрому в номере так сразу и не понять. Тут не только повсюду разбросаны бутылки, бокалы, закуски и какие-то разноцветные верёвочки, но и кофейный стол с несколькими декоративными вазами вдребезги разбиты, пара стульев сломана и портьеры со всеми штангами сорваны со стен.

– Остин! А вот и ты, друг мой! Я всё думал, когда же ты наконец проснёшься?! – с искренним радушием восклицает блондин, тихо подобранный ко мне сзади.

Я слегка напрягаюсь от неожиданности. Оборачиваюсь и встречаюсь с его вечно улыбающейся физиономией.

На нём спортивные штаны и чёрная майка. Пепельные волосы влажные после душа, а лицо выглядит настолько свежо и бодро, будто он вчера вовсе и не пил в том же количестве, что и я. Если не больше.

– Что, любишься нашими стараниями? – усмехается он, указывая на бардак в комнате.

– Нам влепят жирный штраф за порчу гостиничного имущества, – констатирую я.

– Я всё улажу.

– Мы уладим.

– Я улажу, – настаивает он. – Все расходы на мне.

– С чего вдруг? В веселье участвовали мы оба, так что и платить обоим.

– Я тебя сюда привёл – мне и платить. Да и не парься. Любой штраф будет того стоить. Ночка и правда была крутой. Давно я так не веселился и много не ржал. Ты вчера был звездой вечера! Однозначно. Даже меня переплюнул, – он опускает ладонь на моё плечо.

Любит же он тактильный контакт. А вот меня он то и дело настораживает.

– Чем же? – сосредоточенно смотрю сначала на его перстень на пальце, а затем в ярко-голубые глаза.

– Ну... мне в отличие от тебя не удалось затащить в туалет невесточку, у которой через пару дней свадьба, и оттрахать её там, как дешёвую шлюшку.

Эм... Что?

Так это что же получается? Незнакомка с донельзя сочным задом была той самой интересной красоткой, с которой её будущему мужу очень повезло?

Да уж. Очень повезло. И врагу не пожелаешь.

– Ничего себе! Так ты что, даже не помнишь, кого там трахал?

Смех с ментальным ударом его веселья заставляет меня на секунду улыбнуться, но на деле же мне ни капли не смешно.

– Я всё помню, просто не разглядел её лица в процессе. Вот и всё.

– А разглядел бы, это что-то изменило бы? – довольно ухмыляется он, и так зная, что в моём вчерашнем состоянии меня не то что существование жениха не остановило бы, а даже конец света.

Я ничего не отвечаю. Лишь веду плечом, стряхивая с себя его руку.

– О-о-о, смотрю, солнце взошло, и бука Остин вернулся. Вчера, друг мой, ты мне нравился гораздо больше, – беззаботно протягивает он.

– Так ты подсыпь мне опять что-то в утренний кофе, и будет тебе счастье. Если, конечно, я тебе руки до этого не успею переломать, – мрачным голосом цежу я, максимально выражая своё негодование по поводу выходки «дружка».

– Вообще-то я ожидал услышать другое «спасибо».

– Спасибо? Ты сейчас шутишь?

– Нисколько, – скрестив руки на груди, преспокойно выдаёт он.

– Я должен сказать тебе спасибо за то, что ты подсыпал мне какую-то дрянь, от которой я превратился в другого человека и толком не мог себя контролировать?

– Не так. Ты должен сказать мне спасибо за то, что я помог тебе отключиться от всех проблем, что позволило тебе расслабиться, повеселиться и натрахаться вдоволь, наверстав все месяцы воздержания. Мы же ничего ужасного вчера не натворили. Просто отрывались на всю катушку, и тебе это понравилось, не отрицай. От девочек, которых мы подцепили, ты уж точно остался в восторге. Да и они от тебя тоже. Уверен, это было слышно всему отелю. Вы сотрясали стены до самого утра. И вдобавок ко всему сегодня тебя вряд ли мучает то жуткое похмелье, которого ты опасался, а всё благодаря маленькой таблеточке, что я тебе подбросил. Да, согласен, делать это у тебя за спиной было неправильно, но добровольно бы ты её не принял и так бы и прокис весь вечер в одиночку, маринуясь в своих любовных страданиях. Так что... Я совершил нечто нехорошее исключительно в благих целях, поэтому у тебя нет поводов на меня злиться, а только понять и простить. – Он складывает ладони вместе в молитвенном жесте и, скорчив невинное лицо, ждёт от меня каких-то слов.

А мне нечего сказать.

Я и соглашаться не хочу с тем, что его самовольный поступок может быть так просто оправдан, но и начать отрицать сейчас, будто мне не понравилось целую ночь ни о чём не переживать и ничего не чувствовать, было бы очень глупо.

Конечно, мне понравилось. И очень. Мне кажется, я за всю жизнь так не расслаблялся. А в последнее время я и вовсе жил в сверхнапряжённом режиме, который выдержал бы далеко не каждый: с утра до вечера проводил время на работе, где на мне лежит огромная ответственность, а всё свободное время тратил на поиски Ники, изводя себя как морально, так и физически.

И, кстати, о физическом...

– А откуда ты знаешь о моём продолжительном воздержании? Я тебе этого точно не говорил, – подозрительно прищурившись, делаю шаг к нему.

– Не говорил, – полное отсутствие волнения как в голосе, так и в эмоциональном фоне.

– И имя своё я тебе тоже не говорил.

– И его тоже, – вновь полный штиль, что вводит меня в замешательство и ощутимо раздражает.

– Тогда откуда ты меня знаешь? И кто ты вообще такой? Какого чёрта подсел ко мне вчера в баре? И с чего вдруг относишься к первому попавшему парню так по-дружески? Тратишь на него свою наркоту? Пускаешь в свой люксовый номер? И зачем ты его снял вообще? Ничего попроще не нашлось для тусовки? Или ты здесь живёшь? – бросаю последнее предположение, ещё раз осмотрев домашний образ блондина.

Откуда у него сменная одежда появилась?

– Да, я здесь живу, – всё тем же спокойным тоном и с улыбкой на губах подтверждает он.

– И это всё?

– А что ещё?

– Из всех моих вопросов ты соизволил ответить лишь на последний.

– Их было слишком много, друг мой, а память у меня, как у золотой рыбки. Запомнил только этот, – откровенно потешается он.

– Мне тебе с кулаками их повторить, чтобы точно не забылись так быстро? – не сдерживаюсь и хватаю его за майку.

– Нет, кулаками не надо. Лучше побереги свои костяшки. Но я рад, что в тебе до сих пор бурлит энергия. Всё лучше, чем твоя вчерашняя апатия.

Я недоумённо хмурюсь, в самом деле не понимая этого мужика и его до раздражения миролюбивого настроя. Как и своего инстинктивного недоверия к нему я тоже обосновать не могу.

Он не обокрал меня, не избил, не сдал на органы и нигде не бросил пьяного. Я не улавливаю от него ни одной негативной эмоции, а его дружелюбное выражение лица – хоть прямо сейчас в позитивную рекламу вставляй, но я всё равно не могу расслабиться и поверить в бескорыстность его поступков. Не могу! И на это есть причины.

– Кто ты такой? И откуда меня знаешь? – разжав пальцы на его майке, глухо спрашиваю я, но выяснить тревожащий меня вопрос мне на сей раз мешает раздавшийся стук в дверь нашего номера.

– А вот и завтрак причалил. Не знаю, как ты, но я зверски голоден. – Блондин срывается с места и открывает дверь, впуская в комнату официанта.

Тот заводит внутрь поднос с множеством прикрытых крышками тарелок, бросает взгляд на нанесённый урон номеру и, полностью проигнорировав его, учтиво желает нам приятного аппетита.

– Спасибо, Бред. Прекрасного тебе рабочего дня... А точнее, уже вечера, – радушно благодарит блондин, добавляя к словам несколько столонларовых купюр.

Улыбка на лице парня расцветает ещё ярче, и он без слов ретируется.

– У меня уже желудок начал сам себя жрать!

Мужик поднимает крышки с блюд и жадно втягивает в себя ароматные пары, стремительно заполняющие всё пространство комнаты. Берёт два из оставшихся в целости стула и ставит их по обе стороны от стола.

– Садись и налетай! – бросает он и незамедлительно следует своему же приказу, пока я так и продолжаю стоять на одном месте в ожидании ответов.

– Повторяю: сядь и поешь. Тебе это нужно. Ты помимо секса однозначно и про полноценное питание позабыл. Первое уже исправили, так что теперь исправь и это, а потом я отвечу на все твои вопросы, какие захочешь, – он вмиг меняет роль «друга» на строгого родителя, впервые за наше общение жалея меня едва ощутимым раздражением.

Но именно оно почему-то побуждает меня уступить и выполнить его требование. Да и лютый голод при виде горячей, ароматной еды не оставляет возможности устоять перед завтраком.

Я сажусь напротив и присоединяюсь к поеданию пищи – молчаливому и, наверное, самому странному в моей жизни. Пока мы едим, этот непонятный чувак вновь не отрывает пристального взгляда с моего лица.

Я никогда не имел проблем с прямым зрительным контактом с людьми – будь это женщина, мужчина, взрослый, ребёнок, начальник или подчинённый, но, чёрт побери, с этим кадром и его пронзительным взглядом у меня явные проблемы.

Он напрягает, заставляет чувствовать себя не в своей тарелке. И уверен, будь сейчас на моём месте сентиментальная девчонка, она сказала бы что-то вроде: «Его взгляд пробирается глубоко-глубоко, касается самой души и считывает все мои потаённые мысли», а затем она растеклась бы перед ним как пломбир под солнцем и сделала бы всё, что он пожелает.

Но я-то никакая не девчонка. И растекаться перед ним точно не собираюсь. Да и блондин же чётко дал понять, что он – гетеросексуал, и все его ночные интрижки это полностью подтвердили.

Но тогда какого лешего он смотрит на меня так, словно ничего вокруг, кроме меня, больше не видит?

Несмотря на острое желание спросить – что с ним не так и почему он опять пялится, я всё-таки сдерживаюсь, ибо что-то мне подсказывает, что он вновь уйдёт от ответа. Я просто в

темпе вальса справляюсь с изумительно вкусным завтраком и откидываюсь на спинку стула, вызывая последние остатки терпения, чтобы дождаться, пока и он завершит свою трапезу.

А он, бля*ь, будто назло, нисколько не торопится это сделать.

Двадцать минут и миллиард моих нервных клеток уходят на то, чтобы дождаться этого знаменательного момента, а затем, когда я уже готовлюсь услышать начало его объяснений, блондин просто встаёт и покидает гостиную.

Вот так просто. Без слов. Без пояснений. Без каких-либо жестов.

Собираюсь уже последовать за ним в комнату, в которую он молчаливо свалил, однако его быстрое возвращение меня останавливает.

Блондин неторопливой походкой направляется к столу, неся в руках лэптоп. Кладёт его на барную столешницу, предварительно стерев с поверхности ладонью несуществующую грязь. Включает устройство и начинает сосредоточенно вглядываться в экран, будто напрочь забыв обо мне.

И тут моё терпение кончается.

– Ты долго ещё будешь оттягивать неизбежное? – зло рявкаю я. – Начнешь уже наконец говорить или мне всё-таки придётся тебя заставить?

Блондин ничего не отвечает. Даже голову в мою сторону не поворачивает, продолжая пялиться в экран компьютера, словно теперь меня в комнате и вовсе не существует. Но я решаю напомнить: вскакиваю со стула и резво направляюсь к нему, намереваясь уже заставить его говорить по-плохому.

– Смотри сюда! – приказывает он резким тоном и за мгновение до того, как я успеваю к нему прикоснуться, поворачивает лэптоп ко мне.

Мгновение взгляда на экран – и я тут же застываю, за долю секунды узнавая до тошноты знакомый интерфейс систем «Атриума», с одним лишь новым отличием – в проигрываемом видео я не вижу наизусть выученный космический интерьер главного зала клуба. Там небольшая комната в фиолетовых тонах, в которой происходит горячая прелюдия перед сексом между мужчиной и...

Меня словно в живот со всей дури дубинкой ударяют, а только что съеденный завтрак резкой волной подступает к горлу.

Я опираюсь ладонями о край столешницы по обе стороны от компьютера и, борясь с приступом тошноты, смотрю, как мой начальник прижимает Николину к стене, страстно целует, срывает платье, ласкает каждый сантиметр её кожи, который вроде бы ещё совсем недавно принадлежал только мне.

Но больно и мерзко не это. Больно то, что Ники отвечает ему. С тем же пылом, голодом, страстью. С одержимостью, необходимостью, всецелой самоотдачей. Её ноги обивают его талию, губы не отпускают его губы, а руки рвут рубашку и начинают блуждать по корпусу, как обезумевшие.

Каждая секунда видео, словно лезвием по оголённым нервам и всем жизненно важным артериям. И так как я не долбаный мазохист и терпеть подобную пытку долго не намерен, я с громким хлопком закрываю крышку лэптопа и гневно рычу блондину:

– На*уй ты мне это показываешь?!

Захлестнувшая меня злость напрочь уничтожает все резервы терпения. Я не сдерживаюсь и хватаю мужика за горло, мощно припечатывая его к стене.

– Посмотри видео, – спокойно требует он, беся меня ещё сильнее.

– Я спрашиваю: зачем ты это мне показываешь? Отвечай! Откуда у тебя это видео?!

– Оттуда же, откуда и у тебя. Не один ты умеешь обходить фаерволы.

– Зачем ты это сделал?! Кто ты такой?!

– Посмотри видео.

– Я не буду ничего смотреть! Уже посмотрелся вдоволь!

– Ты не видел самого главного. Посмотри, – заладил он, как попугай.

– самого главного?! Ты издеваешься?! Я ни за что не собираюсь смотреть, как она ублажает его! Как и ждать твоих ответов по-хорошему я тоже больше не собираюсь! – выплёвывая ему прямо в лицо и замахииваясь для удара, однако так его и не совершаю.

Блондин ловко перехватывает моё запястье, кулаком врежется в живот и, пока я задыхаюсь, без труда разворачивает меня и впечатывает щекой в столешницу.

– Если ты сейчас же не посмотришь видео до конца, я тоже больше не буду просить по-хорошему.

Он наклоняется к моему уху, продолжая одной ладонью сильно давить на затылок, а второй – заламывать за спиной руку так, что резкая боль не оставляет мне шансов выпрямиться.

– И да, Остин... этот вариант всё ещё хороший, поэтому заткнись, успокойся и посмотри чёртового видео! Не стоит злить меня и вынуждать показывать тебе свою тёмную сторону. Я тебе не враг, и это в твоих же интересах, чтобы так оно оставалось и дальше, – суровая интонация его голоса неприятно покалывает щёку, а резко возросшее негодование – всю поверхность кожи. – Ты меня понял?

– Понял, – неохотно выдавливаю я и хриплю от усиленной боли в правой руке, которую он заламывает ещё сильнее.

– Сделаешь то, что я тебе говорю?

– Да, – ещё один хрип.

– И будешь держать свои руки при себе?

– Только если ты свои придержишь при себе. Это же ты из нас двоих любитель полапать, – с очередным болезненным хрипом проговариваю я и слышу короткий смешок блондина, после которого он наконец меня отпускает.

Я выпрямляюсь. Потираю место удара на животе и разминаю пульсирующее болью плечо с локтем, сверля незнакомца недовольным взглядом. А он вновь как по щелчку пальцев возвращает себе дружелюбное выражение лица, так же быстро растворяя и всё пробудившееся в нём негодование.

Поразительное управление эмоциями! Как внешне, так и внутренне. Харт нервно курит в сторонке.

– Прошу, – он открывает лэптоп и нажимает на пробел, выразительным взглядом требуя меня смотреть в экран. И я это делаю, чтоб меня! Смотрю и собственноручно засыпаю себе тонны соли на раны, которые ещё слишком свежи и глубоки. Болезненны. Непереносимы. Мучительны.

Я смотрю и вижу, как другой мужик наслаждается моей девочкой, бесповоротно осознавая, что так происходило каждую проклятую ночь, пока я упорно искал её, как влюблённый придурок.

Я искал. Он её трахал. А она наслаждалась. Точно так же, как делает это на видео, где целует его, обнимает, извивается под ним, позволяя Адаму придавить свою маленькую фигурку его крупным телом. Она разрешает себя трогать, кусать, ласкать, прикасаться там, где, мне казалось, только я могу прикасаться. Но эту ложь я придумал себе сам. Придумал, а затем безоговорочно поверил в неё, ни на секунду не подпуская к себе мысли, что Николина такая же, как все остальные её коллеги.

Такая же испорченная. Такая же беспринципная. Такая же продажная.

И эта агонизирующая в каждой клеточке тела правда будто заживо сдирает с меня кожу, разбивает на части, уничтожает всё живое и хорошее внутри меня.

Я шумно выдыхаю, сжимаю кулаки и уже готовлюсь нахрен закрыть глаза, чтобы прекратить наблюдать за их страстью в кровати приватной комнаты, но вместо этого лишь сильнее фокусирую взгляд на экране и подхожу к компьютеру вплотную.

Не для того, чтобы рассмотреть горячую сценку получше, а для того, чтобы убедиться, что мои глаза меня не обманывают.

Николина начала сопротивляться.

Её тело больше не поддаётся на мужские ласки, а брыкается так, словно от стаи гремучих змей пытается отбиться. Её лицо больше не выражает самозабвенную страсть, что была ещё минуту назад, а искажается гримасой настоящей паники. Её губы что-то кричат, Ники хочет вырваться, но Адам ей не позволяет: переворачивает с живота на спину, удерживает руки с ногами, напрягается всем телом, наклоняется к её лицу, целует, но тут же отрывается от губ, пачкая её шею и грудь каплями своей крови.

– Что это? – спрашиваю я, но не слышу ни своего голоса, ни ответа блондина.

Бурлящий в ушах гнев с изумлением оглушают, словно грохот оружейных выстрелов, когда вижу, с каким ужасом Ники смотрит на Харта, трясаясь всем телом, точно до смерти напуганный зверёк.

– Что это значит? – ошалело выдыхаю ещё раз, досмотрев до момента, когда моя малышка полностью голая выбегает из комнаты, а Адам разносит в полутёмном помещении всё, что попадает под руку.

– А это значит то, друг мой, что ты во время своих поисков проверял совсем не те видео, что стоило бы проверять, – без тени веселья констатирует блондин, ставя видео на паузу. – Твоя любимая и правда всегда наотрез отказывалась от интима с клиентами и никогда не посещала приватные комнаты с ними, за исключением одного раза, который и стал для неё роковым.

– Но как?.. Зачем? Зачем она туда пошла, если не собиралась выполнять работу? И я же видел, что она делала. Видел, что хотела его. Я не понимаю... Что это сейчас было? – запускаю обе руки в волосы, пытаюсь найти разумное объяснение, но не могу. Мысли путаются, а тело вибрирует от нарастающей ярости из-за неугасающей картины её испуганного лица.

– Все ответы на твои вопросы кроются в нём, – он указывает на застывший экран с гневным, точно дьявольским, лицом моего босса. – Всеми виной Адам Харт. И думаю, пришла пора тебе узнать всю правду о нём и о том, что же он сделал, чтобы вынудить Николину насильно подписать его излюбленный рабочий контракт.

Его последние слова бьют сильнее, чем недавно совершённый им точный удар по солнечному сплетению. Они как пули. Каждый слог – навывлет. Решетят всю грудную клетку, весь воздух из лёгких выбивая, в голове устраивают вселенский апокалипсис.

Незнакомец замолкает. Дает время мне переварить увиденное и услышанное. Но это непосильная задача. Воистину невыполнимая.

Я ничего не понимаю. Ни одну мысль связать не могу. Слишком много эмоций и противоречивых чувств взрывают сердце и разум. Слишком много вопросов, несостыковок, загадок, которые мне не под силу решить одному. Я не смогу. Не в состоянии. Зато это может сделать блондин. Его уверенный взгляд, такая же поза и лицо, ставшее как никогда прежде серьёзным, чётко говорит о том, что он готов говорить.

Отлично. А я готов слушать.

Я должен всё узнать. Связать всё воедино и наконец понять – что же именно скрывала от меня Николина? И что скрывает за собой Адам Харт?

И я всё узнаю. Прямо сейчас. Но перед этим я должен узнать ещё один не менее важный, а может, и самый главный ответ из всех.

– Кто ты такой? – в третий раз бросаю я, не разрывая зрительного контакта с незнакомцем.

Он делает шаг навстречу мне и улыбается. Снова. Но только без капли прежней радости и дружелюбия. Теперь его улыбка выглядит скорее как оскал – хищный, злобный, жутковатый, сулящий неприятности каждому, кто посмеет встать у него на пути. И резко помрачневшее настроение полностью это подтверждает.

– Меня зовут Кристофер Хоуп, и я – твоя единственная надежда избавить Николину от контракта и заставить Адама заплатить сполна за всё, что он натворил.

Глава 3

Остин

Я уничтожу его!

Я уже сбился со счёта, сколько раз повторил это в мыслях, пока Крис подробно повествует мне обо всём, что ему известно об Адаме Харте. А от рассказа о том, с чем пришлось справляться моей малышке по его вине, я едва удерживаю себя на месте, чтобы не помчаться к этому властному уроду прямо сейчас и не убить его собственными руками.

Преследование, шантаж, угроза оказаться на улице, травля и нападки со стороны коллег, предумышленное нападение одной из них, ссора с Эми, игра на чувствах Ники к её матери-алкоголичке – всё это дело рук Адама, о котором моя девочка боялась мне рассказывать, как всегда пытаюсь справиться со всем в одиночку.

Дурная моя. Упрямая. Смелая. Сильная. И именно такая, какой я всегда тебя знал.

Я всё-таки был прав на её счёт. И каждая мучительная секунда поисков не была бессмысленной. Моя малышка не предала меня. Не выбрала вместо меня лёгкую наживу. Ники была вынуждена подписать этот контракт, а затем послать мне лживое видеопризнание, чтобы я отвернулся от неё, остался в безопасности и сохранил работу в компании.

Но мне нахрен не нужна ни работа, ни безопасность без неё. Особенно сейчас, когда знаю, через что ей пришлось пройти из-за самодовольного, эгоистичного ублюдка, который ради своих желаний неоднократно сбрасывал трудности на беззащитную девочку, а вчера столь мастерски всё провернул, выставив её в моих глазах шлюхой.

Я уничтожу этого подонка, что не оставил Николине выбора, заставив её против своей воли согласиться и подстроиться под его условия. А я к тому же ещё и ненароком усугубил всё, признавшись ей в чувствах и переспав с ней за день до начала контракта.

Судя по той нешуточной злости и неприязни Адама ко мне, которую я ощущал во время каждой нашей встречи, мне и сомневаться не стоит, что Ники за нашу близость поплатилась за нас обоих. Возвращение Филиппа и отмена отправки Юны в лечебницу уже вполне подтверждают мои догадки. И боюсь даже представить, что ещё он с ней сделал в наказание за секс со мной.

– Я уничтожу его! – на сей раз этой мысли не хватает места в моём сознании, и она вырывается на волю сквозь злобное рычание.

С грохотом впечатываю кулаком по столу, надеясь, что боль от разбитых костяшек приглушит злость, но ни черта подобного – она лишь возрастает втрое, когда Крис серьёзно произносит:

– Нет, Остин. Ты не уничтожишь его. Не сможешь.

– Смогу! Я что-нибудь придумаю. Я обязательно найду способ избавить Николину от контракта и уничтожу Харта. Мне просто нужно успокоиться и как следует всё обдумать.

– Насчёт первого ты прав – успокоиться надо, но вот в размышлениях об освобождении твоей девушки и планах мести нет никакого смысла. На договоре стоит её подпись, и доказать, что она поставила её по принуждению не получится. Адам умеет замечать за собой следы. А если Николина осмелится наплевать на все угрозы Харта и попытается расторгнуть контракт, она всё равно не сумеет это сделать, так как не сможет оплатить Харту штраф за расторжение в размере трёх её гонораров. Единственный способ, как она сможет избавиться от этой работы, – это если Адам сам расторгнет их контракт.

– И что ты этим хочешь сказать? Предлагаешь мне просто сидеть и ждать, пока этот урод натрахается и решит её уволить?! – шиплю я, фактически задыхаясь от мыслей об их сексе.

– Нет. Я предлагаю тебе вынудить Харта расторгнуть его, заодно и поквитаться с ним. Но один ты добиться этого не сможешь... и не будешь. Мы это сделаем вместе, – он не предлагает, не спрашивает, а ставит в известность, будто уже давным-давно всё решил за нас обоих.

– Так ты поэтому подсел ко мне вчера? Нашёл товарища для расправы с Хартом?

– Можно и так сказать.

– Но если ты так уверен, что я никак не могу навредить ему, зачем я тебе нужен?

– Я сказал, что ты один ничего не сможешь. А со мной у тебя всё получится. То же самое могу сказать и о себе. У меня есть все ресурсы, чтобы сбросить Адама с пьедестала, но я даже близко не хакер. А для своего плана мне нужен самый лучший из них. Признаюсь, у меня были такие, но тут на горизонте неожиданно появился ты и вывел моих людей из игры.

– О чём ты говоришь? Какой игры? И каких ещё твоих людей?

– А ты подумай. Вспомни, были ли у тебя в последнее время подозрения к кому-то из своих работников? – прищурившись, он выжидающе разглядывает моё лицо, в котором явно отражается весь происходящий в голове мыслительный процесс.

Подозрения были. Лишь единожды. И ещё пару месяцев назад.

– Пит и Джефри, – вспоминаю имена двух айтишников, которых Харт в итоге решил не просто отстранить от работы главного проекта, а уволить вовсе.

Крис утвердительно кивает.

– Значит, я был прав. Они собирались слить информацию. Это было твоих рук дело?

– И не только это, – он внимательно смотрит на меня, будто ожидает увидеть во мне какое-то прозрение.

И, мать его, спустя всего несколько секунд он его видит.

– Так взрыв в Рокфорде тоже ты устроил? – потрясённо выдыхаю я.

– Не я лично, естественно, но это произошло по моему указу.

– Ты совсем ненормальный? Там же могли пострадать люди! Кто-то мог умереть!

– Но никто не умер.

– Но мог.

– Не мог. И прекрати беспокоиться по этому поводу. У меня всё было просчитано. Я никогда не делаю ничего, что может навредить невинным людям. И никогда не привожу план в действие, пока не буду на двести процентов уверенным, что он реализуется так, как мне необходимо, – нейтральным тоном успокаивает меня Крис. И его внутренний штиль помогает ему в этом деле.

– Очень надеюсь, что так. Но поджигать фабрику с людьми в ней всё равно было чересчур опасно.

– Было, не спорю. Но я же говорю: у меня всё всегда просчитано. И как ты уже знаешь – никто не пострадал.

– И что дальше? Подкосив ситуацию в компании с помощью взрыва, тебе захотелось украсть все схемы и разработки новой инновации «Heart Corp»?

– Хотелось, – коротко отвечает он.

– Тогда в твоём плане был просчёт. Это не уничтожило бы ни Адама, ни компанию. Принесло бы огромные убытки, но с учётом всех остальных успешно продаваемых технологий не потопило бы окончательно. Даже после финансовых потерь от взрыва на предприятии.

– План был далеко не только в этом, но о нём уже нет никакого смысла говорить. Он потерял свою актуальность. Благодаря тебе, Остин, – добавляет Крис помрачневшим голосом, однако эта суровость напускная. Его настроение остаётся совершенно нейтральным.

– Ты не злишься на меня за это. Почему? – уверенность, с какой я задал вопрос, несколько его не удивляет, что наводит на определённые выводы.

– Я злился. Вначале. Не люблю, когда на пути к моей цели появляются неожиданные преграды. Но позже, узнав о тебе больше, я понял, что ты никакая не преграда, а уникальный шанс усовершенствовать мою месть и одновременно помочь тебе вернуть свою любимую.

– И каким же образом?

– Мы лишим Адама всего! – твёрдо бросает Крис со злорадной улыбкой. – Лишим его компании, власти, денег. Оставим его ни с чем, и тогда захочет он того или нет, но ему придётся расторгнуть контракт с Николиной. У него больше не будет ни средств, чтобы платить ей, ни возможностей шантажировать её, удерживая рядом.

– Твои слова звучат прекрасно и так легко, будто реализовать их – то же самое, что легко собрать. Я уже сказал, что слив информации проекта, которым я руковожу, не уничтожит «Heart Corp», да и если ты надеялся, что я соглашусь передать все файлы тебе, то крупно ошибаешься. Кроме себя, я никого этим действием не потоплю.

– Мне больше не нужны файлы твоего проекта, – загадочно проговаривает Кристофер.

– А что тогда тебе нужно?

– Мне нужны файлы всех проектов.

Его заявление заставляет меня поперхнуться воздухом.

– Нехило замахнулся. В таком случае тем более не понимаю, при чем здесь я? Раз ты такой во всём осведомлённый, тебе должно быть известно, что ни у одного руководителя в «Heart Corp» нет доступа к другим проектам, кроме того, над которым они работают. И вся база данных хранится исключительно на рабочих компьютерах. Подключиться к ним с любого другого устройства невозможно. В компании установлена одна из лучших систем безопасности, с которыми мне приходилось встречаться. Чтобы взломать подобное, могут потребоваться годы, и не факт, что потраченное время обернется успехом.

– Я всё это знаю. И ты во всём совершенно прав, за исключением одного, – он берёт недолгую паузу, чтобы сделать пару глотков воды. – Два человека в «Heart Corp» имеют доступ ко всем секретным файлам и могут подключиться к ним со своих компьютеров.

– Да, это сам Адам и его правая рука Майкл. Но ни один, ни второй не выпускает свой лэптоп из поля зрения ни на секунду, и защита на них стоит ещё более виртуозная, чем во всей компании. Даже если нам удастся незаметно выкрасть компьютер, мы не сможем оттуда достать ни один файл. При первой же нашей попытке обойти защиту Харт или Майкл узнают об этом и предпримут меры.

– Именно поэтому нам нужно поймать момент, когда кто-то из них оставит без присмотра компьютер включённым и разблокированным.

Я срываюсь на нервный смех от его нелепого заявления.

– Ты, должно быть, прикалываешься. Ты разве меня не слышал? Они никогда не сделают ничего подобного в офисе.

– Верно подмечено: в офисе. Но дома такое вполне возможно, – выдаёт он ещё одно ни к чему не ведущее предположение.

– И что ты предлагаешь? Каждый вечер втихаря пробираться в их квартиры и высиживать момент, когда подобное может случиться? Это же абсурд.

– Нам с тобой никуда не нужно будет пробираться, Остин. У нас уже есть та, кто постоянно находится с Адамом рядом. И уверен, она с радостью нам поможет с этой затеей, – размеренным тоном произносит он, заставляя моё сердце забиться чаще.

– Нет! Я не собираюсь вмешивать её в это!

– Вариантов нет.

– Я сказал – нет! Я не могу так рисковать ею. Если Адам поймает её, Ники не поздоровится.

– Твоей Ники уже не поздоровилось. И я сейчас имею в виду не все те подлости, которые творил с ней Харт в рьяных попытках вынудить её подписать контракт.

Дыхание враз сбивается от его слов. Страх за Ники, ненависть и непосильная злость бьёт наотмашь, разжигая внутри меня острую потребность свернуть Харту шею.

– Что он ей сделал? – глухо выдавливаю я.

– Уверен, что хочешь знать?

– Уверен.

– Обещаешь, что не начнёшь крушить всё вокруг себя и мчаться убивать Адама?

– Говори, Кристофер! – рявкаю я, не в силах выдержать напряжения от неизвестности.

– Он пытался стереть тебя из её памяти, а затем больше двух месяцев держал взаперти в комнате, навещая только по ночам, чтобы трахать до изнеможения, покрывая всё тело синяками и ранами. А ей приходилось покорно терпеть и молчать, потому что в противном случае Адам засадил бы её за решётку, выставив инцидент с отчимом как преднамеренную попытку убийства, а тебя бы убрал из «Heart Corp», сумев каким-нибудь подлым способом оставить все права на твои разработки компании, – вываливает он новую порцию шокирующей информации и напрягается, будто приготовившись в любой момент скрутить меня ещё раз, лишь бы остановить от свершения опрометчивых поступков.

Но это лишнее. Останавливать меня не нужно. Я и шага не делаю. Не двигаюсь. И мне кажется, даже не дышу. Просто не могу. Лютая ярость на своего босса парализует всё тело. Ярость и миллион новых вопросов.

– В каком смысле он пытался стереть меня из памяти? – не узнаю свой голос – хриплый, надтреснутый, чужой, безжизненный.

– В прямом. Это ещё одна способность Адама. Он умеет не только возбуждать до помутнения рассудка и считывать чужие фантазии, но и менять воспоминания на свой лад. Он был настолько зол на Николину за то, что она посмела переспать с тобой, что в наказание решил не только закрыть её в комнате, как животное, но перед этим ещё и заменить тебя на себя в каждом вашем совместном воспоминании.

Что, бля*ь?! Что он вообще говорит?! Как такое возможно? Да что же Адам за чудовище такое?! Границ совсем не знает? Как можно было додуматься до подобного? Как можно было осмелиться сделать такое? Это же память. Память! Он же мог стереть не только меня, но и всё остальное, не оставив от Ники ничего, что делает её собой.

Так... Стоп! Вот на этом моменте нужно притормозить. Что-то тут не вяжется в рассказе блондина.

– Ты явно в чём-то ошибся, Крис. Николина помнит меня. Это точно. Она узнала меня вчера в первую же секунду, как увидела. Да и на побитую, несчастную бедняжку она не была похожа. Скорее на довольную своей жизнью модель, которая без ума от Харта. Я сам это видел. И слышал. Ошибки быть не может, – уверенно сообщаю я, вновь донельзя путаясь в информации.

– Она такая, потому что твоя девушка крайне необычный экземпляр, Остин. Из-за страха забыть тебя ей удалось врубить свой защитный механизм по полной и спрятаться за ним, оставив Харту лишь свою оболочку. Николина сохранила все воспоминания о тебе за своими необъяснимыми «стенами», поэтому она помнит тебя. И по этой же причине она смогла смириться с новыми условиями жизни и стать той, кого хотел в ней видеть Адам – холёной шлюхой, искренне желающей выполнять свою работу. Но это не она. Не твоя Николина, а некто другая, которая помогает ей пережить весь контракт с Хартом.

Мне кажется, в более ошарашенную статую, коей я сейчас являюсь, превратиться уже невозможно. Я в полном ауте. Даже слов не нахожу. В мозгу тотальный сбой системы.

– Уверен, тебе не составит особого труда быстро переварить эту информацию. Ты же всегда знал, что она тоже необычная, так ведь? – вопросительно изгибает одну бровь Крис, стопроцентно подтверждая мою вспыхнувшую чуть ранее догадку о том, что ему известно и о моей способности тоже. И лишь это помогает мне отмереть и прийти в себя.

– Откуда ты всё про всех знаешь? Обо мне? Об Адаме? О Николине? Да ещё и во всех подробностях? – стреляю в него пристальным взглядом.

Лицо расслабленно, эмоции продолжают быть нейтральными. Ни одного намёка на волнение при попытке соврать.

– Я умею искать информацию, когда мне что-то очень нужно.

– И как ты всё нашёл?

– У меня были достоверные источники.

– И ты не хочешь мне сообщить – какие?

– А это имеет значение?

– Безусловно. Как я могу верить тебе? Вдруг ты просто выдумал всё это?

– Ну я же не выдумал твою эмпатию. Она реальна, – ухмыляется он.

– Как ты узнал? Следил за мной?

– Да, – как ни в чём не бывало признаётся он.

– Давно?

– С момента, как ты вычислил моих людей в компании.

– Почему раньше не связался со мной?

– Подходящего момента не подворачивалось, да и мне было необходимо быть уверенным в продуктивности нашего сотрудничества.

– И теперь уверен?

– Как никогда прежде.

– А что насчёт остального? Откуда тебе известна вся история Адама и Ники?

– Я нанял человека добыть всю информацию не только на тебя, но и на них, а после мне несказанно повезло подслушать разговор Роберта Харта со своим вторым сыном, с которым он поделился историей Адама.

– Надо же! И как же ты умудрился подслушать? Не думаю, что они на улице в кафе о таком во весь голос беседовали, – с недоверием высказываюсь я, хотя чувствую, что блондин не соврал мне ни в одном слове.

– Нет, не в кафе. А в их семейном особняке в Рокфорде.

– И как ты туда проник, мне интересно знать?

– Мне и не нужно было проникать. Я там живу.

Мой непонимающий взгляд кричит о необходимости услышать пояснения громче любых слов.

– Я помощник Роберта во всех его делах в недавно созданном им благотворительном фонде. На старости лет он помешался на помощи другим, что вынуждает меня работать с ним днями напролёт, поэтому в целях экономии времени и для удобства давно переехал жить к нему.

– Удобства? Разве это удобно – жить с чужими людьми в одном доме?

– Его особняк настолько огромен, что с другими его жителями можно за весь день даже не пересечься. Всем комфортно, никто никому не мешает, а я круглосуточно нахожусь в распоряжении Роберта.

– Допустим, – задумчиво поджимаю губы. – Но если это так, тогда почему ты сейчас в Нью-Йорке, а не там с ним?

– Можно сказать, сейчас я в командировке, – непринуждённо пожимает плечами. – Ещё вопросы?

– Их бесконечность. Не верю, что простой помощник мог бы позволить себе жить в таком отеле, как этот, нанимать частных детективов и владеть необходимыми средствами, чтобы суметь подкупить высокооплачиваемых айтишников. Неужели Роберт так хорошо тебе платит?

– Разумеется, нет.

– Значит, ты устроился к нему на работу не ради денег?

– Нет.

Как же меня достали его короткие ответы. И Крис, явно заметив раздражение в моём лице, тут же исправляется:

– Врагов нужно держать под боком.

– Роберт тоже враг?

– Да.

– Почему?

– Хотя бы потому, что они с Адамом одного поля ягоды. И он заслуживает видеть падение своих многолетних трудов не меньше, чем его сын. И так как Адам знает меня в лицо и работать на него, не вызывая подозрений, я не могу, мне пришлось втереться в доверие его папаше. И как видишь, не зря. Без его помощи мне были бы известны лишь сухие факты, добытые моим сыщиком, а так я знаю всё. И теперь и ты тоже.

– Всего я точно не знаю, как и самого главного.

– Чего? – он сосредотачивает всё своё внимание на мне.

– Что Адам сделал тебе? Почему ты хочешь поквитаться с ним не меньше, чем я?

И надо же: этот вопрос оказывается первым, что пошатывает его поразительное внутреннее спокойствие.

– Он тоже когда-то отнял у меня ту, что я любил больше жизни, – при упоминании возлюбленной голубой взгляд Кристофера свирепеет, темнея до цвета грозового шторма, а все черты лица заостряются настолько, что превращают его в совсем другого человека. Никакого дружелюбного и беззаботного весельчака из бара больше нет. Есть только до чёртиков разгневанный мужчина, желающий дать по заслугам обидчику.

– Её он тоже вынудил подписать контракт? Или соблазнил с помощью своей силы? – спустя полминуты молчания осторожно выдвигаю возможные варианты, наблюдая, как Крис сжимает руки в кулаки, а вены на его шее взбухают от закипающей в нём ярости.

– Нет. Всё гораздо хуже, – с горечью отвечает он и поднимает на меня полный ненависти взгляд, что обжигает до самых костей, а затем разом покрывает всю кожу ледяной коркой.

– Он убил её.

Глава 4

Остин

– Всё произошло, когда нам с Адамом было по восемнадцать, – взяв всю ярость под контроль, размеренным голосом начинает рассказывать Кристофер. – Мои родители развелись. И я вместе с матерью переехал жить в квартиру её покойных родителей, которая находилась в пригороде Рокфорда. Только не в том шикарном, элитном месте, в каком я живу сейчас, а в обычном посёлке, в деревянном многоквартирном доме с общим санузелом. И так как мы были по уши в долгах и считали каждую копейку, чтобы не тратить деньги и время на дорогу в Рокфорд, мне пришлось перейти из прежней школы в ту, что находилась в нескольких километрах от нашего нового места жительства. Там я как раз и столкнулся со всеми любимым и обожаемым Хартом. Учителя не уставали ставить в пример выдающиеся успехи Адама другим ученикам, в спорте тоже ему не было равных. Девушки табунами за ним вились, а каждый парень в школе мечтал числиться в списке его друзей. Но не думаю, что все из них искренне хотели стать ему другом. Многими скорее двигало корыстное желание заполучить привилегии от общения с самым популярным и богатеньким парнем в школе. Но суть не в этом. Важно то, что я, наверное, был единственным, кто не пытался лебезить и стелиться перед Хартом. Так же как и не собирался восхвалять его заслуги в учёбе и уж тем более ставить их себе в пример, а, наоборот, я желал доказать, что кто-то может быть лучше, умнее, сильнее его. Не потому, что хотел показать свою крутость, а потому что я с детства терпеть не мог надменных, самовлюблённых и смотрящих на всех свысока людей. А Адам был в точности таким. И именно это послужило тому, что мы невзлюбили друг друга с самой первой встречи. Я хотел превзойти все его успехи, о чём и сказал ему прямо в лицо, не боясь ни его реакции, ни возможного буллинга со стороны его шайки шестёрок. И нужно признать, Адам приятно удивил меня тогда тем, что и собак своих на меня спускать не стал, и отреагировал на мой вызов крайне спокойно. А точнее, он только притворился спокойным, ведь по его лицу уже тогда ничего нельзя было считать. Лишь позже я понял, что на деле я его неслабо взбесил своим заявлением и так же подстегнул азарт. Адам будто только и ждал, что появится некто вроде меня, с кем он сможет потягаться умом и силой. Да только он не думал, что мне в итоге удастся его превзойти, а я – что наше упорное мальчишеское соперничество закончится совсем не по-детски.

Крис отворачивается и отходит к окну, но мне и не нужно видеть его лица, чтобы понимать, насколько ему тяжело вспоминать прошлое.

– Понятное дело, моё желание перебить успехи Адама касалось всего, кроме девушек. Я быстро просёк, что он непростой и что женский пол к нему тянется далеко не только из-за неотразимой внешности. Да и меряться членами – это такое себе занятие. Даже подростком я не гонялся за числом и не пускал слюни на каждую мимо проходящую девчонку, потому что я был тем счастливчиком, которому ещё в шестнадцать повезло встретить самую прекрасную девушку, что занимала все мои мысли. Мы познакомились с Элизабет в моей прежней школе, и между нами всё очень быстро завертелось. Она стала моим первым настоящим другом, первой любовью, первой девушкой. С ней всё у меня было в первый раз. И у Элизы тоже. Мы с ней были родственными душами. По-другому я это назвать не могу. Я видел и планировал своё будущее только с ней. Хотел, чтобы она стала моей женой, хотел детей от неё, хотел сделать её самой счастливой. И наши мечты с желаниями были полностью обоюдными. Были... до тех пор, пока в них не вмешался Харт, – сдавленно произносит Крис и замолкает.

Я тоже продолжаю молчать. Стопроцентно перенимаю на себя всю горечь утраты и ненависть, что он хранит в себе на протяжении многих лет, и даю Кристоферу небольшую паузу, чтобы он мог собраться с духом и рассказать мне о самом главном.

Что же именно сделал Адам с его девушкой?

– Мало-помалу я начинал превосходить его по многим предметам, учителя стали чаще говорить уже не только о нём, но и о моём выдающемся уме и талантах. Мне удалось поразить тренера и сдвинуть Адама с позиции капитана школьной команды по регби. Другие ученики начали тянуться и ко мне тоже, но, в отличие от Харта, мне не нужна была всеобщая любовь и признание, поэтому я продолжал оставаться один и просто радовался тому, что сумел в честной борьбе выиграть у него по многим критериям. Я радовался. Да только слишком рано. А всё потому, что не учёл одного важного факта.

– Какого? – спрашиваю я с нетерпением, когда Крис вновь ненадолго замолкает.

– Адаму всегда важно выходить из игры победителем. Что сейчас, что в детстве. И не имеет значения как. Он не умеет сдаваться, проигрывать и смиряться с поражением. Так же как и играть по правилам – это тоже не про него. Вместо того чтобы вновь попытаться сделать меня в учёбе и спорте, он решил поставить меня на место другим способом.

– С помощью Элизабет?

– Именно. Однажды мы договорились с ней, что она дождётся меня возле школы после тренировки и мы пойдём ко мне, однако, когда я вышел на улицу, её нигде не было. Я звонил ей весь вечер, но она не отвечала. Сорвался в город к ней домой, но родители сказали, что она уехала ко мне. Мы с ними места себе не находили весь вечер и не спали всю ночь, переживая о том, куда она делась. С утра даже планировали обратиться в полицию, но, к счастью, в этом отпала вся необходимость. Элиза вернулась на рассвете. Живая, невредимая и до безумия счастливая. Даже сказал бы: окрылённая. Я был настолько счастлив её видеть, что мне было по барабану, где она пропадала и почему не отвечала на звонки. Главное – что с ней всё в порядке. Но, как оказалось, я опять слишком рано обрадовался. С ней было далеко не всё в порядке.

Он опускает голову, тяжело вздыхая. Его боль с яростью свербит в каждой клеточке моего тела, затмевая даже мою собственную, что заставляет ненавидеть Харта ещё сильнее.

Я и без слов уже догадался, что именно он сделал.

– Адам изменил её память, – с трудом выдавливаю из себя, в ответ получая уничтожающий всё живое взгляд блондина, брошенный на меня через плечо.

– Да. Элиза – не Николина. У неё не было способности ни отражать его силу, ни огордиться от неё. Она была обычной и одной из тех, кто особенно сильно поддавался влиянию его «очарования». Адаму ничего не стоило повернуть это с ней, чтобы изменить все наши воспоминания, стерев меня напрочь и заменив собой. До сих пор помню, как налетел на неё с объятиями, радуясь до беспамятства, что она жива, а Элизабет в ответ начала кричать, брыкаться, отталкивать меня и умолять, чтобы незнакомец отпустил её. Она совершенно не узнавала меня. И не понимала, кто я и что делаю в её квартире. И ни моим, ни объяснениям родителей о том, что я Крис – её парень, она не верила, сколько бы мы ни пытались её убедить в этом. Элиза устроила истерику, крича о том, что Крис выглядит иначе и что я – не он, и не собиралась успокаиваться, пока я не уйду прочь. И мне пришлось это сделать. Я ушёл, ничего не понимая и не в состоянии объяснить, что с ней стряслось. Мне было страшно за её поведение до смерти, отчего на следующий день я вновь поехал к ней домой, да только до квартиры даже не добрался. Я встретил Элизу у подъезда с ним. Она обнимала, целовала и прижималась к нему так, как всегда делала это со мной. Я был в полном шоке, растерян, убит и зол, как никогда прежде в жизни. Не на неё, а на Харта. Тогда я не знал всего о его способности, но всё равно был полностью уверен, что он причастен к странному поведению Элизы. Она никогда не поступила бы со мной так. Дело точно было в Харте и его магии. И, как выяснилось позже, я оказался прав. Адам раньше ушёл с тренировки. И раньше меня встретил её у школы, когда она

ждала меня. Он знал, что мы вместе. И он специально подошёл к ней, увёл и всю ночь наслаждался моей девушкой, меняя память и одновременно доказывая, что ни один мужчина не сможет доставить ей того удовольствия, которое может доставить ей он. А она не могла отказаться, потому что была слишком уязвима перед его силой. Она очаровалась им настолько, что все её чувства ко мне ушли далеко на второй план, а после проведённой с ним ночи она и вовсе о них забыла. Она забыла всё, что было между нами! Она забыла меня! Так что, Остин, ты даже не представляешь, насколько тебе ещё повезло. Видеть свою любимую женщину с другим – это больно, не спору. Но видеть её с другим и при этом знать, что она совсем не помнит тебя, все ваши воспоминания, совместные мечты о будущем и чувства – вот это настоящая боль.

– Я чувствую, Крис. Я всё чувствую, – напоминаю ему я, едва шевеля языком от непереносимой тяжести в груди.

– Чувствуешь... Да... Это так, – он разворачивается и в два размашистых шага подходит ко мне, прибывая к земле своей душевной агонией. – Но ты не видел, как Элиза смотрела на меня, когда я не выдержал их лобызаний у подъезда и накинулся на Адама с кулаками. И ты не слышал, как она кричала, защищая его и умоляя меня остановиться. Мы дрались с Адамом под звук самого любимого для меня голоса на свете, который ещё вчера говорил мне, что не может дожидаться со мной встречи, а сегодня посыпает бешеного незнакомца проклятиями и требует у него отпустить своего парня. Ты хоть на долю секунды можешь понять, каково это?! – он силой тычет пальцем мне в грудь. – Можешь представить, что значит смотреть в любимые глаза и видеть там только страх и ненависть к тебе? – А теперь хватает меня за грудки и встряхивает. – В тех самых глазах, что всегда при взгляде на меня сияли так, что я ощущал себя всемогущим? Можешь это представить, Остин? Можешь?

– Не могу, – цежу я, сжимая его запястья. – Представить не могу, Крис, но мне хватает того, что я чувствую в тебе сейчас.

– Так помножь это на сто и тогда приблизительно поймёшь, что я испытывал десять лет назад. Говорят, время лечит? Пи*дят, как дышат. Оно, безусловно, облегчает боль, но не выдирает её с корнями. Мне никогда от неё не избавиться. И потому я хочу, чтобы Харт ощутил то же, потеряв всё, что ему дорого, заплатив за свой безрассудный, подлый поступок, который лишил меня самого дорогого человека, а Элизу – жизни.

– О чём ты? Он же стёр ей память, а не убил, – недоумеваю я, наконец отцепляя от себя его руки.

– Он убил её, когда, порезвившись с ней чуть меньше месяца, переключился на другую. Для него Элиза была всего лишь способом насолить мне, а Адам для неё стал центром жизни. И если девочки-подростки и так зачастую тяжело переживают разрыв с любовью всей её жизни, коей Элиза считала Адама благодаря магии, то под воздействием его чар все страдания ощущались стократ сильнее. Одними слезами последствия их короткой интрижки не закончились. Элизабет впала в депрессию, она не ела, не пила, потеряла интерес ко всему, что её радовало прежде, а позже ей начались мерещиться галлюцинации. Я не знал бы всего этого, если бы не был в хороших отношениях с её родителями, которые ежедневно держали меня в курсе её состояния. Ведь сам я не мог прийти к ней, поговорить и хоть как-то помочь. После нашей с Адамом нешуточной драки она боялась меня и не доверяла. И мне приходилось дистанционно узнавать о том, что Элизе с каждым днём становится только хуже и хуже. И, к слову, всё это происходило не только с ней, а со всеми контрактными женщинами, которых Адам в будущем оставлял с разбитым сердцем. Просто они были более устойчивы к его силе, поэтому обходились помощью специалистов, проходили курс лечения, принимали необходимые препараты, встречали новых мужчин и с горем пополам возвращались к жизни. Но Элиза была слабой. Совсем неустойчивой к его магии. Да ещё из-за изменившихся воспоминаний она считала, будто повстречалась с Адамом не несколько недель, а больше двух лет. И потому никакой моз-

гоправ не смог ей помочь. Она не выдержала... И о её смерти, как и обо всём остальном, я узнал по телефону.

Крис опирается ладонями на стол, склоняет голову вниз и хрипло выдыхает, запуская по моему телу леденящую, колкую дрожь.

– Как? – спустя пару минут скорбного молчания осмеливаюсь спросить я.

– Выпрыгнула из окна. Пяти этажей хватило, чтобы разбиться насмерть.

– И Адаму просто сошло это с рук?

Он недобро усмехается.

– А какие обвинения ему могли предъявить? Это же не он её толкнул. Она сделала это сама.

– Но она сделала это из-за его манипуляций с её психикой. Разве это было невозможно доказать?

– Невозможно, Остин. У обычных людей нет никаких шансов хоть что-либо доказать, если в дело вмешивается такой человек, как отец Адама.

– Роберт?

– Да. Узнав о её смерти, я обезумел и совершил ошибку, отправившись к Адаму домой. Я хотел убить ублюдка или же насильно заставить признать свою вину, но вместе него нарвался на Харта-старшего.

– Подожди. Но как ты тогда работаешь сейчас на него? Ты же сказал, что он не знает тебя в лицо.

– Он и не знает. За десять лет я сильно изменился. Да и думаешь, такой, как он, вспомнил бы спустя столько времени лицо и имя какого-то жалкого, буйного мальчишки, который в порыве горя и злости додумался угрожать ему расправой? Конечно нет. Я для него был ничтожной букашкой, посмеившей вякнуть в его сторону в надежде добиться справедливости. Но Роберту незнакомо это слово. Мало того, что он быстро замаял все следы, подтверждающие связь своего сына с Элизой, и купил молчание всех, кого только можно, включая родителей Элизабет, так он ещё и от Адама скрыл новость о её самоубийстве и пригрозил мне благополучием матери, если я посмею ему растрепаться об этом.

– Зачем нужно было скрывать это от Адама? – уточняю я, не до конца понимая мотивы Роберта.

– До сих пор гадаю. Но я больше чем уверен, что Адам по сей день не в курсе, что по его вине погиб ни в чём не повинный человек. Однако для меня это ничего не меняет. Незнание не освобождает от ответственности. Элиза мертва. Из-за него. И он должен понести соответствующее наказание. Адам и так слишком долго жил безнаказанным. А всё потому, что мне потребовались годы для обретения всего необходимого, чтобы суметь противостоять таким людям, как Харты. Деньги, репутация, нужные связи, чётко продуманный план и теперь ещё ты с Николиной. Вы можете мне воздать Адаму по заслугам, а я взамен помогу вам вычеркнуть его из ваших жизней раз и навсегда. Вместе мы сможем это осуществить, получить желаемое и, возможно, даже уберечь от плачевного влияния Адама других девушек, которых он в будущем может возжелать, – с непоколебимостью в голосе произносит Кристофер, пристально глядя на меня в ожидании ответа.

А какой ответ мне ему дать?

Тут ведь даже думать не надо. Я хотел уничтожить Харта ещё до того, как услышал всю историю Криса, а сейчас, пропитав себя насквозь ещё и чужими безутешными страданиями, я хочу этого так, как никогда ничего в своей жизни не хотел. Даже мои карьерные амбиции блекнут на фоне острой необходимости наказать Адама. Однако перспектива из-за одного только этого желания лишаться всего, над чем я трудился годами, нисколько не радует, отчего в уме зарождается вариант поинтереснее.

– Я в деле, Крис. Ты можешь полностью на меня рассчитывать, но только при одном условии.

– Конечно, Остин, что угодно. Выкладывай, а после я подробно просвещу тебя, что в скором времени ожидает Адама Харта, – он жестом руки указывает на диван. – Присаживайся и устраивайся поудобнее, друг мой. Разговор обещает быть долгим.

Глава 5

Остин

Разговор и впрямь получился долгим. Мы закончили все обсуждения, когда за окном окончательно смерклось и весь Нью-Йорк зажёгся ночными огнями. И это учитывая, что в процессе между нами не возникло никаких разногласий, которые потребовали бы лишнего времени на их устранение.

Крис без возражений согласился со всеми моими условиями, как, впрочем, и я с его. Да и несмотря на бурное начало общения, в целом мы с ним быстро нашли общий язык. Всё-таки не зря говорят: совместные цели сближают, а общие враги – так подавно.

– Я думаю, на сегодня всё, – устало выдыхаю я, потирая пальцами переносицу.

– Да, на сегодня всё, – соглашается Кристофер, взглянув на наручные часы.

Я встаю с дивана и направляюсь к выходу, желая поскорее оказаться дома, чтобы приступить за выполнение первого возложенного на меня задания, но Крис, словно прочитав мои мысли, останавливает меня.

– Под этими словами я имел в виду не только разговоры, но и какие-либо действия, Остин. Сегодня ты ничего начинать делать не будешь, – строго отрезает он.

– Почему? Я не могу терять ни одной секунды. Я хочу как можно быстрее освободить Ники от этого урода и заставить его заплатить.

– Поверь мне, я как никто другой хочу того же. И жду этого в разы дольше твоего, но плюс минус один день роли не играет, поэтому сегодня тебе нужно успокоиться, переварить всю информацию и отдохнуть.

– Я уже отдохнул вчера. Мне хватило. Да и не смогу я бездействовать и валяться на диване, пока знаю, что она там... с ним... и неизвестно, что делает, – голос сипнет от неумирающей ревности и злости.

– Если не сможешь сам, значит, придётся тебя опять заставить. Но так или иначе тебе нужно остыть и отдохнуть ещё хотя бы день. Мы не можем позволить себе торопиться, вестись на поводу эмоций и действовать в уставшем состоянии. Так мы можем где-то облажаться, а права на ошибку у нас нет. Ты ведь это понимаешь? – Крис внимательно смотрит на меня, одним лишь только взглядом пытаюсь достучаться до моего здравого смысла.

И, конечно, я понимаю, что он всё говорит верно. Мы не можем позволить себе ошибиться. Я не могу. От этого зависит слишком многое, а именно – жизнь моей малышки, которую я ни в коем случае не могу подвести.

– Ладно, – неохотно сдаюсь я.

– Вот и отлично. Иди домой, поешь опять как следует, выспись, а завтра в полдень приходи по этому адресу, – он достаёт телефон и несколькими нажатиями пальцев присылает мне локацию.

Я бегло проверяю адрес на карте и без каких-либо вопросов утвердительно киваю.

– А теперь пошли, – он хлопает меня по плечу.

– А ты куда собрался? Опять тусить?

– Нет, ты что, – смеётся Крис. – Я слишком стар для двух ночей подряд. Сначала мне нужно заехать в одно место, а потом на работу.

– В смысле на работу?

– В прямом.

– Что за ночную работу поручает тебе Роберт и как она может быть связана с благотворительным фондом?

– О-о, в мои обязанности входит далеко не только фонд. Я делаю для него всё и в любое время суток.

– И что подразумевает это «всё»? – с подозрением требую уточнений я, когда мы выходим из номера.

– Не волнуйся. Никого убивать не приходится, – туманно успокаивает Крис, больше ничего не добавляя.

– И ты хочешь сказать, что поедешь на свою «работу» в домашней одежде?

– Работать я буду в номере, так что могу себе позволить, – он беззаботно пожимает плечами.

Понятно. Настрой что-либо рассказывать у Криса явно испарился, поэтому я решаю больше не докапываться, даже несмотря на неугасающие в голове вопросы, от которых меня внезапно отвлекают две горничные.

Стоит им увидеть нас в коридоре, как они резко собираются, распрямляют плечи и одновременно робко опускают взгляд в пол.

– Добрый вечер, мистер Хоуп, – в унисон вежливо здороваются женщины. – Можем ли мы вам чем-нибудь быть полезны?

– Добрый, да, можете, – с улыбкой отвечает он. – Марта, будь добра прибраться в 121-м и позвать туда мастеров. А ты, Ли, топай на кухню и скажи поварам приготовить еды для девушек в этом номере. И когда они наконец проснутся, сообщи, что до завтра могут пользоваться любыми услугами отеля, – дружелюбным голосом приказывает Крис.

И, получив одобрительные, покорные кивки работниц, продолжает движение к лифту.

– Что? – спрашивает он, поймав на себе мой недоумённый взгляд. – Думаю, это меньшее, чем мы можем отблагодарить красавиц за столь бурную ночь.

– Я не об этом.

– А о чём?

– Сколько ты здесь живёшь, раз знаешь персонал по именам?

– Я не знаю их имён, Остин. Я просто умею читать. У них же у всех есть бейджи.

– А почему они тогда смотрят на тебя как на создателя мира? Что эти две, что официант, который принёс нам завтрак.

– Всё просто. Потому что я им плачу, – выдаёт он, напоминая мне о щедрых чаевых, которые он вручил официанту.

Однако полный смысл его слов до меня доходит, когда мы входим в лифт, где на стене я обращаю внимание на постер с названием отеля.

– «Норе Hotel», – тихо шепчу я. – Так ты не просто гость здесь. Ты владелец этого отеля.

– Этого и ещё более ста других по всему миру, – вложив руки в карманы обычных спортивных штанов, подтверждает молодой миллионер.

– Значит, ты на гостиничном бизнесе поднялся?

– Не только.

– Я так понимаю, подробностей не будет?

– В точку. Всё, что тебя интересует обо мне, доступно в интернете. Незачем на эту тему тратить время.

Крис раздвигает губы в радушной улыбке и не снимает её, пока мы едем в лифте и минуем парадное лобби, в котором солидные и дорого одетые жители отеля с недоумением смотрят на домашний образ Кристофера, а весь персонал на ресепшене разом превращается в образец лучших работников месяца.

На первых Крис не обращает никакого внимания, всем своим видом показывая, что ему абсолютно плевать, кто и что о нём думает. А со вторыми здоровается, перекидывается несколькими фразами и вдруг резко меняется в лице.

– Какого чёрта вы не сообщили мне об этом сразу же?!

Сильнейший импульс его злости бьёт по мне, точно мощнейшим хуком. А по девушке за стойкой в той же мере бьёт его тихий, стальной голос. Она вздрагивает и виновато отводит взгляд в сторону.

– Я собиралась... позвонить вам прямо сейчас, – она указывает на трубку в её дрожащей руке. – А потом... потом увидела вас и решила сообщить лично. Ваша гостя покинула отель буквально минуту назад. Я уверена, она ещё...

Крис даже не дослушивает испуганный лепет работницы, а срывается с места и бежит в сторону выхода, вылетая из помпезного, кричащего роскошью холла на улицу.

– Что случилось? – озадачиваюсь, настигнув его.

Но Крис молчит. Застывает на месте и впирается взглядом в девушку в паре десятков метров от нас, пытающуюся поймать такси.

– Кто это? – перевожу взор то на каменное лицо Кристофера, то на причину его негодования.

А причина, между прочем, словно с рекламного билборда вылезла: смуглая кожа, длинные карамельные волосы, высокая, изящная фигурка облачена в короткое чёрное платье, соблазнительно оголяющее её декольте и лопатки, а модельные стройные ноги девушки кажутся ещё длиннее из-за высоких каблуков, на которых я вообще не представляю, как можно удерживать равновесие.

Да... девчонка выглядит роскошно и довольно-таки откровенно, но меня смущает далеко не её смелый образ, а то, что как-то уж совсем не по погоде она оделась.

На улице дует прохладный ветер, и температура достигает градусов пятнадцати, не больше, а девчонка вырядилась так, будто все тридцать.

– Кто она? Твоя сестра? Или девушка? – так и не услышав от Криса ни единого слова, бросаю логичные домыслы, что объяснили бы причину его резко вспыхнувшей злости.

Я бы однозначно отреагировал так же, будь на её месте Николина, но Хоуп отклоняет моё предположение, наконец соизволяя мне ответить:

– Нет. Это мелкая идиотка точно мне не сестра и не девушка, – Крис едва шевелит губами от злости. – Она – моя чёртова работа, которая никогда не может удержать свою задницу на одном месте.

– Работа? – вконец недоумеваю я.

– Да. Это приёмная дочь Роберта, за которой он приказал мне приглядывать в Нью-Йорке, пока она проходит здесь курсы по живописи, а в свободное время пляшет на моих нервах, – чеканит блондин, наблюдая, как одно из такси начинает останавливаться. – На этом всё, Остин. Иди домой. Завтра встретимся.

И даже не бросив на меня короткого взгляда, он стремительной походкой направляется к девушке.

Однако я не спешу никуда уходить. Почему-то так и остаюсь стоять на месте, с настороженностью и долей любопытства наблюдая за ними.

– Далеко собралась? – цедит Крис.

Схватывает её за локоть за секунду до того, как она успевает открыть дверь машины, и резко разворачивает к себе лицом.

Сильно накрашенные глаза девушки расширяются, а алые губы издают короткий вскрик. Но её испуг быстро сходит на нет, проявляя высшую степень возмущения.

– Далеко! Так что руки от меня убери! – с вызовом смотрит на Криса.

– Даже не подумаю! И что ты со своим лицом сделала?!

– А что я сделала?

– Ты в зеркало смотрела? На кого ты похожа?

– Смотрела! На протяжении целых двух часов, между прочим, поэтому уверена, что выгляжу потрясающе!

Крис на несколько секунд замолкает. Потом усмехается. Совсем не по-доброму.

– Ты это для своего любимого брата так постаралась?

– Нет!

– Ты опять к нему собралась ехать? – шипит он.

– Я же сказала, что нет!

– Не ври!

– Я не вру! Ты же сам пообещал мне, что поговоришь с ним, разве нет?

– Обещал.

– Ну так вот. Зачем тогда мне опять пытаться это делать, нарываясь на проблемы с Робом? – недовольно фыркает девчонка.

– Тогда куда ты намылилась в таком виде? И как вообще выбралась из номера?

– Так я тебе всё и сказала, – она вырывает локоть из его хватки и скрещивает руки на груди.

– Камилла!

– Что? Я еду веселиться, и ты меня не остановишь!

Не вижу лица блондина и с расстояния не чувствую чётко его эмоций, но я уверен – они попеременно сменяются то удивлением, то гневом.

– Ты совсем обалдела?!

– Я?! Это ты обалдел! Сам куда-то испарился практически на сутки, а меня заставил сидеть в номере! Ещё и в уик-энд! Я уже всё высказала Роберту по этому поводу! Вы меня оба достали! Стережете меня как зеницу ока! Я не трёхлетний ребёнок, чтобы не позволять мне одной гулять по Нью-Йорку!

– Не трёхлетний, но и несовершеннолетний, поэтому одна полуголой идти куда-то веселиться ночью не можешь!

– А кто сказал, что я буду одна? Ребята с курсов ждут меня в баре и даже липовые документы мне нашли. Так что прости. У меня нет больше времени перед тобой тут оправдываться. И так уже опаздываю!

Девушка резко оборачивается и поднимает руку вверх, надеясь поймать новое такси, но Крис её останавливает. И на сей раз более грубым способом: он хватается её за корни волос и тянет обратно в отель, отчего девчонка коротко взвизгивает и, едва поспевая за ним, начинает скулить от боли.

– Ты точно тупая как пробка, если думаешь, что я тебя куда-то отпущу с твоими ребятами! Ты сейчас же возвращаешься в номер!

Эти гневные слова я уже слышу, когда нахожусь рядом с ними. Мне и трёх секунд не потребовалось, чтобы ринуться навстречу им и окольцевать пальцами руку Криса.

– Отпусти! Ты делаешь ей больно! – требую я, преграждая Хоупу путь.

Сверлю его серьёзным взглядом, ощущая, как меня окатывает чужой злостью и... да ладно?... похотью?

Ничего себе! Да он не только злится, но и пи*дец как хочет эту «тупую малолетку». Настолько, что у меня мгновенно весь низ живота тяжелеет от его возбуждения.

– Ты какого чёрта ещё здесь? Я сказал тебе идти домой, – суровый синий взгляд обжигает мне лицо.

– И я обязательно пойду, когда ты отпустишь её и успокоишься.

– Не вмешивайся, Остин. Только не в это, – с проскальзывающей угрозой в голосе выдаёт Крис, но меня она не берёт.

– Я и не собираюсь вмешиваться в твою работу няньки. Просто волосы её отпусти и прекрати тащить, как собаку. Нельзя так обращаться с женщинами.

– Она не женщина, а непослушный ребёнок, который думает чем угодно, но только не мозгами.

– С этим утверждением я бы мог с тобой поспорить, – тактично напоминая Крису, что чувствую каждую его эмоцию, которая далека от эмоций обычного опекуна к ребёнку, как Нептун далёк от Меркурия.

Блондин на миг поджимает губы, слегка прищуривается, а затем неохотно, но всё-таки расслабляет руку, выпуская густые пряди из кулака.

Я одобрительно киваю и тоже освобождаю его запястье от своих пальцев.

– Уверен, ты сможешь и спокойно убедить её вернуться в отель. Не обязательно применять силу.

Крис усмехается.

– Ты её не знаешь, Остин. Спокойно она не понимает.

– Ты даже не пытался.

– Поверь мне, пытался. И потому знаю наверняка, что это не работает. Сколько ни проси Камиллу слушаться, она всё равно этого не делает. Потом творит дел, а мне отчитываться перед Робертом.

– Я всё понимаю, но тем не менее это не повод тягать её за...

И тут я перерываюсь, ощутив внезапное прикосновение тёплой маленькой ладони к своей руке, что побуждает меня перевести взгляд с недовольного лица Криса на подозрительно притихшую девчонку.

И оказывается, она превратилась в само спокойствие и молчание вовсе не от грубости Кристофера, как я предполагал вначале, а от необъяснимого изумления, с каким она сканирует меня.

Любопытство и восторг покалывают мою кожу всё то время, пока её вишнёво-карий взгляд прыгает по мне и изучает чуть ли не с восхищением, а ладони ощупывают, как никогда не виданную и самую интересную вещь на свете.

Такое странное поведение девушки, наверное, должно было польстить мне, однако единственное, что оно делает, – это конкретно вводит меня в ступор. Я сам зависаю в удивлении и неподвижно наблюдаю, как Камилла сначала переплетает наши пальцы, тихо охает, будто видит нечто поразительное, затем поднимается по предплечью выше, касается груди, проводя по ней несколько раз ладонью в разные стороны, словно я холст бумаги, на котором она смешивает краски, а в конце, скользнув пальцами по оголённой коже на шее, добирается до лица и вырисовывает на моих щеках какие-то узоры.

– Потрясающе, – едва слышно выдыхает девушка, попеременно переводя восторженный взгляд с моих глаз на губы и обратно.

Что сейчас вообще происходит – я не имею и малейшего понятия. И, видимо, на моём лице отражаются все оттенки непонимания, потому что Камилла, вдруг опомнившись, быстро убирает свои руки от меня и виновато прикусывают губу.

– Ой! Прости... Я это... Не хотела тебя трогать... Ну, то есть хотела... Но не так... Прости... На меня бывает находит, – нервно лепечет она, смущаясь и переминаясь с ноги на ногу, отчего теперь даже в соблазнительном платье и с ярким макияжем девчонка не выглядит старше своего возраста.

– На тебя находит желание пощупать незнакомцев? – усмехнувшись, уточняю я.

– Нет. Не незнакомцев, а только таких необычных, как ты.

Её заявление вынуждает меня нахмуриться и вопросительно посмотреть на Криса.

– Не обращай на неё внимания, Остин. Она всех симпатичных мальчиков называет особенными. А ты, Милла, давай двигай в отель, да поживее, если не хочешь, чтобы я позвонил Роберту, и он сейчас же не вернул тебя обратно в Рокфорд.

– Он знает о моей встрече с друзьями и сам отпустил меня, – быстро сменив настрой на воинственный, выдаёт Камилла.

– Да ладно? Отпустил?

– Да, отпустил.

– Одну?

Камилла молчит.

– На ночь глядя?

Снова молчание.

– В бар? Намалёванную, как Барби? В мини-платье? На встречу с «друзьями»? Ты уж если врёшь, то делай это правдоподобно, – неодобрительно покачивает головой Кристофер.

– Я не вру. Роб правда отпустил, просто...

– Что просто?

– Просто вместе с тобой. А так как тебя не было, я собиралась поехать одна.

– Роберт бы позвонил мне, будь это так.

– Так ты проверь телефон, может, он и звонил. Если не веришь, то позвони ему сам и спроси, – недовольно бурчит девчонка, поджимая губы.

Крис вытаскивает телефон, быстро проверяет входящие звонки, а затем и сообщения тоже, после чего чертыхается.

– Вот видишь. Я говорила правду. Так что хочешь ты того или нет, но я еду веселиться. С тобой или без тебя – тут уж выбирай сам, – гордо расправив плечи, победоносно улыбается Камила, непроизвольно заставляя улыбнуться и меня.

– Похоже, второй ночи тусовок тебе всё-таки не миновать, – насмешливо констатирую я, и Крис устало выдыхает, явно не горя желанием никуда ехать. Но выбора у него нет. Долг зовёт.

– Ладно. Но мне нужно переодеться. И тебе тоже, Милла, – строго отрезает блондин.

– Что? Нет! Это платье шикарно! Я ни за что его не сниму!

– Снимешь как миленькая. Иначе никуда не поедешь!

– Но я хочу в этом!

– А я хочу поскорее избавиться от обязанности нянчиться с тобой, но, увы, мне это счастье не светит. Поэтому будешь делать, как я скажу, и наденешь то, что я одобряю. И перед выходом обязательно отправим снимок Роберту, чтобы он был спокоен. А ты и сама знаешь, что его сейчас лучше не волновать лишним раз. У него и так забот по горло. Не хочешь же ты быть ещё одной причиной, что лишит его покоя, не так ли, Милла?

Девчонка стремительно меняется в лице от его слов, но на сей раз не злится и не возмущается, а почему-то становится грустной.

– Хорошо, договорились, – сдаётся она. – Но я планирую веселиться до самого утра. И ты не будешь пытаться затащить меня домой раньше.

– Это мы ещё посмотрим.

– Нет. Не посмотрим! Я настроена серьёзно.

– Да уж. Я вижу.

– И пообещай, что будешь держаться от меня на расстоянии.

– Я всегда так делаю.

– Но сегодня я вообще не хочу видеть твоего присутствия, и не смей вмешиваться, если какой-то парень ко мне прикоснётся, ясно?

– Не ясно. Я сам решу, что и как делать.

– Нет! Пообещай! Я не хочу, чтобы из-за меня страдали люди.

– Тогда води себя прилично и не позволяй всяким мудакам распускать свои руки, – сердито цедит Крис.

– Вообще-то... – она вздёргивает нос кверху, буравя блондина негодующим взглядом. – Я только сплю и вижу, как кто-то распустит свои руки, поэтому не смей лишать меня этого удовольствия! – без тени иронии парирует Камила, ставя точку в их разговоре, а затем обращается ко мне: – Спасибо тебе, Остин.

– За что?

– Меня ещё никто никогда не защищал. И это, оказывается, очень приятно. Спасибо, – мягким голосом повторяет девчонка. Вдруг приподнимается на цыпочки и целует меня в щёку. – Надеюсь, мы когда-нибудь ещё увидимся, – улыбаясь одними вишнёвыми глазами, искренне произносит она.

Откидывает волосы назад и походкой от бедра неспешно двигается к входу в гостиницу, непроизвольно вынуждая нас обоих засмотреться на её изящную спину и сочный зад.

Да уж... Ничего себе девочку природа наградила! Даже страшно представить, как она расцветёт через несколько лет.

– Как же меня достала эта малолетняя профурсетка, – обречённо выдыхает блондин, отвлекая меня от вида уходящей Камиллы, и вновь окатывает сильным приливом возбуждения, чем доставляет мне ещё больший дискомфорт в штанах.

– Слушай... Ты это... Я, конечно, понимаю, что она очень...

– Ой, вот только не надо наставлений, Остин, – пресекает мой порыв предостеречь его от ненужных нам проблем. – Я не озабоченный подросток, который не способен контролировать свой член. Из-за желания засадить дочери Роберта по самые гланды я точно не стану рисковать целью всей своей жизни. Так что можешь не беспокоиться на этот счёт. Ничто не отвлечёт меня от желания покончить с семьёй Хартов. Ничто! И тем более какой-то взбалмошный подросток, который даже не представляет, каким безжалостным дьяволом является её приёмный отец.

Непоколебимый тон Криса заставил бы меня безоговорочно поверить ему, да только весь внутренний смерч эмоций, что вызывает в нём Камилла, ни в какую не позволяет это сделать.

Там нет любви. Нет симпатии. Нет нежности и искренней заботы. Там только злость, раздражение и похоть. Неудержимая. Греховная. Бесстыдная.

И мне ли не знать, на какие поступки она может побудить мужчин? Даже самых сильных, несокрушимых и уверенных в себе и своих целях.

Мою девочку именно такой мужчина и поймал, запугал и принудил к тому, на что она сама добровольно никогда не согласилась бы.

Но я избавлю Ники от него и его несчастного контракта.

Я обязательно это сделаю.

И не важно – с помощью Кристофера или без.

Глава 6

Николина

– Где он? В каком месте? В чём? Или в ком? Во мне его точно нет! Всё исчезло, растворилось, потухло! – бросаю я с отчаяньем своему мокрому отражению, но вместо ответа, мать её, Вселенная, словно насмехаясь, вырубает в ванной весь свет. И так как на улице уже стемнело, сбой в электричестве вмиг погружает меня в непроглядный мрак.

Будто мне своего собственного было мало.

Темноты я не боюсь, поэтому никакого страха или волнения не испытываю. Как, впрочем, и интереса к тому, почему произошёл сбой. Медленно двигаюсь в сторону стены, где на полках лежат полотенца. Шаг за шагом добираюсь до них и повязываю вокруг себя махровую ткань, при этом воистину свершаю подвиг для такого неуклюжего человека, как я, не задев ни рукой, ни ногой ни один угол мебели в ванной.

Дальше придерживаюсь за стену и аккуратно ступаю босыми ногами по кафельной плитке, выбираясь из ванной в спальню, которая тоже осталась без света.

– Чёрт! – тихо выдыхаю я.

Недолго жду, когда глаза хоть чуть-чуть привыкнут к темноте, и продолжаю движение к выходу из комнаты, чтобы позвать Лорэн и попросить у неё свечи.

Шаг, шаг, шаг, и вот я наконец добираюсь до двери, однако открывать её и идти куда-то отпадает вся необходимость. Оказывается, вечно молчаливая домработница уже здесь. Её присутствие в комнате, а точнее прямо за моей спиной я ощущаю, едва успев коснуться дверной ручки.

– Лорэн, ты...

Но договорить у меня так и не получается, как и обернуться тоже: крупная ладонь накрывает мой рот, а фигура, на несколько голов превышающая рост тучной домработницы, намертво придавливает меня собой к двери.

Не могу ни крикнуть, ни вырваться, ни ударить. Я полностью скована мужским телом и не вижу лица нарушителя моего покоя, но точно знаю – это не Адам. Его бы я ощутила ещё издалека.

Но паники нет. Страх – тоже. Рвения спастись – так подавно. Ни капельки. Мне глубоко плевать, кто он, как пробрался внутрь и что сейчас сделает со мной.

Похитит, искалечит, изнасилует, порежет или убьёт?

Вперёд! Пусть делает, что хочет!

Возможно, хоть перед смертью на долю секунды я смогу почувствовать себя живой.

И да! Не верится, но я чувствую это!

Мощнейший прилив энергии с ядерной смесью адреналина пролетает по всем моим венам, будто обжигая кожу изнутри. Не как от магии – до зуда, до боли, до нестерпимой похоти, – а так, словно в моём тёмном, пустом, промозглом внутреннем мире зажгётся огонь, что вмиг согревает каждый уголок души и растворяет поселившуюся в ней тьму, из которой я не могла самостоятельно выбраться.

Но он помог. Он сделал это. Вот так просто. За долю секунды.

Не убив, не причинив вред и не совершив ничего из того, что я от него ожидала, а всего лишь шепнув мне на ухо слова, которые повторял мне в детстве много-много раз:

– Ничего не бойся. Ты в безопасности. Это я, малышка... Это я.

Его шёпот гулким эхом вибрирует в моей голове. Дыхание учащается, ноги подкашиваются, а сердце взрывается, словно от вспыхнувшей в нём петарды.

Это он.

Не верю.

Прикрываю глаза и вдыхаю полной грудью, втягивая в себя родной запах его кожи.

Это он!

Я брежу.

Накрываю ладонью руку на моём рту, ощущая, как сильно бьётся его сердце мне в спину.

Это он!

Не может быть такого.

Мужчина немного отодвигается от меня, разворачивает и берёт мои щеки в ладони, заставляя посмотреть в его лицо.

В комнате темно. В глазах пестрят фейерверки от шока. Но я вижу его так чётко и ясно, как никогда прежде не видела.

Моя душа. Мой свет. Мой вечный спаситель.

– Остин, – хрипло выдыхаю я и начинаю подрагивать от переизбытка клокочущих в груди эмоций.

– Да, Ники. Это я. Пришёл к тебе, маленькая моя.

До боли знакомый голос вместе прикосновениями мужских рук подтверждают, что всё происходящее не галлюцинация. Но мне всё равно не хватает этого, чтобы поверить. Я приподнимаю руку и касаюсь его щеки, покрытой однодневной щетиной.

– Этого не может быть. Это невозможно.

– Как видишь, очень даже возможно. Я же здесь.

– Но как? Что? Как ты здесь оказался? И почему? Ты же всё видел... Ты же понял, кто я... И сказал, что я для тебя мертва. Я не понимаю, что ты здесь делаешь? – дрожащим голосом лепечу я, не зная, за какой вопрос зацепиться в первую очередь.

– Ники, успокойся. И прошу, забудь всё, что я тебе сказал. Забудь и прости. Я был несправедлив к тебе. Я не знал всей правды. Но теперь знаю. Ты ни в чём не виновата.

Его проникновенные, искренние слова наполняют меня живительными силами и одновременно путают мои мысли до полной безнадежности.

– Но я не понимаю. Как ты узнал? И что? Откуда? По...

– Тсс... – он прикладывает большой палец к моим губам. – Это неважно. У нас нет на это времени. Главное, мне всё известно. Остальные разговоры оставим на потом, когда я вытащу тебя из очередной задницы, в которую ты влипла.

– Вытащишь? – в полном шоке выпускаю тихий писк.

– Конечно. И я постараюсь сделать это максимально быстро, Ники. Обещаю тебе, – Остин соединяет наши лбы, касаясь носом к носу, пока я лишь глубже утопаю в омуте тревожащих вопросов, самым важным из которых является:

– Так ты не ненавидишь меня?

Слышу, как Остин усмехается, нащупывая пальцами улыбку на его губах вместе с ямочками на щёчках.

– Ты ещё спрашиваешь?

Я слабо киваю.

– Думаешь, если бы я ненавидел тебя, то пробирался бы в дом человека, который может лишить меня всего? Я люблю тебя больше жизни, Ники. И люблю даже тогда, когда говорю об обратном. Не смей в этом сомневаться, слышишь? Никогда не смей!

Его слова, как импульсы дефибрилятора, окончательно возвращают меня к жизни и вмиг уничтожают последние сомнения в том, что стоящий передо мной Остин – реальность.

Он здесь! Он правда здесь! И он не вычеркнул меня из своей жизни! Я не потеряла единственного близкого человека, без которого не представляю своего существования!

Безграничное счастье с облегчением поглощают сознание, и я напрочь забываюсь. Накидываюсь на него с объятиями, сжимая так крепко, словно боюсь, что он вот-вот испарится. Но Остин никуда не исчезает, а наоборот становится реальней некуда, когда намертво обвивает меня в ответ руками, отрывая от пола.

– Ты не представляешь, как я по тебе скучал, – с беспросветной тоской произносит он, впарывая мне грудь и щекоча дыханием шею. Целует её. Утыкается носом. Трётся лицом так, будто хочет втереть мой запах себе в кожу.

Представляю, Остин. Ещё как представляю. Я тоже скучала. До смерти. До боли. До безумия. Каждый день. И каждую ночь, пока другой эгоистично пользовался мной по своему усмотрению.

Однако вместо каких-либо слов обнимаю Остина ещё крепче, прижимаюсь лицом к его телу, зарываюсь пальцами в волосы и впервые за долгие месяцы чувствую себя по-настоящему особенной. Нужной. Незаменимой. Любимой. Единственной. Живой женщиной, а не пустой безделушкой для траха, главная задача которой всячески ублажать своего хозяина.

В его объятиях я как всегда чувствую себя как дома. В безопасности. Защищённой лучше, чем за своими мистическими стенами. Укрытой не только от всего мира, но и от своих собственных душевых бед, отчего вслед за счастьем по телу растекается умиротворение. Тёплое. Нежное. Оживляющее. Но, увы, до жути быстротечное, ведь штормовая мысль о том, что делает Адам, если застукнет нас с Остином вместе, сносит к чертям секундное спокойствие, враз уничтожая и всю безрассудную радость от нашей неожиданной встречи.

– Ты должен уйти! Сейчас же! – опомнившись, требую я и ловко освобождаюсь от его объятий.

– Нет, не должен. И не уйду, пока мы не поговорим.

– Тебе нельзя находиться здесь. Нельзя! Если Адам придёт, то...

– Он не придёт. Его нет дома.

– Но уже вечер, и он может вернуться в любую секунду.

– Не может. Он на важном приёме, поэтому сегодня домой вернётся поздно.

– Но здесь домработница. Она всё ему скажет, если увидит тебя.

– О ней я тоже позаботился.

– Как? Что ты с ней сделал?

– Ничего ужасного. Просто закрыл в одной из комнат, которую она убирала.

– Что? И каким же образом ты это сделал? А как ты обошел внизу охрану? Как сумел попасть в апартаменты? Как узнал, где моя спальня? Остин, что ты наделал?! Адам убьёт тебя, когда узнает! Убьёт! – хватаюсь руками за голову, захлёбываясь множеством страшных мыслей.

Первая волна радости и счастья миновала, и теперь меня окатывает паника. За Остина. За его карьеру. За его жизнь. Ему нельзя здесь быть. Это опасно. Слишком опасно. Что он творит?!

– Ники, пожалуйста, успокойся и ни о чём не думай. У меня всё под контролем. Адам ни о чём не узнает, – Остин нежно поглаживает мою щеку, но ужас не отпускает меня, и я грубо отрываю его руку от себя.

– Конечно, он обо всём узнает! Ты забрался на его территорию. Думаешь, такой «пустяк» незаметно пройдёт мимо его носа?

– Да, – уверенно отвечает он. – А всё потому, что его пентхаус – один сплошной компьютер. И тебе ли не знать, что с компьютерами я на ты. Он не обнаружит взлома дверей, ведь их взломал виртуально, а не физически. И он не узнает, что кто-то проник в его квартиру, и не увидит меня по камерам, потому что я все их отключил.

– Что? Камеры? Они и здесь есть? – взметнув взгляд к потолку, осматриваю все углы.

– Да, Ники, они везде. И в твоей комнате тоже. Так я и узнал, где именно тебя искать.

Эта новость ещё обильней подпитывает мою панику и отвращение к самой себе – если Остин просматривал видео, чтобы найти меня, он мог также увидеть и мои рабочие ночи.

– Он отключал их каждый раз, когда шёл к тебе, – сдавленно цедит Остин, даже во мраке сумев прочитать по лицу ход моих мыслей. – Так что и об этом можешь не беспокоиться. Мне неведомо, что происходило здесь между вами все месяцы, пока я тебя искал.

Тусклые блики света из окна, падающие на лицо Остина, помогают мне заметить играющие от злости желваки на его щеках и ту же нестерпимую боль, что горела в его взгляде, когда мы встретились в кабинете Адама.

Вся душа переворачивается и призывает меня как можно быстрее её стереть, вытравить начисто из родного взгляда. Попросить прощения за всю ложь. Объясниться. Рассказать всё от начала до конца. Умолять его забыть обо всём, что он видел и слышал. И заверить, что я бы всё на свете отдала, лишь бы повернуть время вспять и сделать всё возможное во избежание встречи с Адамом.

Но я не могу этого сделать. Ничего из вышеупомянутого. Мне наоборот нужно воспользоваться этой болью, чтобы заставить Остина уйти. Перестать рисковать ради меня. Забыть об этой глупой и абсолютно бессмысленно затее. Оставить меня здесь. И подумать о себе.

Он заслуживает самого лучшего. А это точно не я.

– Тогда могу сразу сказать тебе, Остин, что ты зря меня искал. И зря пришел сюда сегодня. У меня всё хорошо. И спасать меня не нужно.

– Не надо этого опять, Николина!

Резкость его голоса заставляет меня вздрогнуть и даже засомневаться в правильности своего решения, но я быстро беру себя в руки.

– Чего не надо?

– Лжи.

– Я не лгу, Остин! Ты же сам всё видел.

– Это была не ты!

– Что значит не я? А кто тогда?

– Николина, когда я сказал, что теперь знаю всё, я это и имел в виду! О твоей необычности мне тоже известно. Как и о том, что Адам преследовал тебя, принудил подписать контракт, держал под замком больше двух месяцев и пытался стереть память, что побудило тебя защититься от него и стать другой, – ошарашивает он.

На мгновение я дар речи теряю. Лишь только стойкое желание его уберечь помогает мне собраться и выдать новую порцию вранья:

– Я не имею понятия, откуда ты обо всём узнал, но это устаревшая информация. Да, Адам натворил много плохого, чтобы принудить меня к этой работе, но в итоге я осталась ему благодарна. Он превратил мою жизнь в сказку! Посмотри, в какой красоте я теперь живу! – взмахиваю руками в сторону. – С чего ты решил, что я хочу терять всё это?

– Потому что тебе всегда было плевать на *всё это*, – он с презрением окидывает комнату взглядом и возвращает острый прицел к моему лицу. – Поэтому прекрати лгать, Ники, лишь бы защитить меня от Адама. Мне не нужно твоё очередное самопожертвование. Я не боюсь его.

– А стоит, Остин. Стоит! Адам безжалостен к тем, кто встаёт на его пути. Он без колебаний разрушит всю твою жизнь и отнимет всё, что тебе дорого!

– Дура! Да как же ты не понимаешь?! Он уже отнял всё! – одним рывком Остин подлетает ко мне, плотно впечатывая в стену. – Он отнял тебя, – горестно шепчет, склонив голову к моему лицу. Запускает руки в мои влажные волосы, слегка надавливает на затылок, вынуждая меня задержать дыхание и прикрыть глаза.

Мне нельзя находиться с ним так близко. Нельзя дышать им и смотреть на губы в нескольких сантиметрах от моих, чтобы не поддасться желанию впиться в них, позабыв о безопасности.

Остин не понимает, о чём говорит. И в полной мере не осознает, что его ждёт, если он перейдет дорогу Адаму. Но зато знаю я. Он потеряет всё. И если Харт того захочет, никогда не сможет вновь подняться на ноги.

– Нет, Остин, ты ошибаешься, – приложив усилия, шепчу я и прикладываю ладони к его тяжело вздымающейся груди. – Я – это не всё. Поверь ты можешь потерять гораздо больше, без чего действительно не сможешь жить. А я не хочу быть тому причиной. Тем более в этом нет никакого смысла. Мне ничего не стоит отработать на Адама до конца. Со мной же всё хорошо. Я цела и здорова. Живу в красивых апартаментах. Имею личную прислугу. Посещаю интересные места. Делаю всё, что пожелаю в свободное время и...

– И трахаешься с тем, кого не любишь, – злобно рычит он и оттягивает мою голову за волосы, заставляя встретиться во мраке с его гневным взглядом. – И только это перечеркивает все твои слова, которые ты мне тут наплела. Я знаю тебя, Николина. Для тебя это ненормально и неприемлемо. И никакие деньги с комфортом не закрасят мерзкое ощущение продажности, с которым ты, без сомнений, борешься день изо дня.

– Да нет никакого мерзкого ощущения! Я сплю с ним с удовольствием и по собственному желанию. И раз уж ты так хорошо меня знаешь, Остин, тогда тебе не составит особого труда сложить два и два, чтобы понять, почему я так поступаю, – выпускаю контрольный выстрел, едва не задыхаясь от подступающей к горлу горечи. Она разъедает бронхи, испепеляет грудь и останавливает сердце, что увядает, как цветок, от вида мелькнувшего прозрения в родном взгляде.

– Ты любишь его? – сухим голосом спрашивает он.

Мне требуются пять секунд – до безумия коротких и мучительных, – чтобы собраться с духом и вновь причинить боль самому дорогому и близкому мне человеку:

– Люблю.

Остин сжимает губы, тяжело выдыхает, продолжая сверлить меня взглядом.

– Любишь, значит?

– Да.

– А меня?

– Люблю, конечно. Но не так как раньше.

– А как?

– Как родного человека, которому желаю счастья и которого никогда не хочу потерять, – без запинки проговариваю я под сопровождение стойкого ощущения дежавю.

Когда-то, словно в прошлой жизни, Адам уже задавал мне похожие вопросы, и я отвечала на них с непоколебимой уверенностью в правдивости своих слов. Сейчас же всё иначе, ведь я и сама никак не могу определить, сказала ли я правду или нет? И это самое страшное.

– Не верю, – зато Остин стопроцентно уверен, что я солгала.

– Мне кажется, сцены в кабинете должно быть достаточно, чтобы ты поверил. Я не играла, Остин. Я в самом деле счастлива с Адамом и не стремлюсь избавиться от контракта, потому что во время него я влюбилась в своего начальника.

– Не верю, – твёрдо повторяет ещё один упрямый баран.

– Ну не верь, если не хочешь. Я не знаю, как ещё доказать тебе, что я не люблю тебя больше так, как ты того хочешь.

Наверное, ненавидеть себя больше, чем я ненавижу себя в данный момент, невозможно. Но другого варианта нет. Так надо. Так будет лучше. Для Остина. Остальное неважно.

– Зато я знаю как, – горячо шепчет он мне в губы, и я даже моргнуть не успеваю, как Остин нападает на них, настойчиво вторгаясь в мой рот языком.

Я должна оттолкнуть. Начать брыкаться. Укусить. Прекратить поцелуй. Или хотя бы попытаться это сделать, но ничего не выходит.

Не только потому, что Остин придавливает меня намертво к стене, удерживая за волосы так, что я головой подвигать не могу, но и потому, что от вкуса его губ я улетаю. Не в рай. Не в космос. Не в блаженное забытие, а гораздо лучше... Туда, где я любила и была любима. Туда, где сбылась моя мечта... Туда, где я свершила опрометчивую ошибку, за которую вскоре поплатилась сполна.

Я улетаю в нашу с ним прекрасную реальность, что происходила в темноте ночного леса, где Остин также целовал и обнимал меня. Напористо. Страстно. Властно. Собственнически. Словно я его единственный источник кислорода. Единственная женщина, которая ему нужна. Не из-за магии или чего бы то ещё. А просто так. За то, какая я есть. И вопреки всем моим недостаткам.

И, чёрт побери, всего один его поцелуй открывает мне горькую правду о том, что мне до невыносимости не хватало ощущения искренней взаимности. Любви. Нежности. Заботы. Не сотканного из магии и нездоровой одержимости, а чего-то реального, что даёт мне сейчас Остин.

И мне чертовски не хватало всего этого. Мне чертовски не хватало Остина. Гораздо больше, чем я предполагала вначале, из-за чего сейчас я не предпринимаю ни одной попытки остановить его. Просто не могу. Борьба с «очарованием» Адама было в разы проще, потому как я знала, что всё между нами – долбаная магия. Но с Остином... Всё по-настоящему, и потому мне не хватает сил и дальше продолжать врать, чтобы уберечь его от неприятностей.

Знаю. Я пожалею об этом позже, но оторваться от его губ для меня сейчас равносильно смерти. Я наоборот обвиваю его шею руками и отвечаю на поцелуй с той же страстью, необходимостью, болью и печалью, что не покидали меня на протяжении всего времени нашей долгой разлуки.

Да, я люблю его. Я до сих пор его люблю. Как брата? Как друга? Или как мужчину? Не знаю. Но я люблю! Это единственный факт, в котором я всегда была стопроцентно уверена. Единственный, в котором я убедилась сейчас после возвращения. И единственный, в котором я никогда не должна сомневаться. Что бы ни случилось. В кого бы я ни превратилась.

– Лгунья... Я чувствую, какая ты лгунья, Ники... Всё чувствую, – шепчет Остин сквозь поцелуй. Прикусывает мою губу и вновь ныряет языком внутрь, сталкиваясь с моим податливым. – Я придушу тебя, если ты ещё хоть раз солжёшь мне. Особенно о таком. Клянусь, придушу.

Ощущаю, как его рука отпускает мои волосы и мощно накрывает шею, наглядно показывая, что он не шутит.

– Прости меня... Прости... Прости... Я не могла иначе... Не могла, – повторяю из раза в раз, вконец растворяясь от его близости.

– Мне не нужны твои извинения. Я хочу, чтобы ты прекратила врать и хоть раз в жизни доверилась мне, – разорвав поцелуй, со всей серьёзностью в голосе чеканит Остин.

– Что значит «хоть раз»? Я всегда верю и доверяю тебе.

– Будь оно так, ты бы с самого начала сказала мне всю правду. Но ты предпочла врать, тщетно пытаясь справиться со всем в одиночку.

– Потому что я очень боялась за тебя. И боюсь сейчас. Только поэтому я ничего не говорила, а не из-за недоверия, – искренне заверяю я, хаотично касаясь губами его лица и шеи.

– Тебе не нужно за меня бояться. И переживать за меня тоже не надо. Ты о себе должна думать, глупая. А я со всем справлюсь сам.

– Как, Остин? Что ты сможешь сделать Адаму, чтобы вынудить его отпустить меня? Это невозможно. Ты ничего не сможешь. Он не отпустит, пока я ему не надоем. Он сам мне об этом сказал, а если уж он что-то решил, то это не изменится. Без сомнений.

– Надо же! – неодобрительно фыркает Остин.

– Что?

– Его словам, значит, ты без колебаний веришь, а моим, когда я говорю тебе, что я со всем справлюсь, – нет.

– Остин... не воспринимай это так.

– А как, по-твоему, я должен это воспринимать?

– Да так, что я не могу тебя потерять! Как же ты не понимаешь? – сокрушаюсь я, взмахивая руками. – У меня никого, кроме тебя, нет. И если Адам с тобой что-то сделает... Я не переживу. Именно поэтому мне легче отработать до тех пор, пока Адам сам не решит от меня избавиться, нежели позволять тебе рисковать всем ради меня.

– Да чем всем, Ники? Что ты заладила об одном и том же? Ты думаешь, работа для меня важнее тебя? Ты серьёзно так думаешь? Идиотка! – он сжимает мои щеки. Смотрит точно в глаза. – Да я, бля*ь, дышать без тебя не мог! Каждое утро глаза открывать не хотел и делать хоть что-либо, зная, что ты здесь с ним... работаешь по принуждению. Мне никакая карьера, никакой успех и никакая благополучная жизнь не нужна, если в это время ты будешь ночь за ночью переступать через себя и делать то, что тебе не хочется. Поэтому будь добра засунуть куда подальше все свои страхи, тревоги и дебильную привычку врать во имя моего спасения, и дай мне освободить тебя от Адама гораздо раньше, чем он сделает это сам, – выпаливает Остин на одном дыхании и смотрит с такой непоколебимостью во взгляде, что я даже во тьме понимаю один неопровержимый факт – Остин не ждёт от меня никакого ответа. Он не спрашивает разрешения и не требует одобрения. Он уже всё сам решил. И не отступит от своей немыслимой затеи, что бы я ему ни говорила.

Я сокрушенно выдыхаю. Боязнь и гнетущая тревога за его будущее никуда не исчезают, и вряд ли хоть что-либо сумеет это исправить. Однако выбора мне Остин не оставляет, а значит, придётся как-то научиться сживаться с ней и неустанно молиться всем богам и вселенным, чтобы задуманный Остином план удался.

– Так что ты собираешься делать? – безоговорочно сдавшись, тихим голосом спрашиваю я и тут же расцветаю от вида его радостной улыбки. Он ничего не говорит, а вновь прижимается к моим губам своими, заставляя моё сердце биться громче и быстрее.

Стук. Второй. Третий. Десятый. Сотый. А затем БАМ – и сердце падает куда-то к пяткам, когда наперебой с его ударами я слышу по ту стороны двери чьи-то приближающиеся шаги. Уверенные. Тяжелые. Быстрые. Размашистые. Точно не принадлежащие маленькой домработнице.

И Остин тоже их слышит. Резко отлипает от моих губ и застывает.

Глаза в глаза. Секунда безмолвного диалога. И мы оба понимаем, кто именно сейчас откроет дверь, войдет в спальню и, увидев Остину, непременно сделает с ним то, чего я так боялась.

Глава 7

Николина

Ужас мгновенно оплетает мою шею колкой проволокой, вонзается в кожу, покрывая всю её поверхность ледяной коркой. Я не могу пошевелиться, выдавить и слово или связать хоть какие-то разумные мысли воедино, чтобы попытаться избежать грядущей трагедии. И, наверное, я бы так и стояла, как в столбняке, до самого прихода Адама, если бы тихий голос Остина не привёл бы меня в чувства.

– Ники, только не переживай. Без паники. Всё будет в порядке.

– В порядке?! Ты нормальный вообще?!

– Нормальный. Просто верь мне и спрячь куда-нибудь, – он бегло осматривается по сторонам. – В ванную?

– Нет! Он тебя там найдет! – шиплю я, хватая Остина за майку.

– Тогда куда? – он взглядом торопит меня сообразить быстрее, и я всё-таки заставляю себя выбраться из стальных оков страха, чтобы вместо уборной направить Остина в свою гардеробную. Ни на какие другие разговоры у нас больше нет времени. Шаги Адама совсем рядом.

Остин только успевает спрятаться, а я, ничего лучше не придумав, – завалиться на кровать и прикинуться спящей, как дверь в мою спальню открывается. И в комнате вмиг повисает зловещая тишина, разбавляемая только моим бешено стучащим сердцем, что сходит с ума в клетке ребер от страха.

Адам знает о проникновении Остина! Знает! Точно знает! Что сейчас будет? Что он сделает? Начнет обыскивать комнату? Или меня разбудит и начнет допрашивать?

Вопрос за вопросом заживо съедают меня, пока Адам будто специально скребёт невидимой наждачкой по моим расшатанным нервам, так и оставаясь стоять на месте. Не знаю, осматривает ли он комнату или же думает о чём-то, но это его бездействие доводит меня до помешательства.

Мне хочется вскочить с кровати и сделать хоть что-нибудь, лишь бы отвлечь Адама от возможно зародившихся в нём подозрений, но вместо этого я призываю себя успокоиться и отправляю все моральные силы, чтобы не дай бог не выдать своё «пробуждение».

Максимально тихо и глубоко дышу, борясь с усиленным сердцебиением, и отчаянно надеюсь, что Харт вот-вот уйдет. Но, ясное дело, он никуда уходить не тропится, вынуждая меня оставаться неподвижной. И нужно сказать: делать это мне даётся как никогда тяжело, потому что тело, ощутив присутствие своего хозяина, вмиг становится мне неподвластным.

Четыре месяца я не чувствовала Адама физически. Месяц вообще никак. Но моя оболочка на протяжении всего этого времени пропускала через себя всё, что Адам ей давал. Она пропитана им насквозь. Отравлена. Подчинена. Заклеймена. Привязана незримыми нитями, которыми он без труда управляет. Неважно – с магией или без. И потому сейчас мне едва удаётся совладать с бурей химических реакций, протекающих в моём организме.

Тело против моей воли чувствует Адама и отзывается на его близость трепетом во всех отравленных им атомах. Слабеет от его запаха. Начинает мелко дрожать и покрываться россыпью мурашек. Изнемогает и неудержимо рвётся к нему от необходимости ощутить его прикосновения. И всё это, мать его, я ощущаю, даже несмотря на лютый страх перед вероятностью быть раскрытыми. Несмотря на то, что мечтаю никогда его больше не видеть. И несмотря на обрётённый мной иммунитет от «очарования».

Да. Находясь за «стенами», я сумела научиться управлять своим «щитом», что позволило мне не только предоставить Анне возможность стать восприимчивой к способности Адама, но

и наоборот – обрести полную защиту от его магии. Теперь я способна отключать и включать эту опцию по своему усмотрению, но на этом всё. Превратиться стопроцентно в Анну я больше не могу.

Возможно, я смогу это сделать позже, но пока снова спрятаться целиком в своём склепе у меня не хватает сил. Я морально слаба и неустойчива. Да и какой смысл прятаться? Адам же опять начнёт чудить в желании вытащить меня обратно, а я не хочу больше с ним бороться, ведь знаю наверняка – он опять выиграет, и хуже после этого будет только мне одной.

А мне и так дерьмовее некуда. Да что уж там: вся сложившаяся ситуация – полная жопа, которая, к слову, как бы это смешно ни звучало, заставляет почувствовать себя прежней Николиной, – вечно попадающей в неприятности девчонкой, окончательно живой и одушевленной.

Да только нужно ли мне теперь это долгожданное оживление, если в груди разряжается настоящий смерч из негативных чувств к Харту, а разум жалит жутчайшая мысль об Остине, находящемся за дверью, в то время как телу на всё это абсолютно пофиг! Ему ничто не мешает остро реагировать на молчаливое приближение Адама и едва ли не вздрогнуть, когда он присаживается на кровать прямо за моей спиной.

Всего один его шумный вздох запускает сотни взрывных колебаний по телу. Одно прикосновение пальцев к плечу – и все кости превращаются в вялую панна коту. Одно дуновение его дыхания возле моей шеи – и я теку между ног так, что, если Адам решит сейчас забраться рукой под полотенце, он сразу же поймет о моём сонном притворстве.

Так не должно быть. Я не хочу этого возбуждения. Я вообще не хочу ничего чувствовать к нему! Это отвратительно и жалко. Я сама себе противна, отчего ко мне приходит ещё один ответ, который я всю минувшую неделю не могла найти.

Кого же я ненавижу?

И всё оказалось до смеха просто: я ненавижу себя.

Ненавижу за эту слабость перед Хартом. За то, что превращаюсь в похотливое животное рядом с ним. За то, что таю после всего, через что он заставил меня пройти. За то, что не могу ненавидеть Адама так, как должна это делать. И ещё по миллиону других причин, которые я непременно тоже перечислила бы сейчас, будь у меня такая возможность. Но её нет.

Все мысли разлетаются по разным углам сознания, дыхание перехватывает, а пульс взлетает до двухсот ударов, когда Харт начинает медленно вести пальцами линию от моего плеча вдоль руки до запястья, в том же темпе возвращаясь вверх. И повторяя этот трепетный путь ещё несколько раз туда и обратно, он какого-то чёрта прижимается лицом к моему затылку, второй рукой поглаживает по волосам и глубоко вбирает в себя воздух, на выдохе смешивая его с хриплым рычанием.

Что Адам опять вытворяет? К чему вся эта долбаная нежность, что непроизвольно вздымает все волоски на теле и щекочет все фибры моей бракованной души? Сколько можно истязать меня одним и тем же способом? За что он так со мной? Да и зачем? Что ему ещё от меня надо? Чего он хочет добиться этой лживой лаской?

Это бессмысленно. Я никогда в неё больше не поверю и не стану в ней искать нечто искреннее и светлое. Я уже неоднократно убеждалась, что нет в этом человеке ничего хорошего. Только подлость, эгоизм и мрак, в которых я увязла по самое горло и совершенно не знаю, как из всего этого выбраться.

Однако искать ответ ещё и на этот вопрос сейчас совсем не время. Сейчас есть миссия поважнее: как вытащить отсюда Остина так, чтобы Адам его не заметил?

В голове громовым набатом бьёт лишь один способ решения этой проблемы, однако я даже представить не могу, как ублажать Адама, зная, что Остин находится всего в нескольких метрах от нас и с легкостью слышит всё, что происходит в комнате?

Нет! Ни за что! Я не смогу! Даже со своим телом-предателем, жаждущим Харта не взирая ни на что, не смогу! Это было бы элементарно для Анны, но для меня это непосильная задача.

Да и я никогда не поступлю так с Остином, который не побоится никаких проблем с Хартом и непременно выскочит из гардеробной ещё в самом начале прелюдии. А этого допускать нельзя! Категорично нельзя!

Да только вот же беда... Да нет... Не беда, а прямо-таки вселенская трагедия – о недопустимости секса между нами понимаю лишь я одна, а вот Адам, который так и продолжает касаться меня аккуратно и бережно, словно я хрупкая хрустальная куколка, нисколько не разделяет мою позицию. Его прижавшееся к моей спине тело вместе с быстро затвердевшим бугром в штанах и пальцами, скользящими уже не только по рукам, но и по моим бедрам, красноречиво говорят, что он намеривается делать со мной дальше.

Использовать по своему назначению.

Как делал это всегда.

Без разговоров. Без вопросов. Без моего одобрения.

И с одним лишь новшеством в виде Остина через стену.

Кошмар! Ужас! Катастрофа!

Неужели мне придется это сделать? Походу, да! Ведь как мне избежать близости с Адамом, не вызвав у него подозрения, я не представляю!

Выхода нет. Я в тупике. Снова. И ни в какие чудеса, что смогли бы мне сейчас помочь выбраться из него, я тоже уже давно не верю.

Я вся сжимаюсь и до крови прикусываю губу, лишь бы сдержать внутри себя блаженный стон, когда Адам приобнимает меня, губами прижимается к щеке и замирает так. Ничего не говорит, не предпринимает следующих шагов. Только тяжело дышит, пока я будто с одного из сотен тысяч нью-йоркских небоскребов лечу и гадаю: что меня встретит внизу – твердый асфальт или же мягкий батут?

Хотя второе – это вряд ли...

В объятиях дьявола нет мира, спокойствия и ощущения безопасности. Нет стабильности, уверенности в завтрашнем дне и каких-либо гарантий. Здесь только огненный шторм из бесконечных противоречий, что накрывает меня с головой, наполняет силами и опустошает, обжигает до боли и мягко согревает, искрит под кожей и потухает в самом сердце.

Мне хочется немедленно оборвать эти короткие секунды его нежности и одновременно продлить их навечно. Хочется вырваться из его рук и в то же время обернуться и обнять в ответ. Хочется закричать во всё горло, чтобы не смел меня трогать так, будто я вся его Вселенная, и в той же мере жажду тихо прошептать, чтобы он никогда не отпускал меня. Не обижал. Не приказывал. Не принуждал. И дал мне свободу. Право выбора. Позволил самой принимать решения.

Но Адам никогда этого не сделает. Никогда не разрешит мне быть хозяйкой своей жизни рядом с ним. Потому что ему всегда нужно всем руководить, контролировать и помыкать другими людьми в угоду своим желаниям, начало которых я с ужасом жду в любую секунду.

Но Адам почему-то ничего не делает. Так и лежит молчаливо, обнимая меня и вдыхая запах моей кожи. Однако этот факт нисколько не дарует мне облегчения и спокойствия. Наоборот – страх перед неизвестностью заставляет ощущать себя словно загнанной в тёмную пещеру, где дикий зверь, ещё немного полакомившись запахом жертвы, сорвётся и съест меня заживо. А точнее, не съест, а трахнет так, что я ходить нормально не смогу потом. И ведь так оно и будет. Я прекрасно помню постоянный сценарий их ночей с Анной до того, как отключилась полностью. Он не жалел меня. И не боялся сделать больно, ночь за ночью покрывая тело и душу своими отметинами.

Однако стоит только в очередной раз ужаснуться неминуемому исходу, что ждёт моё тело, как низкий голос Адама поражает меня до полного онемения:

– Не бойся меня, Лин. Я ничего не буду с тобой делать, пока ты сама не захочешь, – он переворачивает всё вверх дном во мне своим мягким шепотом возле уха и, будто заведомо

зная, что я ему не отвечу, сразу же отстраняется. Накрывает меня одеялом, а сам встает с кровати и делает несколько шагов, как предполагаю, в сторону окна.

И Адам прав: я не обернусь, не посмотрю на него и ничего не скажу в ответ. Не только из-за отсутствия каких-либо слов по поводу его очередного несвойственного ему поведения, но и потому, что ком из всевозможных страхов напрочь сдавливает голосовые связки.

Он знает? Догадывается? Подозревает?

Чёрт! У меня сердце сейчас остановится от паники, захлёстывающей меня с новой силой. И она бьёт, бьёт, бьёт по всем нервным окончаниям в такт шагам Харта, неспешно описывающим периметр моей спальни.

Он знает! Он точно знает! Не мог не узнать! Это же Адам!

И осознание этого вконец скручивает мне все внутренности, когда шаг за шагом Харт всё ближе подбирается к гардеробной.

Боже! Он сейчас откроет дверь и увидит Остина! Ему конец! Он всё потеряет! И всё из-за меня!

Я не могу этого допустить! И не допущу! Это случится только через мой труп.

Ещё секунда – и я бы вскочила с кровати без какого-либо заготовленного плана, как отвлечь Адама, однако внезапная вибрация его телефона меня останавливает. И его, впрочем, тоже.

– Слушаю.

Даже с расстояния его низкий голос кусает мою кожу мурашками. Приоткрываю глаза и украдкой наблюдаю за его высокой фигурой, которую в темноте толком не разглядеть. Лицо мне также не видно, но зато резко помрачневший тон ясно проявляет мне его настроение.

– Понял. Жди. Я сейчас приеду.

И после этих слов Адам грязно ругается и буквально вылетает из моей спальни, оставляя меня в недоумении.

Глава 8

Николина

Что это только что произошло? Спасение свыше? Крупица везения? Счастливое стечение обстоятельств? Да не может быть! Со мной такого никогда не случилось! Я же самый невезучий человек в мире!

От шока я вновь закрываю глаза и продолжаю так неподвижно лежать, слушая отдаляющиеся шаги Харта в коридоре. И даже не замечаю, как дверь слева открывается и ко мне подходит Остин.

– Ники, он ушёл. Я же сказал, что всё будет в порядке, – успокаивает он, прикасаясь рукой к моей щеке, но я ничего не чувствую. Кожу до сих пор жжёт после невинного поцелуя Адама.

– Малышка, ты что? В самом деле заснула? – он слегка тормошит меня за плечи, вместо ответа получая мою усмешку. Ни чёрта не веселую.

– Заснула? – отрываю голову от подушки. – Ты издеваешься?! Да как тут было заснуть, когда у меня вся жизнь перед глазами пронеслась? Ты чокнутый, Остин! Совсем с ума сошёл, явившись сюда! – толкаю его в плечо и принимаю сидячее положение, прикрывая лицо руками.

– А что мне было ещё делать? Иначе нам с тобой никак не удалось бы встретиться. Да и Адам должен был быть допоздна на приёме. Я не представляю, что за чёрт его дёрнул уйти чуть ли не в самом начале, но в любом случае ничего страшного не произошло, – он касается моей руки, желая успокоить, но я лишь сильнее начинаю дрожать, раз за разом прокручивая в мыслях минувшие пять минут.

– Как это ничего страшного не произошло? Я думала, что нам конец! Я думала, что Адам обо всём знает и вот-вот найдёт тебя!

– Он ни о чём не знает, и я уверен, даже не додумался связать обычный сбой в электричестве, который может произойти в любой квартире, со мной.

– Откуда такая уверенность?

– Так ты сама подумай. Адам же считает, будто я тебя знать не желаю. Так зачем же мне проникать в его дом? В этом нет никакого смысла. К тому же как ты думаешь, Адам сбежал бы сейчас решать рабочие проблемы, если бы знал, что я прячусь у тебя в спальне? – мягко улыбается Остин, придвигаясь ко мне ближе, и я понимаю, что он опять прав.

Харт никуда не убежал бы, если бы знал, что другой мужчина пришёл тайно навестить его любимую игрушку.

– Я так испугалась. Ты не представляешь. Так испугалась, – на выдохе опускаю лоб на его плечо. – Мне казалось, что он... что он захочет... а ты за дверью... и что мне делать? Ужас... Это ужас... – заикаясь, мямлю я, и Остин начинает поглаживать мою голову как в детстве.

– Ники, я ни за что не позволил бы такому произойти. Даже если бы Адам попытался что-то сделать с тобой, времени у него на это не хватило бы, – сдавленным голосом заявляет он, ныряя пальцами в мои волосы, целует висок.

– Мне бы твою уверенность пять минут назад, – протяжно выдыхаю, лишь сейчас немного приходя в себя, и сразу же ощущаю, насколько сильно горит кожа Остина. – Ты в порядке? У тебя температура, что ли?

Касаюсь его лба, щёк, шеи – всё влажное и ненормально горячее.

– Нет, Ники. Это не температура, а эффект от силы Адама, который ты на него отражаешь. Он настолько сильный, что мне посчастливилось впитать его, даже находясь в другой комнате. Поэтому лучше сейчас меня шибко много не трогай.

– Ой, – резко одёргиваю от Остина руку, не желая ухудшать его состояние, и с некоторым испугом смотрю, как лихорадочно блестят его глаза.

– Не переживай. Я на тебя не наброшусь. Если уж тогда в кабинете я смог сдержаться, то сейчас – тем более. Не за этим я к тебе пришёл. Нам нужно поговорить.

– Нет! Нам нельзя терять время на разговоры. Тебе нужно срочно уходить. Я не знаю, куда унёсся Адам, но он опять может вернуться в любую минуту.

– Зато я знаю. Он поехал в офис. И на сей раз он точно вернётся ещё не скоро. Я об этом позаботился.

Его заявление зарождает во мне любопытство, что, по всей видимости, проявляется и на лице.

– Не забивай себе голову лишней информацией, Ники. Сейчас мы должны успеть поговорить о том, что нам предстоит с тобой сделать, чтобы избавиться от Адама.

– Остин, умоляю тебя, одумайся и остановись, пока ещё не поздно. Я боюсь. И не хочу рисковать тобой, – в очередной раз завожу свою любимую балладу. Но я ничего не могу с собой поделать. Страх берёт меня под контроль.

– Хватит об этом, Николина! Мы же вроде бы уже обо всём договорились.

– Да, но...

– Всё! Никаких «но»! Я ни за что не отступлю и не позволю ему и дальше пользоваться тобой, как ему вздумается. Но мне очень важно, чтобы ты была со мной заодно. Лишить Адама всего, что он имеет, максимально быстро я смогу только с твоей помощью.

– Что значит «лишить всего»?

– То и значит. Заставить его расторгнуть контракт получится, только если мы лишим его всех денег. Он не сможет тебе больше выплачивать гонорар, а значит, ему придется попрощаться с тобой.

– О чём ты говоришь, Остин? Нам нечего расторгать. Контракта никакого нет. Адам его уничтожил ещё когда узнал о нас с тобой, – со стопроцентной уверенностью сообщаю я, однако слабая усмешка Остина пошатывает мою непоколебимость.

– То, что Адам тебе сказал, будто уничтожил его, не значит, что он сделал это на самом деле, Ники. Контракт есть. Иначе, как бы он защитил себя в случае, если бы ты решила сбежать и подала бы заявление в полицию? Он сохранил все подписанные тобой бумаги и однозначно воспользуется ими, чтобы быстренько вернуть обратно, если я просто так тебя сейчас выведу из его дома. А, значит, нам нужно использовать другой способ, чтобы освободить тебя от этой работы. И я тебе уже сказал, в чём он заключается. По-другому никак. Ждать, пока он сам решит освободить тебя, я не собираюсь. Не факт, что Харту хватит оставшихся восемь месяцев из оговоренного вами года. Ведь что-то мне подсказывает, когда ты подписывала договор, ты явно не удосужилась прочесть пометки мелким шрифтом, в которых говорилось, что Харт вправе продлевать срок твоей работы столько раз, сколько ему заблагорассудится.

Остин выжидающе смотрит на меня, с легкостью считывая по моему лицу, что его предположение совершенно верно.

Конечно, я не читала скрупулезно каждый пункт контракта, а только те, которые мы обговаривали с Адамом в день подписания. Тогда я была изнурена, сонлива и заиклена исключительно на спасении мамы. Об остальном я и думать не думала. Хотя... Какая разница-то? С договором или без, я всё равно должна работать на Харта, пока ему не надоест.

– Существование контракта ничего не меняет, Остин. И насколько я понимаю, ты сам теперь знаешь почему.

– Знаю. Но я хочу напомнить тебе, что деньги и власть ходят рука об руку. Если мы оставим его без его миллионов и компании, он и шантажировать тебя больше ничем не сможет. Без своих денег Адам никто. Он же всё решает только с их помощью.

– И что ты собираешься сделать? Обокрасть его, что ли? – нервно выдаю абсолютную нелепость, но по последующему утвердительному кивку Остина понимаю, что попала прямо в яблочко. – Что? Ты же шутишь, правда?

– Нисколько.

– Нет, ты этого не сделаешь, – с надеждой в голосе блею я.

– Ещё как сделаю!

– Нет, Остин!

– Да!

– Ты точно с ума сошёл?! Как ты планируешь это проверить?

– Я тебе всё расскажу, если ты успокоишься и скажешь, что полностью мне доверяешь, – он берёт моё лицо в свои ладони, поглаживает большим пальцем скулу, на сей раз будто смазывая пантенолом то место, что ещё недавно обжигали губы Адама.

– Конечно, я доверяю тебе, – накрываю его ладони своими. – Но я не могу позволить тебе творить нечто подобное. Это же незаконно.

– А то, что делает Харт, по-твоему, законно? – его усмешка касается моих губ.

– Нет, разумеется, нет, но заточение какой-то шлюхи без имени и рода в своём пентхаусе не идёт ни в какое сравнение с тем, о чём говоришь мне ты, Остин. Тебя же могут посадить в тюрьму. Причём с адвокатами Адама на пожизненный срок.

Мой жалкий бубнёж заставляет его злобно захрипеть и сдавить мои щёки сильнее.

– Во-первых, чтобы я больше не слышал, как ты называешь себя шлюхой, Николина! Ты не шлюха! Тебе ясно?

В ожидании ответа родной взгляд сверкает яростью, и я положительно киваю, хотя на деле именно шлюхой себя и считаю. Даже несмотря на то, что стала такой не по своему желанию.

– Хорошо. А во-вторых, я ещё даже не начал ничего делать, а ты уже заведомо пророчишь мне печальный финал. И после этого говоришь, что доверяешь? Опять ложь, Николина! По ходу, тебе вообще кажется, будто я ни на что в этой жизни не способен.

Вновь слышу разочарование в его голосе, что режет слух, как звон разорвавшихся пут.

– Это не так, Остин. Совсем не так! Просто уж лучше я пораздвигая ноги перед Хартом до тех пор, пока ему не наскучит, чем ты попадешь в проблемы, которые не сможешь решить! – на эмоциях выпаливаю я, тут же понимая, что ляпнула совсем неподходящие слова.

Гневный взгляд Остина вмиг рассекает темноту, вонзаясь острием мне в грудную клетку. Я вся тушуюсь, обхватываю руками саму себя, в уме предполагая, что, если бы Рид владел «очарованием», от его ударной волны злости, прибивающей меня сейчас к матрасу, я бы уже несколько раз улетела в космос.

– Ещё хоть раз ты сморозишь мне нечто подобное, Николина, и я тебя не только придушу, но перед этим ещё и язык с корнями вырву! И я ни хрена не шучу! – Остин не говорит, а словно пощёчинами хлещет по моему лицу каждым произнесенным словом. – Когда же ты, наконец, научишься быть слабой и позволять другим тебе помочь? Ты не мужик, Ники, а девушка вообще-то! Тебе не нужно справляться со всем в одиночку, как ты всегда это делала! У тебя есть я. Сколько можно повторять тебе это? А я ни за что не допущу, чтобы ты продолжала *раздвигать ноги* перед властным мудаком и дальше! Не разрешу тебе вновь идти на какие-то жертвы якобы ради моего благополучия! Когда же до тебя дойдет наконец-то?! – категорично и звучно бросает он, в то время как мне после его гневной тирады удастся лишь тихо промямлить:

– Ты всё верно говоришь... как всегда... но просто я...

– Ты просто боишься за меня, – с недовольством перебивает Рид и отстраняется от меня, вставая на ноги. – Да, это я тоже уже слышал. Да только тебе не обо мне нужно переживать, а о себе и других девушках, которых Харт выберет для контракта после тебя.

– Что? А какое дело мне должно быть до них? – мой голос звучит чересчур резко от внезапного неприятного ощущения в груди.

– А вот такое... Вдруг Адам и после тебя кого-то также принуждать будет?

– О-о-о, об этом можешь не волноваться. Никто, кроме меня, ему никогда не отказывал и я больше чем уверена, что другой такой, как я, в будущем не появится, – проговариваю я и меня чуть ли не передёргивает от картины, как Харт резвится с другими.

– Возможно и так, но далеко не все женщины соглашались на интим потому, что настоящему хотели спать с ним, а всего лишь из-за невозможности противиться его силе. И кому-то повезло гораздо меньше, чем тебе, когда Харт решил стереть память.

Остин цепко смотрит на меня в ожидании реакции. А она есть. И крайне бурная. Да только клокочет исключительно внутри меня, не отражая на лице и толики горечи и ужаса, что снедают меня сейчас.

– Так значит, я далеко не первая, кому он пытался изменить воспоминания? – монотонным голосом уточняю я.

– Точное число девушек, с которыми он провернул это, я назвать не могу, но мне доподлинно известно имя одной, что лишилась не только двухлетних воспоминаний со своим любимым человеком, но и жизни, Ники, – мрачным тоном сообщает Остин, а у меня вся кровь стынет в жилах от его слов. – Десять лет назад Адам убил Элизабет Кларк. Ей едва исполнилось восемнадцать.

– Нет! Не может быть такого! – язык сам произносит эти слова. Причём так твёрдо и громко, будто я стопроцентно уверена в невинности Харта.

– Может, Ники!

– Нет! Адам кто угодно, но только не убийца! – я вскакиваю с кровати и рявкаю с раздражением, точно собака, защищающая своего хозяина.

– Ого! Вот это реакция! – Остин изумленно покачивает головой.

– Это не то, что ты думаешь, – тут же заверяю я и отправляю все силы, чтобы унять долбанные реакции тела, которое, видимо, мне больше не принадлежит.

– А что я думаю?

– Не знаю. Но явно не то, что есть в действительности.

– А как есть в действительности? – пыливый взор жалит мне кожу лица, и я опускаюсь обратно на кровать, потупляя взгляд в пол.

– От продолжительного пребывания с Адамом я теперь не всегда могу контролировать свои реакции. Вот и всё. А ты удивил меня. К тому же очень сильно. Я просто не могу поверить, что он убил кого-то. Как мне кажется, это перебор даже для него, – выдавливаю из себя неуверенное бормотание, всей душой надеясь, что не ошибаюсь в своих суждениях. Опять.

– Он и не убивал её сам, Ники, но это не отменяет его вины в произошедшем. Эта девушка покончила жизнь самоубийством после того, как Адам изменил её память, попользовался несколько недель в целях насолить одному парню из школы, а затем бросил, сразу же переключившись на другую. Элизабет не выдержала всех побочных эффектов «очарования» после разрыва и выпрыгнула из окна.

– Боже мой! Нет... Не может быть... – я прикрываю рот руками и отрицательно мотаю головой.

– К сожалению, может. Мне незачем такое придумывать.

– Но... Но откуда ты узнал об этом? – с трудом проговариваю я, дрожа всем телом от всецелого отторжения услышанной информации.

– Об этом мне рассказал тот самый мужчина, которого Адам стёр из памяти Элизабет, за что он жаждет отомстить Харту ничуть не меньше, чем я. А ты даже не представляешь, как мне хочется наказать его за всё, что он сделал с тобой, и уберечь от повторных попыток изменить твою память. Знаю, ты у меня сильная девочка и крайне необычная, но у нас нет

никаких гарантий, что тебе удастся защитить себя ещё раз, если он вздумает сделать это когда-нибудь вновь. А я не могу допустить, чтобы он стёр меня и довёл тебя до той же грани, до какой довёл ту девушку, – взволнованным тоном проговаривает Остин и, видя, как меня трясёт, без слов усаживается на кровать рядом, уместает меня к себе на колени и крепко обнимает, пока моё сознание точно мечом пронзает ещё один жуткий повод, за который я должна не только люто ненавидеть Адама, но и до смерти бояться его...

Он знал, чем для меня могло закончиться изменение памяти, и всё равно попытался сделать это, а значит, ему всегда было не просто плевать на мои желания и чувства, но и на мою жизнь в целом.

Выживу ли я после окончания контракта или сдохну? Неважно. Главное, своё он возьмет, а что будет дальше – его не касается. И, видимо, вот она – та самая причина, почему он так рьяно жаждал меня вернуть. Адам наверняка планирует во второй раз свершить то, что не удалось сделать в первый.

Еле дыша от боли в груди я ещё сильнее прижимаюсь к Остину, надеясь избавиться от всего сгустка чувств из-за открывшейся для меня новости. Но ничего не выходит. Его успокаивающие объятия, что вечно уберегали меня от всех невзгод, на сей раз несколько не помогают.

Мне чертовски больно. Грустно. Страшно. Горько. Весь тот стандартный набор, что постоянно провоцировал во мне Адам на протяжении нескольких месяцев, вновь пульсирует во всей кровеносной системе. Только ещё более мощно и остро.

– Что это за мужчина, Остин? – уткнувшись носом в его шею, тихо выдавливаю из себя, пытаюсь хоть немного отвлечься. Не думать. Не чувствовать. Абстрагироваться от убийственной мысли о том, что сделал Адам.

– Его зовут Кристофер Хоуп. Он сам нашёл меня и предложил совместить наши силы против Адама. Вся информация о нём ты сможешь найти в интернете и, думаю, после того, как сделаешь это, ты, наконец, сможешь отбросить свои страхи в сторону и поверить, что у нас есть все шансы справиться с Хартом, – уверенно проговаривает Остин, и в моем скованном агонией сознанием вспыхивает одно логичное предположение.

– Так это он тебе рассказал всё обо мне и Адаме?

– Да.

– Но откуда ему всё известно?

– Это долгая история, о которой я расскажу тебе в другой раз.

– В другой раз? Так ты что, опять планируешь ворваться сюда втайне от Адама? – отстраняюсь от его шеи, зорко вглядываюсь в лицо.

– Нет. Во второй раз я так рисковать не буду. Я пришёл сюда сегодня не только потому, что ужасно хотел тебя увидеть и поговорить, но также чтобы дать тебе это, – он немного приподнимается, чтобы вытащить из заднего кармана джинсов айфон. – Держи. По этому телефону мы сможем спокойно общаться с тобой. Адам его прослушать не сможет. Главное, спрячь. И следи, чтобы он ни в коем случае его не обнаружил.

– А что это такое? – указываю на маленький прямоугольник в его руке, напоминающий флешку.

– Это, Ники, то, в чём будет заключаться твоя часть работы в нашем плане. Тебе нужно будет... – Остин прерывается, отвлекаясь на короткие прерывистые сигналы своего смартфона. Быстро смотрит в экран и чертыхается.

– Что случилось?

– Похоже, приказ Адама исправить неполадки с электричеством успешно исполняется. Весь пентхаус может ожить в любую секунду.

Моё сердце совершает двойное сальто от мысли, что Остина всё-таки могут засечь камеры.

– Тебе нужно бежать, – испуганно заявляю я, и на сей раз Остин со мной не спорит.

Он ловко встаёт с кровати вместе со мной на руках, и отпускает лишь тогда, когда добирается до входной двери.

– Спрячь телефон. Жди моих сообщений с инструкциями. И ничего не бойся, – строго даёт указания он и даже слова сказать в ответ не позволяет, запечатывая мой рот поцелуем. Глубоким. Жадным. Ненасытным. Прощальным. Но совсем не таким, какой был у нас в нашу последнюю встречу в Энглвуде, когда я прощалась с ним навсегда.

Он не убивает меня, не переполняет грустью до краёв и не зарождает в душе холодное ощущение одиночества, а наоборот, дает почувствовать, что я не одна.

И ведь правда... Я не одна. Никогда не была и не буду. У меня есть Остин. Я не потеряла его. И потому, хочу я того или нет, но я должна научиться принимать от него помощь.

Это крайне опасно. Рискованно. И страшно. Но теперь я согласна пойти на всё, лишь бы поскорее освободиться от Адама.

Если после всего, что он делал со мной, пока я была Анной, я была готова потерпеть и доработать до конца, то после новости, которую узнала о нём сегодня, я не хочу и не могу находиться с ним рядом, мило улыбаться, улаживать, пропитывать себя его силой, властью, запахом ещё больше, и самое главное – каждый день опасаться, что он вновь попытается проникнуть в моё сознание.

– Верь мне... У нас всё получится. Я обещаю, – горячо шепчет Остин мне в губы и коротко целует их.

– Я знаю... Знаю... И верю тебе, Остин. И никогда больше не буду сомневаться. Я сделаю всё, что ты мне скажешь.

Моё обещание, которое он так долго ждал, рисует улыбку на его губах.

– Я люблю тебя, – он сталкивает нас лбами.

– И я тебя, – без промедлений отвечаю я и закрываю глаза, чтобы не видеть, как он уходит.

Глава 9

Адам

Где именно находится черта, переступив которую тебе ни за что больше не получить прощения? За обычной ложью, предательством, изменой? Или же только за более страшными поступками – насилием и избиением? Наверное, каждый по-своему ответит на этот вопрос.

Кому-то хватает всего лишь уличить человека в неверности, чтобы навсегда вычеркнуть его из жизни без возможности вновь заслужить доверие. А для кого-то каждый день подвергаться физическому насилию – это норма, с которой они вполне могут сжиться.

Несколько месяцев назад я определённо был тем, кто относится к первой группе, из-за чего натворил немало дел и теперь совершенно не знаю, смогу ли когда-нибудь загладить свою вину. Ложь Лины и её страстная ночь с Ридом снесла мне напрочь крышу, и всеми своими последующими поступками я сделал всё, чтобы она меня возненавидела.

Разумеется, я ни разу её не ударил и, кроме повреждений во время секса, когда меня опять-таки неслабо заносило, не причинял ей никаких физических увечий. Однако всё равно считаю, что всеми своими поступками по отношению к ней ту самую черту я пересёк неоднократно.

Как оказалось, я гораздо более страшен и опасен не для тех, кого считаю своими врагами, а для той, в которую умудрился влюбиться, несмотря на все наши различия и тонну моих личных жизненных установок. И что теперь делать, чтобы исправить все совершённые мной ошибки, я не имею никакого понятия.

Майкл советует просто поговорить с ней на чистоту. Признать вину, сказать о своих чувствах, извиниться, в конце то концов. Но я даже в мыслях представить не могу, как сяду с Линой на диван и начну разговаривать с ней по душам.

Невообразимое и абсолютно тщетное дельце. Не только из-за моего всецелого отторжения к подобным вещам, но и из-за твёрдого убеждения, что сладкие оды о чувствах – это полнейшая брехня, которой грош цена.

Говорить – это не про меня. Доказывать делом – вот он единственный способ исправить сложившуюся с Николиной ситуацию, ведь я заведомо уверен на двести процентов, что мои признания с запоздалыми извинениями ровным счётом ничего не решат.

Лина больше не станет меня слушать. Не поверит, что бы я ей ни говорил. Не простит. И не полюбит. Именно это, будучи без сознания, она не переставала нащёптывать, пока я выносил её дрожащее тельце из разгромленной квартиры, ни на секунду не отпускал в машине всю дорогу до дома, а потом до самого утра пролежал рядом с ней в её постели, молча глядя на Линин беспокойный сон. Нюхал её волосы и кожу, как ошалелый, гладил по рукам с разбитыми костяшками, в темноте изучал черты её лица и, слушая её бессвязный шёпот, ненавидел себя так люто, как никогда никого в своей жизни не ненавидел.

Я виноват. Во всём, что между нами произошло. И виноват с самого начала.

Не будь я таким гордым, упрямым и непреклонным в своих намерениях на её счёт, всё могло бы быть иначе. Лина давно бы уже могла быть счастлива, а соответственно, и я вместе с ней. И если бы время можно было вернуть на пять месяцев назад – в тот самый вечер после приёма, когда моя дикарка с надеждой в глазах спросила: «Есть ли что-то больше похоти, Адам?», я бы без раздумий ответил: «Да, есть!».

И не просто больше. А всё, что она так хотела от меня получить. Всё, что ей теперь от меня больше не нужно. Всё, что я так долго отрицал, нещадно мучая нас обоих. И всё, что я наконец соизволил принять и теперь отчаянно хочу отдать ей.

Вопрос лишь: а не поздно ли я спохватился? Не лучше ли прямо сейчас отместить все планы по её завоеванию, не вынуждать её и дальше быть со мной рядом насильно, отпустить, решить их конфликт с Ридом и позволить им двоим быть счастливыми вместе?

Да, наверное, так поступил бы хороший, порядочный человек, однако я таким никогда не был и за один миг в такого точно не превращусь. Даже несмотря на убивающее меня изо дня в день чувство вины и желание видеть Лину счастливой, я не могу её отпустить. И на это есть аж целых три причины.

Во-первых, не в моём стиле так легко сдаваться и отступать, даже не попытавшись. Во-вторых, я, конечно, хочу стать менее эгоистичным и искренне надеюсь, что у меня это получится в будущем, однако сейчас я не готов жертвовать своими желаниями и уступать дорогу Остину. Не могу! Не хочу! И не буду! Лина должна стать счастливой со мной, а не с ним. И если нужно будет, я в прямом смысле в космос слетаю и вернусь обратно, лишь бы достигнуть желаемого.

Ну и, наконец, в-третьих, стоит мне представить дикарку с другим, как всё нутро воспаляется неадекватная ревность, которая не поддаётся никакому контролю и с лёгкостью способна побудить меня на кровавые действия. А я в порыве гнева убивать никого не хочу. Пусть я и урод, каких ещё поискать, но точно не убийца.

Именно поэтому об отступлении и речи быть не может, как и о чересчур быстром переходе в наступление. Перед началом каких-либо действий я хотел дать Николине время полностью успокоиться и прийти в себя, а также убедиться, что она морально здорова.

Я вызвал к ней специалиста и первые несколько дней после её возвращения старался никак не нервировать.

Как я делал это? До банальности просто: всего лишь не приходил к ней, чтобы не дай бог не спровоцировать своим присутствием ещё один срыв. И вроде бы задачка легче лёгкого, но увы, только не для меня.

Я приказал домработнице постоянно присматривать за ней, относиться с особым вниманием и выполнять любые желания по первому зову, а сам тем временем каждый вечер после работы нарочно торчал в гостиной до самой ночи, отчаянно надеясь, что Лина сама решит выйти из комнаты, и я смогу её увидеть хотя бы ненадолго.

Однако всю прошедшую неделю дикарка наглядно показывала мне, что встречаться со мной не горит желанием. Она так ни разу и не вышла, чем заставляла меня изнемогать от необходимости заглянуть к ней самому.

Но я держался. Мучился. Скучал. Переживал. Места себе не находил. Но всё-таки удерживал себя от порыва нагрянуть к ней вплоть до вчерашнего вечера, когда у меня просто не осталось выбора.

Ещё по пути на светский приём, на который пригласил меня наиважнейший для компании партнёр Кеннинг, я получил звонок от Лорен, сообщившей мне о том, что из-за неожиданного отключения электричества дверь в комнате, где она находилась, заблокировалась, заперев женщину внутри.

Я понимал, что ничего страшного, по сути, не произошло, однако мысли о том, как Лина одна сидит в полной темноте и, возможно, тоже, как и Лорен, заперта в комнате, вмиг побудили меня послать весь приём к чёрту и приказать шофёру развернуться, чтобы помчаться домой.

Я не хотел больше позволять Лине чувствовать себя в заключении, даже если тому виной был всего лишь сбой электричества. Это неважно. Кошка не должна ощущать себя в клетке ни при каких обстоятельствах. Больше никогда.

Повезло, что место приёма находилось всего в трех кварталах от дома, поэтому буквально через несколько минут я уже был в пентхаусе и без промедлений направился в спальню Лины, в которой она преспокойно спала. А точнее, только делала вид, будто спит.

Её сбивчивое дыхание и напряжение во всём теле я почувствовал в первый же миг, как прикоснулся к ней. Да... в первый же... да только это вообще не остановило меня от дальнейших прикосновений.

Я так соскучился по ней за эти дни, что, убедившись, что с кошкой всё в порядке, не смог просто развернуться и уйти. Меня опять накрыло от одного лишь любимого запаха, и отстраниться от неё сразу же оказалось выше моих сил. Так и завис, прижавшись к её щеке, мечтая, чтобы время остановилось. И уверен, я непременно остался бы в её кровати на всю ночь, если бы Линин страх передо мной с каждой секундой не стал осязаться всё явственней.

Она прямо-таки сжалась вся и мелко задрожала, напоминая маленького испуганного котёнка, который боялся меня, как кровожадного монстра.

И это всё моих рук дело. Это я добился того, что, по ходу, не только уничтожил в ней суку Анну, но вместе с ней и мою прекрасную буйную дикарку, которая никогда не боится молча, а огрызается, царапается и нападает раньше, чем кто-либо успеет напасть на неё. А напуганная до чёртиков девушка, которую я обнимал, точно была далека от моей смелой Николины, отчего всё внутри меня сжалось ничуть не меньше, чем сжалась она.

– *Не бойся меня, Лин. Я ничего тебе не сделаю, пока ты сама не захочешь*, – тихо пообещал я ей на ухо, и это чистая правда.

Никакого секса по принуждению и требований меня ублажать не будет. Даже её фальшивую смиренность я видеть больше не хочу. Не это мне нужно, а её искреннее желание быть со мной. И потому теперь настала моя очередь делать всё, что заставит Лину улыбаться, радоваться, смеяться и стать прежней. Такой, какой я встретил её всего полгода назад темным холодным вечером на территории взорвавшейся фабрики «Heart Corp», лежащей на дороге в темноте.

И под словами «такой, как тогда» я имею виду не грязной, неопрятной пацанкой – хотя я и такую её обожаю, – а дерзкой, бойкой, неугомонной и рьяно желающей жить девчонкой, которая не побоялась дать отпор незнакомцу вдвое больше её, что решил насильно затащить в свою машину.

Подумать только... Да я прямо с первой же минуты нашего знакомства, сам того не осознавая, начал её к чему-то принуждать. «Шикарное» начало, которое продолжилось не менее грандиозно.

Но тем не менее, пока я вчера задумчиво вышагивал по спальне Лины, наотрез отказываясь покидать её так быстро, я детально воспроизвёл в памяти момент нашей агрессивной встречи и непроизвольно улыбнулся.

Сказал бы мне кто-нибудь в тот вечер, что этот буйный пацанёнок, коим я посчитал Лину сначала, перевернёт мою жизнь вверх дном, зародит желание изменить своим принципам и научиться жить для кого-то, а не только для себя, я бы поместил безумца, ляпнувшего такую дурость, в психушку. Но вот она – реальность. Всё именно так. И самое интересное – я больше не хочу, чтобы было иначе. Не хочу представлять свои будни без Лины. Не хочу возвращать всё на круги своя, как было до знакомства с ней. И не хочу тратить жизнь исключительно на безразличных шлюх и работу, которую с подросткового возраста меня учили ставить в приоритет всему остальному.

И над этим моментом, кстати говоря, мне тоже нужно будет ещё как следует поработать. Стоило вчера неожиданному звонку из отдела безопасности «Heart Corp» ошарашить меня новостью о запуске вируса во все наши базы данных, я тут же вылетел из спальни дикарки и поспешил в офис.

Я люблю свою компанию. Поистине люблю, ведь с самого детства отец вбивал мне в голову, что «Heart Corp» – это единственное, ради чего стоит бороться и жить.

И долгие годы я делал это, вкладывая в семейный бизнес не только все силы, но и саму душу. Однако приехав в офис и вместе с несколькими сотрудниками проторчав там до полу-

ночи, я поймал себя на мысли, что мне чертовски всё это надоело: постоянные проблемы, неожиданности, огромная ответственность, море информации и бесконечная череда встреч с людьми, которые так же, как и я, живут одной лишь работой.

По горло сыт всем этим. Мне нужна пауза. Передышка. Глоток свежего воздуха. Возможность увидеть нечто большее, чем офисные помещения.

Я, мать его, остро нуждаюсь в отдыхе. И пусть сейчас совсем не лучшее время, когда стоит оставлять все дела компании без личного присмотра, я всё равно это сделаю.

Да! Всё именно так! В первые за годы правления «Heart Corp» я намереваюсь сбросить с себя въевшийся под кожу образ строгого бизнесмена и, как самый обычный человек, взять самый обычный отпуск!

Глава 10

Адам

– Ты тщательно просмотрел весь список? – в энный по счёту раз переспрашиваю у Майкла, направляясь к выходу из офиса.

– Я его наизусть уже знаю.

– И уверен, что всё осилишь без меня?

– Ты шутишь? Это же детский сад, если сравнивать с той кучей задач, что ты сбросил мне на плечи перед неожиданной поездкой в Рокфорд. К тому же ты не на два месяца уезжаешь, как в прошлый раз, а всего на две недели. Поверь мне: я даже отсутствия твоего не замечу.

– Значит, ты со всем справишься?

– С каких это пор ты сомневаешься во мне? – Он укоризненно изгибает бровь.

– С тех пор, как ты улыбаться как светильник не перестаёшь и явно мыслями витаешь в детском магазине, а не на работе, – беззлобно заявляю я без пяти минут новоиспечённому папочке.

Этот болтун, который неоднократно сводил меня с ума своими бесконечными разговорами, неделю назад умудрился меня неслабо удивить.

Оказывается, пока я постоянно во всех подробностях рассказывал ему о дикарке, он молчал как партизан о том, что уже давно добился желаемого с моей ассистенткой. Да так добился, что не только взаимности Сары наконец дождался, но и маленький бонус в подарок получил.

Хотя... Какой уж тут маленький! У этого балабола, имеющего список женщин, с которыми он спал, похлеще моего, скоро будет ребёнок. Умом тронуться можно!

Когда он ворвался ко мне в кабинет наутро после возвращения Лины и сообщил эту новость, чуть ли не расцеловав на радостях, в первый миг я оторопел, а чуть позже, переварив услышанное, реально даже завидовать стал.

Нет, не потому что мне детей вдруг захотелось. Вот уж чего-чего, а таких желаний во мне в помине нет, ведь я сам сейчас, можно сказать, как ребёнок, который планирует заново научиться ходить. Меня кольнула зависть из-за жадности почувствовать себя хоть на толику таким же счастливым, каким выглядел мой друг.

Майкл и так в девяносто пяти процентах случаев находился в приподнятом настроении, а с тех пор как Сара призналась ему во всём, чего он так долго от неё ждал, Холланд прямо-таки светился как фосфор под ультрафиолетом.

Охренеть можно с того, что женщины способны сделать с мужчинами, которые их по-настоящему любят – это даже близко не похоже на те неприятные вещи, о которых мне всю жизнь рассказывал Роберт.

– Не волнуйся, Адам. Если уж ты в состоянии побитой собаки мог руководить компанией, то я, как ты выразился, «будучи мыслями в детском магазине» – так и подавно. Скажу даже больше: во мне столько сил и рвения сделать всё для успешного запуска нашей новинки, сколько никогда раньше не было. Я хочу дать своим девочкам всё самое лучшее, поэтому для меня, как ни для кого другого, важно, чтобы «Heart Corp» и дальше процветала в том же духе, – воодушевлённо сообщает Майкл, немного успокаивая моего внутреннего трудягу-предпринимателя, который вопит в ужасе от спонтанного решения уехать отдохнуть всего за месяц до официального анонса главного проекта компании.

– Я каждый день буду на связи, – напоминаю я, когда мы подходим к моей машине.

– Знаю, Адам.

– И, если что-то случится, пиши и звони в любое время.

– Разумеется.

– И если вдруг поймёшь, что не справляешься, то...

– Так, всё! – перебивает меня Холланд и опускает руки мне на плечи, разворачивая корпусом к себе. – Прекрати это и расслабься же наконец, Харт. Ты в отпуск вообще-то едешь, а не в очередную командировку. И если ты не в курсе, то поясню для чайников: первое отличается от второго тем, что ты напрочь забываешь о работе и проводишь каждый день в своё удовольствие. С компанией всё будет в порядке, поэтому, умоляю тебя, не забивай зря голову ненужными вещами. Во время этой поездки перед тобой и так стоит нелёгкая задачка, которая потребует от тебя всецелой самоотдачи и внимания. Концентрируйся на проблеме с Николиной, а «Heart Corp» оставь на меня, – покровительским тоном наставляет меня Майкл и вновь улыбается.

Я устало выдыхаю и с трудом, но всё-таки призываю себя прислушаться к его словам, после чего утвердительно киваю.

– Вот и отлично! Не переживай ты так и отдохни как следует. Тряхни стариной, так сказать! В универе тебя фиг удержать было от тусовок и сумасшедших поступков, а после выпуска явно что-то пошло не так.

– В универе на меня не давила ответственность за будущее компании отца и десятки тысяч работников, – с усмешкой констатирую я.

– Значит, представь, как тебе будет круто следующие две недели без этого груза на плечах. Так что всё! Вали отсюда! Видеть тебя здесь больше не желаю!

Майкл подталкивает меня к машине, но я торможу, лишь сейчас полноценно осмысливая слова друга, сказанные чуть ранее.

– Так вы что, с Сарой уже узнали пол ребёнка?

– Ещё нет, а что?

– Ты просто упомянул своих девочек, вот я и подумал.

– Так тут даже думать не надо и ничего проверять тоже! Конечно, у нас будет девочка!

– Ты так уверенно об этом заявляешь, будто уже держишь дочь в своих руках. В тебе так быстро какая-то отцовская чуечка пробудилась или что?

– Сила мысли, Харт. Сила мысли. Я на тысячу процентов уверен, что меня будут окружать две самые любимые светловолосые девчонки, значит, так и будет. Только и всего.

Его непоколебимое заявление вынуждает меня слабо улыбнуться. Вот бы и мне одно лишь самовнушение помогло бы наладить с Линой отношения, да только, увы, так всё просто не получится.

Пожав Майклу руку на прощание, я намереваюсь сесть в автомобиль, однако возглас в паре метров от нас, пробирающий до нутра неконтролируемым желанием врезать его обладателю, заставляет меня задержаться.

– Доброе утро! – Через пару секунд Рид уже стоит возле нас. Пожимает руку Майклу, а потом мне. – Ты так рано покидаешь офис? На встречу?

Я ничего не отвечаю, не видя необходимости ставить его в известность о своих планах на день, и молчаливо пытаюсь найти причину, почему он находится не на своём рабочем месте?

– Я хотел поговорить с тобой, – поясняет он, явно ощутив моё недоумение.

Эмпат хренов!

– По поводу?

– По поводу работы, конечно же. О чём ещё я могу хотеть с тобой поговорить?

Мне же даже «чувствовать» не нужно уметь, чтобы с легкостью ощутить его неблагоприятное настроение. Но оно и понятно – вряд ли Остин так быстро переживёт факт, что его босс трахает девушку, которую он любил и искал несколько месяцев.

– По поводу работы ближайшие недели ты говорить будешь только со мной, – Майкл нарушает повисшее между нами молчание.

– Почему?

– Я покидаю Нью-Йорк ненадолго, – отвечаю я быстрее Холланда и обращаюсь к нему: – Майкл, дождись Остина наверху.

Друг всего пару секунд пытливо изучает меня, а затем, слабо кивнув, послушно выполняет требование.

– Я решил взять отпуск, – сообщаю я ровным тоном.

Скрывать от Рида эту новость нет никакого смысла. Он всё равно об этом узнает в офисе, поэтому в моих же интересах самому поставить его в известность, чтобы убедиться, что он на эмоциях не создаст никаких проблем во время моего отсутствия.

– Сейчас? – поражается он, тонко намекая, что не совсем удачное время я для этого выбрал.

– Да, сейчас. Благо я могу себе позволить оставить все дела своим работникам, которые ни разу меня не подводили. Надеюсь, и тыходишь в их число. – Я выжидающе смотрю в его напряжённое лицо.

– Я же вроде сказал, что не собираюсь смешивать личное с работой, – уверяет Остин.

Но я не могу не отметить, что в тоне его голоса больше злости, чем в день встречи с Линой.

Это напрягает не на шутку. И Рид снова, мать его, чувствует это, почти сразу же добавляя более сдержанно:

– Я ни в чём тебя не виню и лично к тебе неприязни не испытываю. Как, собственно, и злюсь я тоже не на тебя, а скорее на самого себя и на всю ситуацию в целом. Думаю, любой на моём месте злился бы, узнав, что долгое время как глупец отказывался верить в то, что и так было очевидным. Вот и всё. Поэтому не стоит опасаться и ждать от меня каких-то подвохов, Адам. Работа – это единственное, что меня волнует сейчас, и я не собираюсь из-за какой-то женщины лишаться того, что поистине мне дорого, – проговаривает он.

И вроде бы очень даже правдоподобно, но что-то всё равно беспокоит меня сегодня в нём.

Честно, я бы многое сейчас отдал, лишь бы хоть на минуту заполучить его способность и проверить – искренен ли он со мной или нет. Однако этому случиться не суждено, а значит, мне ничего другого не остается, как уничтожить в себе все сомнения и поверить ему на слово.

– Ладно. Не верить тебе не вижу причин, Остин.

– Вот именно. Если кто из нас и был не до конца честен, так это ты, не так ли?

– Мне кажется, я тебе уже объяснил почему.

– Конечно, я помню. И потому обижаться и уж тем более мстить тебе мне совершенно не за что, – миролюбивым голосом произносит Рид, но по-прежнему смотрит так остро, словно одним только взглядом с меня кожу сдирает, чем побуждает напомнить и себе, и ему об одной простой истине.

– Даже если ты и захочешь отомстить за что-то, у тебя ничего не получится, Рид. Помнишь ведь: мы с тобой на одном корабле. И если потонем, то потонем вместе, – цитирую я его же метафору, произнесенную при нашей первой встрече, и тут же отвлекаюсь от беседы на вызов моего пилота, сообщающего, что джет готов к полёту. – Мне пора ехать. В моё отсутствие Майкл за главного. Но если вдруг случится что-то архисерьёзное, ты можешь звонить мне в любое время суток, – осведомляю я его и сажусь в салон автомобиля, слыша за спиной те же слова, что неоднократно повторял мне сегодня Майкл.

– Не волнуйся, Адам. Мы со всем справимся и постараемся тебя не беспокоить. Отпуск же как никак. Ты заслужил.

На удивление, его голос звучит ничуть не менее дружелюбно, чем у Холланда. Спокойно, без ехидства и неприкрытой злости, однако фразы, брошенные им напоследок, почему-то ощущаются словно череда копий, прорезающих в моём теле сквозные раны.

Возможно, после всего пережитого за последнее время стресса я ещё и в параноика превратился или же просто никак не могу справиться с нервозностью из-за отъезда во время крайне важного периода в «Heart Corp», но, чёрт возьми, меня всё сильнее одолевает стойкое нехорошее предчувствие, которое я игнорировать ни в коем случае не намерен.

Стоит водителю тронуться с места, как я набираю номер человека, в котором не нуждался с момента, как вернулся из Рокфорда.

– Дэн, ты нужен мне в Нью-Йорке и желательно прямо сегодня... Да... Опять необходимо кое за кем последить... Нет, не за девчонкой. На сей раз цель будет другая.

Глава 11

Адам

Я уже не раз говорил, что волнение мне не присуще от слова «совсем». Наверное, тому причина моя сверхсамоуверенность, которая всю жизнь исключала во мне боязнь ошибиться или же заботу о том, что обо мне подумают другие люди. Единственный человек, мнение которого меня поистине волновало, был мой отец, однако стоило мне понять, что его благосклонность мне никогда не заслужить, то и на него я тоже забил.

И с тех пор вплоть до сегодняшнего дня никто и ничто не было способно заставляя мои ладони потеть от нервов, а внутренности сворачиваться в тугой комок, сотканный из миллионов страхов и вопросов.

Как всё пройдёт?

Как она себя чувствует сегодня?

Какое у неё настроение?

Как будет реагировать?

Что скажет?

А что сказать мне?

С чего начать наш первый полноценный разговор после вечера, когда я вынудил её выпустить всю злость и боль на мне?

Вести себя как ни в чём не бывало? Словно с чистого листа? Или же всё-таки обговорить сначала всё произошедшее между нами, заверив, что впредь всё будет иначе?

Чёрт!

Обо всём этом я непрерывно думаю по дороге домой, а затем – стоя под освежающими струями душа, которые нисколько не помогают выбрать правильную манеру поведения.

Я никогда не пытался понравиться ни одной женщине. Никогда не подстраивался ни под одну из них и не обдумывал верные слова, перед тем как сказать что-либо.

Да о чём я вообще?! Я ведь даже с ними не разговаривал ни о чём, кроме условий контракта и поз, в которых хотел их трахать. А сейчас мне предстоит как-то найти общий язык с той, что только и мечтает, как бы поскорее от меня избавиться. И нужно отметить: несвойственное мне волнение перед грядущей встречей с Линой перебивает даже азарт перед желанием справиться с этой крайне сложной задачей.

Выйдя из душа, наспех вытираюсь полотенцем и вместо костюма надеваю джинсы, черную футболку поло и кроссовки, ощущая себя немного странно в повседневной одежде в разгар дня посреди рабочей недели.

Беру заранее упакованный Лорен чемодан со всем необходимым для поездки и, оценив его тяжесть, ловлю себя на мысли, что Линин с тонной женского барахла, вероятнее всего, будет весить ещё больше.

Не теряя и секунды на тщетные рассуждения о том, как пройдёт наша встреча, я намереваюсь отправиться в соседнюю спальню к ней прямо сейчас. Однако успеваю только дверь свою открыть, как тут же застываю точно парализованный, видя, что моя кошка решила не ждать чьей-то помощи.

Вздрогнув от неожиданности, Лина вслед за мной замирает в коридоре вместе с чемоданом, в котором с легкостью уместилась бы даже она, и смотрит на меня так испуганно, напряжённо, с тревогой, будто в любой момент ожидает от меня атаки.

И мне это не нравится ещё больше её агрессии в мой адрес. К её дикости и дерзости я был готов. Да что уж там. Я ждал её, как Хатико своего хозяина на привокзальной площади

Сибую. Но её нет. Вместо моей дикарки я вижу перед собой донельзя растерянную девочку без грамма косметики на милом лице, со связанными в несуразный пучок волосами, в вязаном бежевом свитере на несколько размеров больше её и без тени радостной улыбки на губах.

Да уж... Они с Анной точно полные противоположности. Та для нашей первой встречи намарафетилась так, будто на красную дорожку выходить собиралась. Лина же явно палец о палец не ударила, чтобы поразить меня сегодня. Но оно и не надо. Ей достаточно просто быть собой, и я уже поражён настолько, что не могу из себя ни слово выдавить, ни отвести от неё взор.

Она такая естественная без макияжа. Простая, нежная, домашняя, что у меня аж руки начинают ныть от желания просто обнять её и не отпускать, пока из её синих глаз не исчезнут все печали, страхи и недоверие. Но, к сожалению, знаю наверняка: если я пойду сейчас на поводу этого желания, добьюсь лишь в точности обратного.

– Ты зачем сама его потащила? Я бы помог, – взяв себя в руки, наконец выдавливаю первый вопрос.

И вот же дерьмо: не думал я, что мой голос прозвучит настолько строго, но, увы, это так. Куда она попёрлась одна с такой тяжестью?!

– Он же на колёсиках, – хрипловато произносит она.

– Это неважно. Я всё равно помог бы. Уже шёл к тебе.

– Я этого не знала.

– Если не знала, то попросила бы Лорен. Она здесь, чтобы выполнять любой твой приказ. Моё напоминание срывает с её губ безрадостную усмешку.

– Ты, Адам, может, и приказал бы женщине вдвое старше тебя, с проблемами со спиной, таскать тяжести вместо тебя, но я так не могу. Да и не понимаю, что ты взъелся на меня без повода? Я всего несколько метров протащила. Хочешь, тащи дальше сам. Я не против.

Лина отпускает чемодан и складывает руки на груди. При этом ни в голосе, ни в лице нет ни недовольства, ни злости. Разве что крупницы недоумения.

А я и сам не понимаю, почему ворчу сейчас без причины. Видимо, справляться с чёртовым волнением стало в разы сложнее, оказавшись под воздействием «очарования». А Лина, наоборот, выглядит спокойней некуда. Или лучше сказать безразличной ко всему происходящему.

Безразличной ко мне.

Причём во всех смыслах этого слова.

Кожа на её шее и лице не скрыта от моих глаз под тёплой одеждой, что позволяет мне отметить полное отсутствие признаков огненной лихорадки. И этот непонятный факт вмиг опутывает разум страшными мыслями.

– Почему ты не горишь? – Не удержав себя на месте, в два шага сокращаю между нами расстояние и касаюсь её лица.

Лина вновь напрягается всем телом, но я не могу от неё отойти, пока не узнаю.

– Только не говори, что ты опять стала Анной.

– Нет, – сдавленно отвечает она и словно задерживает дыхание.

– Тогда в чём дело? Только она была невосприимчива, а не ты.

– Так было раньше.

– И что это значит? Теперь ты тоже, что ли, фригидной стала?

Только этого мне ещё не хватало!

– Хотела бы я, чтобы это было так, но нет. Бесчувственной, фригидной Анной мне полностью не стать, но зато я наконец научилась пользоваться своей защитой как полагается и способна не чувствовать твою силу, когда того захочу. Но ты не волнуйся, Адам. Я её включила, чтобы зря не мучиться от ненормального возбуждения. Когда придется с тобой трахаться,

обещаю, я отключу её, чтобы облегчить себе задачу мило улыбаться и выполнять всё, что ты прикажешь, – монотонно и тихо проговаривает Лина.

Но её слова оглушают до болезненного звона в ушах, даже несмотря на то, что, в принципе, другого от неё сейчас ждать и не стоит.

Нужно просто сцепить зубы, чтобы не нагрубить ей в ответ, набраться терпения и ни на секунду не забывать – после всего, что я натворил, легко не будет.

Я неохотно отцепляю пальцы от её лица и отступаю на полшага назад, слыша тихий облегчённый выдох, словно Лина всё это время никак дожидаться не могла, когда я уберу от неё свои руки.

*Пиз*ец я докатился!*

Всю жизнь женщины умоляли о моём внимании, а она прямо-таки мечтает о том, чтобы я наконец забыл о ней навсегда.

Но прости, милая, нужно будет ещё потерпеть. Я не собираюсь от тебя отказываться. Ни за что на свете!

Беру наши чемоданы и кивком указываю Лине в сторону выхода.

Мы молча двигаемся по коридору к лифту, входим в него и, встав по разные стороны зеркальной кабинки, встречаемся взглядами. Всего на секунду, после которой Лина потупляет взор в пол, но её хватает, чтобы у меня возникло чувство, будто тросы лифта обрываются, и мы летим на всей скорости вниз, отчего все органы подпрыгивают к горлу и замирают от трепета.

Как долго я мечтал увидеть её глаза – живые, проникновенные, бездонные. Пусть они и потухшие сейчас, но не пустые. В них есть душа. Целое море негативных эмоций. И дикий нрав моей кошки, ушедший глубоко под воду. Мне всего лишь нужно его вытащить наружу. А точнее, зажечь в ней желание сделать это самой.

И мне очень хочется добиться этого как можно быстрее. И даже сильнее, чем освободить кошку от этой бесформенной тряпки, в которую она нарочно себя укутала, лишь бы не дразнить меня своей аппетитной фигуркой.

Да только вот же чёрт! Она добилась этим в точности противоположного. Невозможность увидеть сейчас наизусть выученные изгибы, сексуальные формы, родинки, грубые рубцы от шрамов и ощутить мягкость её кожи напрягает мой и так каменный интерес к ней до максимальной отметки.

– Ты опять это делаешь, – бурчит Лина, осмелившись оторвать взгляд от пола.

– Что?

– Ты опять раздеваешь меня.

– Да вроде нет. – Приподнимаю руки в миролюбивом жесте.

– Глазами, – бросает она и, когда вот так, как сейчас, сдвигает брови к переносице, поджимая от недовольства губки, мне до нестерпимости хочется подразнить её ещё больше.

Прям очень-очень хочется, но я не буду. Сейчас совсем неподходящий момент для подтруниваний.

– Извини. С тобой я не всегда могу контролировать свои взгляды, но я постараюсь тебя ими больше не раздевать, – пока внутри клокочет буря, с напускным спокойствием проговариваю я, вынуждая Лину нахмуриться ещё больше. Но на сей раз не от недовольства, а скорее от удивления.

Она ничего не говорит в ответ и ничего не спрашивает. По крайней мере, до тех пор, пока мы не выходим на улицу, где по нам тут же нещадно бьёт холодный осенний ветер. Лина натягивает ворот выше на шею, обхватывая себя руками.

– А почему ты такой голый? Сейчас не май месяц, вообще-то.

Я бы счёл её вопрос заботой о моём здоровье, не прозвучал бы её голос столь небрежно и бесцветно.

– Зато там, куда мы едем, будет жарче, чем в мае, – с жалким подобием улыбки заверяю я и передаю чемоданы водителю.

– И, насколько понимаю, там не будет заготовленной комнаты для твоих шлюх, не так ли? Я непонимающе хмурюсь.

– Ты говорил, что у тебя везде есть недвижимость и комнаты для твоих контрактных девушек со всем необходимым для них. Но судя по тому, что Лорен в поездку половину моего гардероба в чемодан запихала, там, куда мы едем, их нет, – поясняет дикарка и в очередной раз ёжится от ледяного порыва ветра.

– Всё верно. Их там нет. – Я незамедлительно открываю ей дверь в машину, и мы прячемся от осенней непогоды в салоне. – А всё потому, что мы летим не в один из городов, где находится штаб «Heart Corp».

– А куда тогда мы летим? – спрашивает она без намёка на искренний интерес, даже не глядя в мою сторону.

И я понимаю, что в данный момент нет никакого смысла убеждать кошку в том, что мы летим туда, где я ни с одной из своих счастливиц никогда не был.

Туда, где бывал давным-давно и, как ни странно, лишь однажды.

Туда, откуда родом моя мать.

Туда, где я надеюсь всё исправить и впервые в жизни отдохнуть сполна.

Но всё это я обязательно скажу ей там, когда она действительно захочет меня видеть, слушать, разговаривать и узнавать. А пока...

– Мы летим в Мексику, дикарка. И я уверен, тебе там очень понравится.

Глава 12

Адам

В отличие от прошлого полёта с Анной, этот проходит в абсолютном молчании. Лина полностью игнорирует моё присутствие, не просит у стюарда ничего, кроме бутылки минеральной воды, и не пытается завязать беседу хотя бы с ним. Она просто вставляет в уши AirPods и, спрятавшись от всего окружающего мира за музыкой, весь путь проводит с закрытыми глазами.

Я тем временем, не зная, чем себя занять без решения рабочих дел, неотрывно смотрю на неё.

Спустя четыре часа мы приземляемся в международном аэропорту Канкуна. Пилот сообщает, что крупный курортный город, расположенный на побережье полуострова Юкатан, встречает нас тридцатиградусной жарой и повышенной влажностью. Местное солнце находится в зените, а в небе не наблюдается ни одного облака, намекающего на возможные осадки.

Стюард спускает трап, и мы выбираемся из джета на улицу, где вместо порывистого нью-йоркского ветра кожу обжигает палящий зной.

– Я же говорил, что будет жарко, – произношу я, видя, как Лина жмурится от солнца и тяжело дышит. – Думаю, сейчас ты и сама можешь раздеться.

Но она отрицательно мотает головой, продолжая париться в своей вязаной кофте, словно чувствует себя в ней защищённой, как в скафандре.

– Лин...

Я останавливаю кошку, перегородив ей дорогу собой. И если бы у неё действительно была пушистая шёрстка, уверен, она сейчас встала бы дыбом от ощущения опасности.

– Ничего страшного не случится, если ты сбросишь с себя этот тёплый балахон. Наоборот, плохо будет, если ты этого не сделаешь. Зарабатывать перегрев в самом начале отпуска так себе перспектива, тебе не кажется? – максимально мягким тоном спрашиваю я.

Понятное дело, никого перегрева за несколько минут пути до машины она не получит. Мне просто жуть как хочется дать понять ей уже сейчас, что не нужно от меня прятаться, сжиматься и смотреть, словно на страшного гиганта, который вот-вот наступит на неё и раздавит.

– Сколько раз мне ещё нужно повторить, что я ничего не сделаю с тобой, пока ты сама не захочешь? – Приподнимаю бровь в ожидании, надеясь услышать пылкое: «Я никогда этого не захочу!» и увидеть дикий злостный взгляд, но и тут меня ждёт разочарование.

– Тогда зачем ты взял меня собой в эту поездку? – Она поднимает взгляд к моему лицу и буквально сразу же его отводит, будто даже смотреть на меня ей больно. – Проконтролировать, чтобы я не сбежала во время твоего отсутствия? Так об этом мог не переживать. Я уяснила, что от тебя бежать бессмысленно. Да и, собственно, некуда.

– Нет, Лин. Я взял тебя не для этого. Мне просто хочется провести время вместе с тобой.

Сказать, что эти слова дались мне с трудом – ничего не сказать. Я едва расслышал свой сдавленный голос, и если бы Николина не усмехнулась саркастично в ответ, я бы засомневался, расслышала ли она меня.

– И зачем на сей раз тебе это надо?

– Ни зачем. Просто я этого хочу.

– Мы это уже проходили. У тебя ничего просто не бывает, поэтому можешь не тратить время впустую, а сразу говорить в лоб, что тебе нужно от меня, и я это дам.

Однако её безразличный сухой голос ясно даёт понять, что того, что мне нужно, она мне точно не даст.

– Мне нужно, чтобы ты расслабилась, ни о чём не думала, отдохнула и весело провела время вместе со мной.

– А если я не хочу весело проводить время с тобой? Это что-то меняет для тебя? – Кошка решается бросить на меня ещё один недолгий взгляд исподлобья, без слов получая ответ. – Я так и думала, – добавляет она всё так же монотонно, пока у меня внутри словно разрастаются кактусы, что впиваются иголками в изнанку кожи, коля и раздражая все нервы.

Чёрт! Терпеть её равнодушие оказывается несоизмеримо труднее, чем ненависть и злостные нападки. Труднее и больнее, чем я себе мог представить. Но я заслужил. Ведь сам неоднократно ранил её своим пренебрежительным отношением, при этом даже не задумываясь, какую боль причиняю ей.

– Мы можем двигаться дальше? – спрашивает дикарка, убирая за ухо прилипшую к влажному лицу прядь.

Жарко дурочке, а она всё равно упрямится и не снимает толстую кофту.

Ну хоть её идиотская вредность на месте. И то радуется!

Весь путь из аэропорта до виллы ничем не отличается от полёта. Прислонившись лбом к окну, Лина слушает музыку, а я наблюдаю за сменяющимися видами колоритных улиц Канкуна за стеклом и неосознанно уплываю на одиннадцать лет назад, когда прилетал сюда в первый и единственный раз.

Целью моей поездки тогда был вовсе не отпадный отдых в компании друзей перед началом первого курса в университете, как я заверил в этом Роберта. Моей целью была Мирэла Кано, а точнее, встреча с ней.

Сейчас я не понимаю, зачем мне это вообще было нужно, но в восемнадцать лет я прямо-таки горел желанием хотя бы раз посмотреть в глаза женщины, что родила меня только для того, чтобы обогатиться и обрести свободу.

Желая отыскать её, я воспользовался услугами того же человека, у которого заказывал досье на мать Лиамы. И когда спустя несколько недель тот сообщил мне, что нашёл Мирэлу на родине, я неслабо удивился.

Роберт рассказывал, что она бежала от своего цыганского табора, а если более точно – от отца, который намеревался ради выгоды отдать её в жёны какому-то там влиятельному барону. И после его слов мне казалось, что в Мексику моя меркантильная мамаша больше ни ногой. Но я ошибся. Получив желаемое, она почему-то решила вернуться именно сюда, просто совсем в другой конец страны. Подальше от своей не менее меркантильной семейки.

И я нашёл её.

Внешне она была именно такой, как описывал её отец. Женщина с обжигающей, пленительной красотой. С грацией, как у истинной аристократки, и плавностью движений, точно у хищной пантеры. Фотографии, которые я некогда засмотрел до дыр, не передавали и толики её природного шарма, за которым таилась поистине мерзкая сущность.

Я наконец увидел свою мать, но лишь издалека, так и не набравшись смелости подойти к ней ближе. Почему? Не знаю. Возможно, просто струсил. Возможно, потому что в последний момент осознал, что нет никакого смысла показываться женщине, для которой я ещё до моего рождения был не человеком, а билетом в беззаботную жизнь. А может, и то и другое вместе.

– Nemos llegado, señor Hart (Мы приехали, мистер Харт), – бодрый голос водителя вырывает меня из прошлого, и я обращаю взор на наш новый дом на ближайшие две недели.

Вилла большая, просторная, технологичная, со множеством панорамных окон. Дизайн представляет собой смешение карибского стиля, выраженного в натуральном дереве и камне, и простых линий с ультрасовременными элементами. Всё, как я люблю. Надеюсь, и Лине понравится.

– Gracias Sergio, ya me las apaña yo a partir de ahora. Puedes irte a casa (Спасибо, Серхио. Я сам справлюсь. Думаю, на сегодня ты свободен).

Забираю у смуглого, улыбающегося от уха до уха паренька наши чемоданы, и кивком головы указываю Лине в сторону парадных дверей.

Пару секунд неуверенно помявшись на месте, кошка всё-таки направляется ко входу, а я вслед за ней.

Она осматривается по сторонам, но не выдает никаких эмоций по поводу благоухающего цветами и тропическими кустарниками сада, журчащего фонтана и кокосовых пальм, своими размерами превышающих высоту трехэтажной виллы.

– Проходи смелее. Тебя никто не укусит. Там диких зверей нет, – тороплю я Лину, когда каждый шаг по деревянному крыльцу она совершает с особой осторожностью.

– Мне достаточно, что там будешь ты, – бурчит она себе под нос что-то, похожее на колкость, и только потом входит внутрь.

Судя по тому, что дикарка даже не пытается разглядеть интерьер более скрупулёзно, светлая современная гостиная и холл с высокими потолками впечатляют её своей красотой ещё меньше, чем сад.

Она останавливается посередине помещения и, обхватив себя руками, покорно стоит в ожидании моих дальнейших указаний.

– Ты голодна? Я – очень. С самого утра ничего не ел.

Смотрю на наручные часы – полпятого вечера.

– Холодильник должен быть полным, но нам нужно будет готовить самим.

– Самим?

Улавливаю неслабое удивление в её голосе.

– Да.

– А где домработница?

– Её нет.

– Почему?

А сейчас вновь слышится тревога.

– Потому что я не хочу видеть каждый день посторонних в доме. Мы тут будем одни. Это проблема? Разучилась жить без прислуги под боком? – Кидаю на Лину насмешливый взгляд, однако она моего настроения не разделяет.

– Я и не привыкала. Мне казалось, это ты без неё жить не можешь.

– Тебе неверно казалось. То, что у меня ежедневно нет времени на выполнение домашних дел, не означает, что я ни на что не способен.

– Получается, ты сам и унитаз драить будешь и полы подметать? Или я тебе здесь как раз для этого пригожусь? – проговаривает она, нервно теребя край своего балахона.

– Нет, Лина. Я тебе уже сказал, для чего ты здесь. Уборкой ни я, ни ты заниматься не будем. Для этого раз в несколько дней будет приходить человек из клининга. Есть ещё вопросы? – призвав себя к спокойствию, спрашиваю я.

– Есть.

– Я слушаю.

– Мне нужно идти готовить?

– Только если ты сама этого хочешь. Если нет, то это сделаю я или можем что-то заказать. Или же поехать в ресторан. Я вновь вызову Серхио, он недалеко уехал. Через минуту будет здесь и отвезёт нас в город.

– Нет, нет, не надо никого вызывать! – быстро выпаливает Лина, впервые за сегодня увеличив громкость голоса. – Я не голодна. И если ты в моих услугах сегодня не нуждаешься, то я бы хотела пойти в свою комнату.

Её торопливый голосок выпарывает каждую произнесённую букву на моей коже, а отчётливое желание поскорее от меня отвязаться злит до помутнения.

– Хватит, Лина, – теряя терпение, мрачно цежу я сквозь зубы.

– Что хватит?

Видя, как я надвигаюсь на неё, она делает шаг назад и упирается задом в спинку дивана.

– Хватит бегать и прятаться от меня. Ты же сама сказала, что это бессмысленно. Но именно это ты опять и делаешь.

– Я не бегаю, просто хочу уйти в свою комнату. Когда я тебе понадобится, ты можешь позвать, и я вернусь, чтобы...

– Чтобы что? – перебиваю её нервный лепет, опуская руки на мягкую обивку софы по обе стороны от кошки. – Чтобы предоставить свои услуги? Так?

– Д-да... Именно, – еле слышно шепчет она и полностью садится на спинку, пытаюсь отстраниться от меня, но я лишь больше наклоняюсь к её лицу.

– Будь добра с этой минуты нахрен забыть это слово. Нет никаких услуг, контрактов и работы. Есть только ты, я и две недели отдыха от всего на свете. Схема до боли простая, тебе она понятна?

Я, чёрт побери, злюсь так, что голос должен был прозвучать грозно, но от её неповторимого запаха срываюсь на шёпот и слегка касаюсь носом её щеки.

Она такая вкусная, мягкая, нежная и адски горячая, что желание содрать с неё эту грёбаную тряпку превращается в острую необходимость. Я непроизвольно прижимаюсь к Лине ещё ближе, практически соединяя наши тела. Перемещаю руки с дивана на тонкую талию, сжимаю кофту в кулаках и, пока борюсь с жадой одним махом раздеть её догола, напроочь забываю, о чём мы только что разговаривали.

По ходу, как и Лина тоже. Она так ничего и не отвечает, а только тяжело дышит и тщетно пытается защититься, прикладывая ладони к моей груди. Её кожа покрывается мелкими мурашками, когда я скольжу носом по щеке и ниже, добираясь до выступающей венки на шее.

Она настолько бешено пульсирует, что разом выдаёт надрывно стучащее сердце кошки. Оно словно мечется в клетке, так же, как и подрагивающее тело Лины в ловушке моих рук. И, наверное, мне стоило бы порадоваться таким реакциям на мою близость, да не могу – я уверен, она не от желания передо мной сейчас трепещет, а от непонятного мне страха.

– Почему ты боишься меня? – С трудом отлипнув от тонкой кожи на шее, я перевожу внимательный взгляд к её глазам, которые она тут же закрывает.

Что за чёрт?!

– Посмотри на меня и ответь: почему ты меня боишься? – Я нежно обхватываю пальцами её подбородок и с настороженностью жду, пока она выполнит мою просьбу.

Не тороплю её, даю столько времени, сколько ей необходимо, хотя даётся мне это с титаническим трудом.

Как оказывается, я ни хрена не терпеливый человек. Я привык получать всё и сразу. И потому я еле сдерживаю себя, чтобы не наплевать на своё изначальное решение не торопиться и не впиться властно в её сладкие губы, не оставив ей возможности сопротивляться.

– А разве у меня нет поводов тебя бояться? – сдавленно отвечает дикарка, затягивая меня в пучину морских глаз, где я больше не вижу ни одного беса, что кишели ещё неделю назад. Там только испуганное маленькое создание, в кристальных зрачках которого я вижу отражение её страха – себя.

– Поводы злиться, ненавидеть, обижаться на меня есть, но для боязни не нахожу ни одного. Тем более для такого сильного страха, какой я в тебе вызываю. Ты на меня смотришь так, будто ждешь, что я прибую тебя в любой момент.

– А разве ты не способен на это?

Её вопрос без грамма сарказма поражает меня не на шутку.

– А ты считаешь, что способен? – Детально изучаю её лицо, пытаюсь найти в нём ответ.

А ответ, похоже, и сама Лина не знает или же вновь не хочет выдавать мне честную реакцию, что озадачивает меня ещё сильнее.

Я, конечно, много неверных поступков по отношению к ней совершил, однако и подумать не мог, что она в самом деле допускает в мыслях возможность, что я могу её убить.

– А теперь послушай меня внимательно и запомни раз и навсегда. – Я беру её лицо в свои ладони, не позволяя опять отвести от меня взгляд. – Тебе больше не нужно бояться меня. Я не причиню тебе вред. И уж тем более не убью. Так что вытрави всю эту дурь из своей головы прямо сейчас. Я не сделаю ничего, что может хоть как-то навредить или причинить тебе боль. Больше никогда, – четко проговорив каждый слог, я прижимаюсь ко лбу дикарки своим, вбирая в себя её запах вместе с судорожным выдохом.

– Ты уже это делаешь, – силло выдают её манящие губы. Я провожу по ним большим пальцем от одного уголка до другого.

– Что я делаю?

– Ты уже причиняешь. – Она сильно сжимает веки, словно пытается представить, что находится где угодно, но только не здесь.

– Как? – чужим голосом спрашиваю я, борясь с обуревающим меня гневом на самого себя.

– Говоря мне все эти слова. И трогая так, как ты это делаешь. К чему вся эта фальшивая нежность опять? Я знаю всю её наизусть. Выучила за месяцы заточения. Так же, как и то, что следует после.

– Нет, Лин. В этот раз всё иначе... Я...

– Прекрати, Адам! Хватит! Сколько можно?! – Она резко накрывает мои ладони своими, желая отцепить мои руки от своего лица. – Ты с первого раза не понял, что я тебе никогда не поверю? Ведь это чревато удручающими последствиями для меня. Не понял, что я просто хочу поскорее тебе надоест, чтобы ты отпустил меня? Не понял, что я дышать с тобой рядом нормально не могу? Я задыхаюсь в твоём присутствии. Поэтому либо трахай меня сейчас, как тебе хочется, либо позволь уйти к себе в комнату. Довольно меня бессмысленно мучить. Я и так давно безоговорочно тебе сдалась. Больше мне тебе предложить нечего, – выпаливает она.

И клянусь, теперь я тот, кто готов закрыть намертво глаза и заткнуть уши, лишь бы не видеть отчаянья в её зрачках, не слышать слов, слетевших с её языка с такой непоколебимостью.

Я задыхаюсь в твоём присутствии...

А я надыхаться тобой не могу. Но тебе плевать теперь. И в этом лишь моя вина. Ничья больше.

Цепляясь за эти слова, я собираюсь с силами и отступаю от неё.словно кусок плоти от себя отрываю, оставляя его с ней.

Лина же вновь выдыхает, но на сей раз с очевидным облегчением, что незримым импульсом бьёт по мне, вынуждая сделать ещё пару шагов назад.

– Так я могу идти? – спустя минуту тягостного молчания уточняет дикарка.

– Можешь, но не в комнату.

– А куда?

– Пойдем, я покажу тебе кое-что. – Кивком головы приказываю ей следовать за мной, но кошка предсказуемо остается стоять на месте, с беспокойством ожидая пояснений.

– Не переживай. Я оставлю тебя в одиночестве. Своё общество навязывать не буду. Просто, думаю, сидеть в комнате – не лучший вариант для тебя. Тем более если ты страдаешь от нехватки кислорода. Свежий воздух тебе сейчас нужен, как никогда, разве я не прав? – Вопросительно сканирую её растерянное лицо, но совсем недолго.

В этот раз Лина больше не тратит ни сил, ни времени на вопросы, а потупив взор в пол, молчаливо соглашается следовать за мной.

Мы выходим из гостиной, минуем столовую, предназначенную как минимум для десяти-рых человек, и совсем скоро оказываемся у выхода на террасу.

Честно, я ничего не ожидаю, когда раздвигаю в стороны двери, открывающие роскошный вид на бассейн «инфинити» и побережье Карибского моря. Вновь пытаться хоть как-то впечатлить Лину сегодня не было в моих планах, однако сам того не осознавая, я это сделал. Причём настолько, что Лина застывает на пороге и округляет глаза, загнипнотизированно глядя на вечернее море, точно на настоящее чудо света.

Её взгляд мгновенно светлеет, приобретая лазурный цвет воды, а губы приоткрываются в восхищении.

– Нравится? – задаю я наитупейший вопрос, ведь тут без слов очевидно – Лина в восторге!

– Мне можно туда? – с чётко слышимой надеждой спрашивает она, не отводя взора от морского пейзажа.

– Не можно, а нужно. И тебе не надо просить у меня разрешения. Гуляй, где хочешь. Этот пляж наш. Никто тебе не помешает.

Не успеваю я договорить, как кошка более уверенным и быстрым шагом направляется к ступеням, ведущим к белоснежному пляжу.

Я следую за ней, как долбаный хвостик, но не спускаюсь, а остаюсь стоять наверху на террасе, чтобы дать ей побыть одной. Как она того хочет. Но отказывать себе в удовольствии наблюдать за ней я не собираюсь.

Добравшись до последней ступени, Лина тормозит и, перед тем как спуститься полностью, скидывает с себя ботинки.

Шаг – и вот её ноги зарываются в песок, и она просто стоит на месте некоторое время, пристально глядя себе под ноги. Что она там с интересом разглядывает, мне остаётся только гадать. И однозначно когда-нибудь потом. Сейчас моя способность здраво мыслить напрочь улетучивается, потому что Лина наконец сбрасывает с себя злосчастную кофту, а вслед за ней и джинсы.

И оставшись в одном полупрозрачном кружевном белье, она, будто позабыв обо всём мире, плюхается животом на песок и словно купаться в нём начинает. Переворачивается с бока на бок, на спину и обратно на живот. Водит руками по нагретым за день песчинкам, пропускает их сквозь пальцы, обволакивая себя ими с головы до ног.

Ну точно кошка, дорвавшаяся до свободы и яркого солнца, которому подставляет своё блаженное улыбающееся лицо.

И эта её первая за весь сегодняшний день улыбка вместе с поведением озорного ребёнка не только заставляют меня улыбаться, как придурка, но и немного смягчают едкий осадок в груди после нашего неприятного разговора.

Я хочу всегда видеть её именно такой – лёгкой, непринуждённой, не думающей о плохом и радующейся таким мелочам, как прибрежный песок. И если первое время придётся подглядывать только издали, то я готов пойти на это. Не знаю, правда, где найду столько терпения и выдержки, но мне нужно это как-то осилить. Нельзя напирать на неё как бульдозер и уж тем более опять к чему-то принуждать.

Полежав в песке минут десять и извивавшись в нём как тесто в муке, Лина наконец вспоминает о самом главном – море.

Ловко вскакивает, неуклюже бежит по песку, пару раз чуть не падая, и со всего разбега влетает в воду, тут же встречаясь с пенистой волной. А затем с ещё одной, ещё и ещё. И продолжает прыгать как зайчик следующие полчаса, не зная ни меры, ни усталости.

А я всё это время неотрывно люблю её, словно замороженный. Точно так же, как Николина смотрела на море – с восхищением, благоговеньем и искренней радостью. И уверен, я

бы так смотрел на неё до самого заката, пока не пришлось бы идти вытаскивать её из воды, обламывая весь кайф, если бы рабочий звонок из Нью-Йорка не отвлёк меня.

Ничего серьёзного. Обычный вопрос одного из руководителей, которого почему-то не осведомили о моём отъезде. Но этих пяти роковых минут оказалось достаточно, чтобы, вернув всё внимание к морю, не увидеть больше плескающуюся в нём кошку.

Её нет. Ни в воде, в которую я будто за секунду телепортируюсь с террасы. Ни на пляже. Ни вдоль всей береговой линии, что по обе стороны упирается в скалы.

Куда она делась?!

Сбежала? Вернулась в дом?

Но ни того ни другого она совершить не могла, не миновав меня на террасе, а она этого точно не делала. Да и куда ей бежать в чужой стране? Некуда! Она не могла убежать! Не могла!

Однако именно об этом я заклинаю Вселенную, наотрез отказываясь принимать другой вариант, который я даже вслух произносить не собираюсь, пока зову Лину, истошно крича и борясь с налетающими на меня волнами, а она всё не отзывается и не отзывается. Ныряю под воду и нигде её не нахожу. Весь мексиканский береговой патруль на уши поднимаю, приказывая им хоть всё дно Карибского моря обыскать, а спустя час, два, три... никаких хороших новостей от них так и не получаю.

Глава 13

Николина

– Стив, ну где ты?! Поторопись! Ники уже готова! – кричит мама, справляясь с застёжкой на моём шлеме.

– Уже бегу!

– Ты уже десять минут бежишь! Мы сейчас без тебя начнём пробовать!

– А вот и нет! Я уже здесь! – Папа с сияющей улыбкой на губах выбегает к нам из дома, держа в руках фотоаппарат. – И если бы ты не перекладывала вечно мои вещи, я бы гораздо раньше нашёл его.

Мама закатывает глаза и улыбается в ответ.

– Если бы ты не разбрасывал их, где ни попадя, ничего перекладывать не пришлось бы.

– О чём ты, Юна? Я всегда всё кладу на свои места.

– Ну да, конечно. Тогда в следующий раз я твою камеру так и оставлю валяться в куче грязного белья. А лучше – постираю со всей одеждой. Вот тогда ты точно её найдешь в целости и сохранности.

– Ой, всё! Хватит бурчать! – добродушно отрезает папа, целуя маму в висок.

– И теперь ещё я та, кто бурчит?

– Мне можно. – Он щёлкает маму по носу и опускается на корточки передо мной. – Ну что, звездочка моя, ты готова к первой поездке на двухколёсном велосипеде?

Я отрицательно покачиваю головой, даже несмотря на то что уже давно мечтаю стать взрослой. А со старым велосипедом с дополнительными колёсами я такой точно не стану. Мне нужно избавиться от него и наконец пересечь на новый.

Да только я смотрю сейчас на папин подарок и на дорогу, по которой мне нужно будет пробовать ехать, и мне так страшно становится, что аж плакать хочется.

– А почему нет, милая? – спрашивает мама, обняв меня сзади.

В её руках тепло и безопасно, но страх всё равно не покидает меня.

– Мне страшно.

– А чего ты боишься?

– Я боюсь, что упаду.

Тёплая мужская ладонь тут же касается моей щеки. Я на миг прикрываю глаза и вдыхаю сладкий запах, исходящий от папиных пальцев. Они пахнут шоколадными печеньками, которые мы недавно вместе ели. Вкусные были. Надеюсь, мама ещё раз их испечёт.

– Ты не упадёшь. Это просто невозможно! Мы же с мамой будем рядом и не допустим этого, – не прекращая улыбаться, заверяет папа.

– А я всё равно боюсь. – С досадой скрещиваю руки на груди.

– Ники, послушай меня, нельзя поддаваться страху и останавливаться перед желаемым. Так Джеймсы не поступают.

– Но если я упаду, мне будет больно.

– Возможно, и будет. А, может, и нет. Ты никогда не узнаешь, если не рискнёшь и не попробуешь. А ты же так хотела это сделать! Неужели ты спасуешь перед самым стартом? Не верю! Ты всё та же моя смелая дочь или тебя подменили, пока я был на работе? – Папа недоверчиво хмурит брови.

– Ты что? Конечно, я твоя! Никто меня не подменял!

– Ну не знаю, не знаю, – слышу мамин протяжный выдох возле своей щеки. – Наша храбрая Николина ничего не боится. Куда ты её спрятала? Мы сейчас с папой пойдём искать,

а когда найдём, посмотрим, как круто наша девочка будет кататься! – Она порывается встать, но я хватаю её за руку, останавливая.

– Нет! Я ваша девочка! И я ничего не боюсь!

– Разве? Ты же только что...

– Нет! Я не боюсь! Всё прошло! – быстро приободряюсь, наполняясь желанием доказать родителям, что я не трусиха.

– Точно? Уверена? Мы можем просто загнать велосипед в гараж и вернуться домой, – предлагает папа и берётся за руль моего нового транспорта.

– Не трогай, папа! Если я сказала, что поеду, значит поеду! – Шустро запрыгиваю на сидение и всем своим видом показываю, что настроена серьёзно.

Они с мамой улыбаясь переглядываются и нащёптывают друг другу что-то о том, что я вся пошла в папу.

Не понимаю, что мама имеет под этим в виду, да и неважно. Я переключаю всё своё внимание на дорогу. Крепко сжимаю руль руками, проверяю рычаг тормоза и, вспоминая все наставления папы, толкаюсь с места и надавливаю на педали.

Мне по-прежнему страшно, сердце бьётся так сильно, как билось в первый день в садике, но подбадривающие голоса родителей, бегущих по обе стороны от меня, придают уверенности.

Я начинаю крутить педали быстрее, пытаюсь удержать равновесие, и когда чувствую, что велосипед едет стабильно, кричу им, чтобы отпустили меня.

– Точно готова? – переспрашивает папа, всё ещё удерживая руку под моим сидением.

– Да! Я смогу сама! У меня получится!

– Конечно, получится! Я в тебе даже не сомневался! Ничего не бойся! Если что – я рядом! – кричит мне в спину папа, придавая своим обещанием ещё больше сил и смелости.

Я разгоняюсь и наперегонки с ветром совершаю несколько десятков кругов по дорожке в нашем большом саду за домом, наслаждаясь скоростью, пением птиц и непрекращающимися возгласами мамы и папы.

А всё оказалось не так страшно и трудно, каким казалось на первый взгляд! Главное было сесть и начать! А сейчас меня уже не остановить! Правда, спустя ещё десяток кругов родители зовут меня к себе, и я на всех парах несусь к ним обратно.

– Вы это видели?! Видели?! Я сама всё это время ездил! Сама! Я сделала это! – верещу, приближаясь к ним.

– Видели, Ники! Ты самый крутой ездок из всех нам известных, но только притормозить не забудь! – напоминает мама, когда мне до них остаётся всего несколько метров.

А я бы и хотела затормозить, да только от неопишемого восторга забываю, куда именно нужно нажимать.

Начинаю визжать уже не только от радости, но и от страха перед грядущим падением. Плотнo закрываю глаза и готовлюсь к болезненному падению наземь, однако вместо этого почему-то взлетаю вверх, отчего все органы внутри замирают, как от катания на каруселях.

– Я же сказал, что не позволю тебе упасть, – шепчет папа мне на ухо, крепко сжимая в объятиях.

Открываю глаза и понимаю, что он в последний момент схватил меня за ворот куртки и сорвал с падающего велосипеда, что укатился прямо в кусты.

– Всё в порядке, милая? – Мама подбегает к нам, бегло осматривает меня на предмет повреждений, а когда не находит, целует в щёку. – Ты не испугалась?

– Испугалась? – Расплываюсь в улыбке, не желая приходить в себя от переизбытка эмоций. – Да я не могу дождаться, когда ещё раз так полетаю! – радостно заявляю я и улыбаюсь ещё ярче, видя, как родители начинают смеяться.

– Да она у нас не ездок, Юна, а самый настоящий лётчик! – констатирует папа, чмокая меня в шлем.

– Смелый лётчик? – Я вздёргиваю подбородок вверх.

– Самый смелый.

– Тогда давай ещё раз так же?!

Папа опять смеётся, а мама на сей раз хмурится.

– Лётчик мой, а давай на сегодня хватит? Думаю, для первого раза и одного полёта было достаточно.

– Мам, но это же было так здорово! Ты видела, как папа меня поймал? Получилось круче, чем на аттракционах!

– Видела. И даже засняла! Поэтому предпочту такие опасные трюки в вашем исполнении смотреть на видео, а не вживую.

– Но ма-а-ам, – скулю я, отчаянно желая повторить веселье.

– Ники, маму надо слушать, – встревает папа, опуская меня на землю. – Особенно, если она обещает накормить нас сейчас чем-то очень вкусным. – Он подмигивает ей, и ворчливая (как я её всегда называю) складочка между её бровей мигом разглаживается.

– Конечно, обещаю. Так что бегом в дом, мыть руки и на кухню. – Она помогает мне снять с головы шлем и подталкивает в сторону дома.

– А печенки тоже будут? – слегка расстроившись, уточняю я, входя внутрь.

– Когда это мы обходились без печенок? – усмехается мама и уходит на кухню, а мы вместе с папой направляемся в ванную.

Умываем лицо и руки, смеемся и обсуждаем наше следующее катание на велосипеде, планируя его провести без присутствия мамы, чтобы лишний раз её не волновать. А минут через десять входим на кухню, где я как всегда ожидаю увидеть накрытый стол с вкуснотищей, которую приготовила мама, и её, улыбающуюся в ожидании начала ужина. Но вместо ежевечерней картины я вижу нечто, что миг охватывает каждую клеточку тела стальными оковами ужаса.

Стол полностью забит, но не вкусными блюдами, а стеклянными бутылками, стаканами, пеплом и окурками сигарет. А мама не стоит по-своему обычаю в фартуке и не улыбается, глядя на меня и папу. Она вообще на нас не смотрит. Её невменяемый взгляд направлен на незнакомого мне пьяного мужчину, который разливает по рюмкам какую-то прозрачную жидкость.

– Мама, кто это? – едва выдавливаю я из себя слова и хватаюсь за рукав папиной рубашки. Прижимаюсь к нему ближе и начинаю дрожать в ожидании ответа от мамы.

Но она не отвечает. И до сих пор полностью игнорирует наше присутствие. Но даже не это окутывает все внутренности ледяным холодом, а то, что внешность мамы начинает стремительно меняться, будто она стареет в ускоренном темпе.

За считанные секунды блестящие светлые волосы тускнеют, редеют, местами меняя цвет с пшеничного на седой. Кожа на лице бледнеет, становится сухой и утрачивает свежесть, а под стеклянными синими глазами появляются моришки и мешки.

– Мама, что с тобой? – я пытаюсь закричать, но на деле получается лишь сипло простонать.

Мне словно леской шею перетягивают, отрезая возможность сделать вдох, а из глаз начинают неудержимо катиться слёзы. Невыносимо видеть, что мама не обращает на меня никакого внимания, так и продолжая напиваться с незнакомым мне мужчиной.

– Папа, что с ней? Что случилось? Почему она такая? Что происходит!? Мне страшно! – Дрожая всем телом, я перевожу мутный взгляд с мерзкого застолья на папу.

Но он тоже молчит. Однако в отличие от мамы, смотрит на меня каким-то странным, грустным взглядом.

Он никогда так на меня не смотрел. Он всегда улыбался, смеялся со мной, шутил, играл. Его глаза всегда сверкали счастьем и любовью при взгляде на меня. Но сейчас этого нет. Есть только бессильная тоска, печаль и... прощанье, которое напрочь отключает во мне способность дышать.

– Папа... Что происходит?.. Я ничего не понимаю. Поговори со мной. Ответь... Что с мамой? Что с тобой? Ответь же мне! Ответь! – захлёбываясь слезами, умоляю я, но папа молча выходит из кухни и направляется к выходу.

– Папа! Папочка! Пожалуйста! Не молчи! Остановись! Куда ты идешь?

Пытаюсь его остановить, всем телом вцепившись в его ногу, но ему не составляет особого труда продолжить путь.

Я кричу, плачу навзрыд, задыхаясь от боли и непонимания происходящего. Что случилось? Почему всё так резко изменилось? Что стало с мамой? Почему она такая? И куда уходит папа? Куда он собрался!?

Задаю ему этот вопрос, но он опять игнорирует. Лишь только у самой двери отцепляет меня от себя и с грустью произносит:

– Мне пора уходить, Ники.

– Что? Нет! Куда ты собрался? Не уходи! Ты не можешь меня оставить! Я не смогу без тебя! – истошно вою я, как умирающее животное.

Ему нельзя уходить! Не сейчас! Только не сейчас! Не знаю почему, но я чувствую: если отпущу его, он больше никогда не вернётся.

– Мне пора, – монотонно повторяет он, разрывая мне всю душу на части.

– Нет! Ты не можешь! Ты же сказал, что всегда будешь рядом! Ты же обещал! Ты не можешь уйти!

– Не всегда всё происходит так, как мы хотим, Ники. Я не могу остаться.

– Но ты же обещал! Я не смогу без тебя! Не смогу! – кричу я, надрывая голос, но папа уже открывает дверь и выходит на крыльцо, оставляя меня лежать на полу, утопая в рыданиях. – Нет, папочка. Умоляю тебя! Не бросай меня! Не уходи! Я знаю, ты не вернёшься! Пожалуйста! Я хочу с тобой! Я пойду с тобой! Не оставляй меня одну с ней! – из последних сил скулю я, ползком следуя за папой.

Он замечает это, разворачивается и резко выставляет руку вперёд.

– Нет! Тебе нельзя со мной! Слишком рано, Ники! Слишком рано!

Никогда не слышала голос папы таким строгим и грозным, но он точно гвоздями прибивает мои руки и ноги к дощатому полу крыльца.

– Нет, папа! Умоляю! Возьми меня собой! Я не смогу без тебя! Не смогу!

– Сможешь! Ты сильная.

– Нет!

– Ты храбрая.

– Нет! Я не такая! Возьми меня собой!

– Такая, звездочка моя. И тебе нельзя со мной. Ты должна ещё сиять очень долго. Останься. И дыши, Ники!

После этих слов он разворачивается и направляется к дороге, пока с каждым пройденным им шагом я всё отчаянней рву глотку криками, пытаюсь оторвать себя от пола, чтобы остановить папу, но не могу.

Тело мертвым грузом приковано к земле. Мне не сдвинуться с места. Мне не спасти его. Мне не предотвратить момент его смерти, что приближается вместе с рокочущим звуком мотора несущейся на всей скорости машины.

– Нет!!! Уйди с дороги! Уйди! Он тебя сейчас сожёт! – ору я во всю улицу, чувствуя вкус крови во рту, видя, как свет фар касается высокой фигуры папы.

Но он не слушает меня! Останавливается посреди проезжей части и оборачивается ко мне.

– Дыши, Ники. Дыши, – произносит одними губами он, улыбаясь, как всегда это делал, когда читал мне на ночь сказки – мягко, тепло, с безграничной любовью, от которой я мгновенно засыпала сладким сном.

– Нет, папа! Умоляю, уйди! Он убьёт тебя! – Мой крик внезапно сходит на нет, в глазах всё темнеет, а лёгкие ни с того ни сего будто наполняются водой.

– Дыши!

– Нет! Не уходи!

– Ничего не бойся. Я всегда с тобой. Просто дыши!

– Папа! – беззвучно шепчу я, и за секунду перед его смертью меня полностью поглощает темнота.

На секунду, две, три... А затем яркий блик света выбивает меня из мучительного мрака, и я раскрываю отяжелевшие веки. Переваливаюсь на бок и начинаю откашливаться, пытаюсь выпустить всю тяжесть из груди вместе с обильно выходящей изо рта и носа жидкостью. Но, увы, из меня выходит только до жути солёная вода. Жалящая душу агония намертво вцепилась острыми когтями в мою грудную клетку и наотрез отказывается её отпускать.

Меня трясёт, тело мокрое, лёгкие с жадностью хватают воздух, а мозг никак не может понять, что происходит и где он находится.

Я же только что лежала в слезах на крыльце семейного дома и пыталась спасти папу, а теперь задыхаюсь, валяясь на влажном песке посреди скалистой пещеры, и очищаю себя от морской воды, что нещадно щиплет глаза и разъедает горло.

Полностью выплюнув из себя воду, я вновь переворачиваюсь на спину и лежу так неизвестно сколько, пытаюсь вспомнить, что со мной произошло, но выходит не очень.

Перед глазами до сих пор стоят радостные лица родителей и тот кошмар, которым закончился мой сон. Хотя нет. Это было больше, чем просто сон. Видение? До невозможности реальная галлюцинация? Воспоминание о счастливом прошлом, которое, казалось, я уже никогда не вспомню?

Я ведь и правда забыла тот прекрасный вечер, как и многие другие, когда мы с папой и мамой проводили вместе время. Потому что воспоминания о том, как после смерти папы я часами сидела в гараже и захлёбывалась слезами, обнимая раму того самого велосипеда, напрочь перечеркнули всё хорошее, что было до.

Видимо, так уж мы устроены. Плохие моменты, приносящие нам боль и страдания, откладываются в памяти гораздо лучше тех, что заставляют нас улыбаться. Однако в моём случае они немыслимым образом помогли мне сейчас остаться в живых.

– Дыши, Ники. Дыши! – отголоски папиного голоса звенят в моей голове, и я покорно выполняю его требование.

Я дышу. Часто. Глубоко. Полной грудью. До тех пор пока дыхание полностью не восстанавливается и в голове не начинают воссоздаваться последние минуты перед отключкой.

Я. Море. Уходящее солнце. Ветер, нагоняющий волны на меня. И давно забытое ощущение свободы на пару с искренней радостью от прикосновения к ещё одной мечте.

Я настолько сильно мечтала вживую увидеть море, что стоило Адаму открыть двери на террасу с видом на лазурную полосу, как всё напряжение, страхи, тревоги, вместе с вихрем реакций в теле из-за нашей близости, мгновенно отошли на второй план.

Мне было плевать на всю эту спонтанную поездку, на нашу шикарную виллу, в которой мне предстоит выдержать две недели с Адамом наедине, и на него самого с его очередным «подобревшим» отношением ко мне. Но равнодушной к морю моя потухшая душа остаться не смогла.

Я плавала, плескалась, прыгала по волнам, которые будто вымывали из разума всё плохое, что произошло за последнее время со мной, и очищали кожу от недавних прикосновений Харта.

Мне в самом деле становилось лучше, легче, свободней... пока одна из волн не смыла меня. В прямом смысле этого слова.

Не знаю, как так получилось. Видимо, я так увлеклась, что не сумела верно оценить масштаб и силу надвигающейся на меня волны, которая увела меня под воду и закрутила, словно в стиральной машинке. А дальше... дальше – полёт в давно забытое прошлое, где мама любила меня, а папа был жив. Ужасная сцена прощания с ним, которую, будучи ребёнком, я видела во снах практически каждую ночь. И болезненное пробуждение в темноте, окружённой со всех сторон скалами, о которые я могла с легкостью разбиться.

И раз уж этого не случилось, то, по ходу, мне действительно впервые в жизни несказанно повезло. Хотя нет, во второй. Первое везение – это то, что море не утащило мою тушку к себе на дно, а подарило шанс на жизнь, выплюнув на берег.

Вот только куда оно меня выплонуло? Где я сейчас нахожусь? Долго ли я пролежала без сознания? Далеко ли меня отбросило от виллы? И ищет ли меня Адам? Если ищет, то где именно? В море или на улицах, решив, будто я воспользовалась моментом и сбежала от него?

Стоит мозгу ожить, как рой вопросов тут же начинает жалить его, сдавливая виски острой болью. Причём настолько острой, что она аж в ушах отдаётся каким-то рокотанием. Или же рычанием. Да. Точно! Я будто слышу рычание хищного зверя, учуявшего поблизости свой обед. И почему-то особенно четко в правом ухе, хотя и из левого вроде вся вода уже вылилась.

Может, я всё-таки стукнулась головой?

Бегло ощупываю свой лоб, лицо, уши и затылок, и лишь когда нигде крови и ушибов не нахожу, понимаю, что рычание раздаётся вовсе не у меня в голове, а из похожей на арку дыры в скале, где во мраке сверкают два жёлтых глаза, пристально смотрящих на меня.

Что я там говорила о моём везении? Оказывается, с ним всё в порядке. А именно – оно как всегда обходит меня стороной.

Если судьба и решила не потопить меня в море, позволив умереть быстро и без мучений, то только для того, чтобы обрубить мою жизнь более кровожадным способом.

Кто это смотрит на меня и готовится к атаке? Тигр? Пантера? Рысь? Пума? Койот? Оцелот?

Не вижу! Не понимаю! И в панике напрочь забываю, кто именно обитает в пещерах на побережьях Мексики. Да и какая, собственно, разница, кто меня в любую секунду может заживо сожрать? Не об этом думать надо. Совсем не об этом! А о том, как же мне спастись на этот раз.

Глава 14

Николина

Новый наплыв страха цементирует моё тело, будто превращая его в ещё одну скалу, в надежде обмануть этим хищника. Но его не обманешь. Он чувствует мой всепоглощающий ужас перед ним, отчего начинает рычать ещё громче.

Животный рык колкими вибрациями опадает мне на кожу, электризуя все волоски на теле. Я не то что двинуться боюсь, а даже взгляд отвести от двух жёлтых точек, что приметили меня и отпустить не собираются.

Не знаю, что делать. Куда бежать? Как спастись?

Толком ничего не вижу вокруг, кроме огромных камней и скалистых стен пещеры. Слышу за спиной звук набегающих волн, но боюсь, мне не хватит времени встать и добежать до воды, да и не факт, что зверя она напугает.

Однако другой вариант спасения на ум не приходит, поэтому я проглатываю болезненный ком в горле и начинаю медленно, почти незаметно подниматься на ноги. Без резких движений, не дыша и даже не моргая. Так тихо, что бешеный стук моего сердца кажется оглушительным в гулком пространстве пещеры. Громче его лишь очередной рык зверя, который вконец пугает меня до смерти.

Больше не думая о возможных последствиях, я разворачиваюсь и срываюсь с места к воде. Да только это была бы не я, если бы не споткнулась об один из камней и не рухнула на землю уже через пару метров.

Ладони в кровь, сердце подлетает к горлу, а рык зверя касается моей спины.

Всё! Бежать бессмысленно. Он уже поймал меня.

Я только и успеваю накрыть голову руками да начать молиться, чтобы обладатель жёлтых глаз уберёг меня от долгих предсмертных мучений и сгрыз быстро, как зверь заваливается на меня сверху.

Готовлюсь закричать от боли. Ощутить, как его острые клыки прокусывают мне шею, а когти безжалостно рвут мою плоть, но, к моему превеликому удивлению, никакой боли не испытываю. Вместо острых когтей, вонзающихся в кожу спины, я чувствую на ней мягкие, хаотично топающие лапки, а вместо клыков – шершавый язык, лижущий мне плечи и лопатки.

Но страх перед смертью настолько поглотил меня, что я продолжаю неподвижно лежать, зарывшись лицом в песок, вплоть до тех пор, пока до моего слуха не долетает громкое собачье гавканье. Причём не злобное и устрашающее, как у сторожевой собаки, а звонкое и даже немного визгливое.

Набравшись смелости, я аккуратно переворачиваюсь на спину, вынуждая шумную зверюгу сползти с меня. Но рассмотреть его как следует у меня так и не получается, потому что теперь он вылизывает всё моё лицо и шею.

– Господи! Да ты же всего лишь щенок, – шумно, протяжно выдыхаю я, когда пёсик наконец отлипает от моего лица и позволяет принять сидячее положение. – Ты хоть понимаешь, что до чёртиков меня напугал? Я уже с жизнью попрощалась! Нельзя же так! – обращаюсь я к нему, запуская руку в его мягкую угольную шерстку, а он виляет хвостом, как обезумевший, и невинно таращит свои жёлтые глазки.

– И как же я могла перепутать тебя с опасным хищником? Ты же такой кроха.

В ответ я получаю новую порцию лая, что в пещере звучит в несколько раз громче, чем он есть на самом деле.

– Понятно. Значит, это эхо превратило тебя в моих глазах в страшного зверя.

И в подтверждение умный пёсик повторно демонстрирует рычание, на которое способен его щенячий голосок.

– Да, да. Ты очень страшный! Я от одних лишь твоих глаз чуть не обделалась. Желтоглазый демон, – нервно усмехаюсь я, почёсывая его за ушком, и ещё раз протяжно выдыхаю весь собравшийся во мне страх.

Добро пожаловать в будни Николины Джеймс! Ни дня без экшена, проблем и опасных для жизни происшествий.

Соскучились? Я вот что-то не очень. Но выбора, к сожалению, у меня нет. Приключений мне никогда было не избежать, поэтому нужно поскорее заново привыкнуть к этой неотъемлемой части своего бытия и сосредоточиться на поиске пути на виллу.

Да только как тут сосредоточиться и хоть о чём-то подумать, когда щенок не прекращает шуметь громче морского прибора.

– Тихо, Демон! Тихо! Ты своим лаем сейчас точно какого-то пещерного монстра разбудишь.

Но на мои слова и шиканья щенку чихать хотелось. Мне кажется, его лай лишь усилился вдвое.

– Боже ты мой! Такой маленький, а такой крикливый. И как ты здесь вообще один оказался? Убежал от хозяина? – С трудом ловлю его шустро бегающее вокруг меня тельце и осматриваю на наличие ошейника, но его нет. – Странно. Неужели ты бездомный?

Прям как я.

Ведь если я и начну сейчас искать дорогу, то точно не домой, а к тому, к кому возвращаться совсем не хочется. Но надо. Не приду сама – он найдёт. И тогда мне опять не поздоровится. А я и так всеми возможными способами пытаюсь избежать повторной попытки Адама изменить мою память, как впрочем, и оттянуть момент секса с ним.

Даже укуталась сегодня в самую страшную кофту, какую нашла в своей гардеробной, и вышла к нему в максимально неопрятном виде.

Меньше голого тела и лоска – меньше искушения.

Знаю. Бред. Магия всё равно вынуждает Адама возбуждаться рядом со мной, даже если он сам того не хочет, но если есть способ хоть немного его удержать от интима, то я им непременно воспользуюсь.

Правда, сейчас, если он меня встретит, агрессивного секса мне вряд ли удастся избежать. Я практически голая. Тело скрывает только мокрое прозрачное бельё. А факт того, что моё исчезновение он, возможно, воспринял, как попытку побега, многократно увеличивает вероятность безрассудного гнева Адама.

Но оттягивать момент встречи нет никакого смысла. Только хуже себе сделаю. Наоборот, нужно быстрее показаться ему, чтобы ярость опять не перекрыла ему напрочь мозги.

Приподнимаюсь на ноги, отряхиваюсь от песка и мелких камушков и осматриваюсь вокруг себя. С одной стороны – ночное море, с другой – мрачный, непроглядный тоннель в пещере, откуда выбрался пёсик, а с третьей – на мой взгляд, самый лучший и безопасный вариант – пляж. Его я и хочу выбрать, чтобы попытаться найти людей или непосредственно самого Адама, но щенок, продолжая лаять как резанный, начинает бегать туда-сюда от меня к туннелю и обратно, будто бы указывая, что мне нужно следовать за ним.

– Вот уж нет, желтоглазый крикун! Я в эту темень точно не пойду. Пошли лучше со мной в эту сторону. Там больше шансов найти кого-нибудь, кто сможет нам помочь.

Хлопаю в ладоши, призывая его к себе, и указываю на выход к пляжу, однако Демон и тут наотрез отказывается меня слушаться.

– Давай же! Идём! Почему ты такой непослушный? Я не хочу оставлять тебя здесь одного! Иди ко мне! – зову его к себе, но пёс садится посреди арки в туннель и упрямо ждёт, пока я сама к нему подойду, сводя с ума своим непрерывным лаем.

– Что ж, ладно! – Делаю вид, что уступаю.

На деле же собираюсь взять его на руки и стремительно свалить из этой жуткой пещеры. Но, увы, этот смекалистый малыш быстро чувствует подвох и за секунду до моего порыва схватить его срывается с места и убегает вглубь тоннеля.

– Блин! Какой шустрый. Но ни черта не умный. Если ты думаешь, что я пойду у тебя на поводу, то сильно ошибаешься. Я не пойду туда! Там же темнота – хоть глаза выколи. И неизвестно, кто там водится. Хватит с меня опасностей. Поэтому либо ты идешь со мной, либо я ухожу и оставляю тебя здесь одного! – категорично бросаю я псу, при этом совершенно не чувствую себя сумасшедшей из-за общения с собакой – маленькой, непослушной, шумной, как сирена, и до невозможности хитрой.

Потому что когда я уже намереваюсь выполнить своё обещание и просто уйти, этот засранец затихает, опускает ушки, склоняет морду набок и гипнотизирует меня своими желтыми пуговками, превращаясь в само воплощение милоты.

– Ой, вот только давай без этих приёмчиков. Не сработает, – бурчу я, скрестив руки на груди, но внутри уже неумолимо растекается грусть и жалость от мысли, что щенок тут останется один. – Демон! Ну давай, пошли со мной! Ты же сам вынуждаешь тебя бросить.

Один приглушённый лай летит мне в ответ, а затем пёсик-актёр начинает жалобно скулить, поворачивая голову на другой бок.

Вот же чертёнок! Знает, на какие струны женской души надавить, лишь бы добиться желаемого.

Может, чёрствый Харт и не растаял бы от вида этой душераздирающей моськи, но я теку, как мартовский снег под лучами солнца.

– Ты знаешь, что играешь нечестно? – Неодобрительно покачиваю головой.

Ещё один поворот моськи, и хвостик щенка начинает понемногу шевелиться от предчувствия скорой победы.

– Ты искусный манипулятор, Демон. Но клянусь, если я всё-таки умру там сегодня, то это будет на твоей совести!

Окончательно поддавшись, мать его, щенку, я собираюсь с духом и неуверенно ступаю в туннель к нему. А маленький засранец, словно ликуя, вновь лает во весь голос и резво устремляется глубже в тёмную неизвестность. Но на сей раз я не прошу упрямого крикуна замолчать. Его лай – единственное, что помогает мне следовать за ним по пятам, медленно передвигаясь по тесному чёрному пространству тоннеля.

Я точно больная на всю голову, раз творю подобное. Вместо того чтобы пойти на поиски цивилизации и поскорее вернуться к Харту, я иду на поводу у крохотного животного, которое явно решило похоронить меня заживо вместе с собой среди скалистых стен.

Да уж! У меня как не было мозгов до заточения за «щитом», так и после они не появились. И даже чёткое понимание того, что я сейчас вытворяю полную бессмыслицу, не мешает мне идти шаг за шагом вслед за собакой, ничего не видя и плутая по извилистой дорожке.

Страх, что ещё в начале пути сворачивал лишь область диафрагмы, с каждой пройденной минутой всё больше разрастается, подбираясь к горлу и сдавливая его. И, клянусь, если бы короткий проблеск света не резанул по сетчатке глаз уже в следующую секунду, я бы начала задыхаться в приступе клаустрофобии, которой у меня от роду не было.

Ещё несколько шагов – и лай Демона прекращает звучать так гулко и звонко, и я в панике ускоряю темп, чтобы поскорее узнать почему.

Оказывается, мой юркий штурман выбрался наружу из пещеры через небольшое отверстие и теперь заходится лаем, призывая меня сделать то же. А у меня и в мыслях нет желания спорить и препираться. И секундой дольше я не хочу находиться в этом страшном мраке.

Быстро встаю на четвереньки и пролезаю в дырку, вновь оказываясь целиком в песке и подвергаясь новой атаке языка Демона.

– Всё? Доволен? Я сделала, что ты хотел? – уворачиваясь от щекотливых лизаний, спрашиваю я.

А в ответ опять получаю неунимающийся лай, от которого все стенки моего черепа скоро треснут.

– Всё! Успокойся! Сколько можно кричать? Помолчи хоть немного! И лучше дай взглянуть, куда ты меня привёл. – Отстраняю от себя любвеобильную морду и осматриваю местность, понимая, что мы находимся на пляже.

И не просто пляже! А на том самом, где находится вилла, в которую Адам меня сегодня привёз. Даже издали я вижу это трехэтажное здание, окружённое высокими пальмами и горящее светом во всех окнах и ночными фонарями на улице. Однако от всех его огней меня отвлекают множество других – находящихся в море и в небе.

Присмотревшись повнимательней, я замечаю огромное количество катеров и столпотворение людей на берегу неподалёку от виллы, а сквозь истошный лай Демона слышу вдалеке шум летающих вертолётчиков.

Обескураженная происходящим, я кое-как приподнимаюсь и торопливо направляюсь в сторону толпы. Но мой темп быстро сходит на нет, когда среди десятка мужчин в одинаковых формах я нахожу Адама.

Он бурно жестикулирует и даёт людям какие-то указания с донельзя злым лицом, отчего мои ноги будто окончательно увязают в песке, и я застываю на месте.

Как я и предполагала – он в гневе! Я чувствую это даже на расстоянии. Тело вновь мгновенно переключается на волну Харта и впитывает в себя необходимую дозу его ауры.

Стоит же одному из мужчин указать ему на меня, а острому взгляду Адама – встретиться с моим, как все звуки мира разом отключаются, а фокус моего зрения сужается до его напряжённой фигуры.

Харт замирает. Пробирает меня взглядом до самого нутра. Всего пара секунд, которых хватает, чтобы умереть внутри себя и возродиться заново. А затем он срывается с места и надвигается на меня, точно смертельное гигантское цунами. И оно уже точно не соизволит пожалеть меня, как сделало это Карибское море.

Его лицо вмиг из злого превращается в непроницаемое, а это значит – совсем плохи мои дела. И ещё более чётко я это понимаю, когда вижу, что Адам не просто идёт ко мне в быстром темпе своей обычной уверенной походкой, а срывается на бег, чем пугает меня похлеще любых природных катастроф и хищных зверей в пещерах.

– Адам, не злись и послушай меня! – максимально громко прошу я, когда между нами остаётся несколько метров.

Но он игнорирует мои слова и нисколько не замедляет темп бега, отчего в инстинктивном желании защититься мне хочется тоже начать бежать. От него. Как можно дальше да побыстрее, но знаю – это плохая затея.

– Адам, честно, я не сбегала от тебя... меня просто неудачно накрыло волной, – напоследок пишу я и, вжав голову в плечи, закрываю глаза в ожидании кары.

И первый удар по мне совершает мощный импульс звериной энергетики. Второй – уникальный запах его кожи, от которого подкашиваются ноги. А от третьего, что вот-вот нанесёт его прущее на меня тело, я ожидаю и вовсе свалиться наземь. В который раз. Ведь с ним иначе не бывает.

С Адамом я всегда только падаю. Мощно. Больно. На всей скорости. До незаживающих ран и испепеления души.

Всегда.

Но, чёрт возьми, почему-то сейчас, столкнувшись с ним, я взлетаю. Во всех смыслах этого слова. Ноги отрываются от земли, тело будто парит в невесомости, а вся душа взмывает ввысь от ощущения чьей-то любви и заботы.

Прям как тогда... много лет назад... когда папа спас меня от падения и крепко сжал в своих объятиях. Точно так же, как это делает Харт.

Да только какого чёрта?!

Такого не может быть! Ничего из того, что я сейчас ощущаю.

Ни его цепких, удерживающих на весу объятий, что сковывают меня до хруста костей. Ни губ, что опаляют частым рваным дыханием мою влажную кожу на шее. Ни тихого голоса, которым Адам из раза в раз повторяет «Ты жива... Жива...», а затем сжимает меня руками ещё сильнее.

И как бы мне хотелось сказать, что я не могу дождаться, когда он выпустит меня и прекратит вновь делать вид, будто ему есть дело до меня, но не могу! Не могу!

Разум истошно кричит, напоминая, что Адаму верить ни в коем случае нельзя, а нужно в каждом его действии искать мерзкие скрытые мотивы, но сердце... Оно, глупое, не слушает и не слышит сейчас никого, кроме бойкого сердцебиения Харта, стучащего молотом мне по грудной клетке. Не видит никого, кроме этого жестокого подлого мужчины. И не чувствует ничего, кроме его облегчения и нескрываемой радости от встречи со мной.

– Я думал, что потерял тебя, Лина. Сотни людей тебя искали, и никто не мог найти, – сдавленный шёпот Харта создаёт по-настоящему шедеврально иллюзию, будто я ему действительно дорога.

Да только вот же в чём проблема... Он не меня искал, а моё тело.

Так что вот он – тот самый сокрушительный удар, который быстренько возвращает мою воспарившую от счастья душу обратно в реальность, где я мгновенно начинаю приходить в себя и бессильно задыхаться.

Не только от ядовитой горечи, растекающейся по венам едкими потоками, но и от чересчур крепкого захвата Харта, из которого он не выпускает меня уже больше минуты.

– Поставь меня на землю, пожалуйста, – хрипло прошу я Адама, нарочно добавляя вежливости, лишь бы поскорее выбраться из уничтожающих меня по всем фронтам объятий.

Но он не выпускает меня из рук и категорично отрезает:

– Нет.

– Но мне дышать нечем, – проявляю я ещё одну жалобную попытку, чем только ухудшаю своё положение.

Адам произносит ещё одно непоколебимое «нет» и, оторвав губы от моей шеи, атакует лицо короткими поцелуями, не пропуская ни один сантиметр кожи.

– Не надо... Я же грязная.

– Мне плевать.

– Меня собака только что всю облизала.

– По*уй.

– Адам... Прекрати, – почти беззвучно умоляю я и жмурюсь, пытаюсь абстрагироваться от его нежных прикосновений, чтобы окончательно не забыться и не ответить Адаму тем же.

Но это, по ходу, невозможно сделать. Даже образ Остина мне не помогает. У меня его вообще больше увидеть не получается, пока каждый поцелуй Харта отдаётся микровзрывами во всех молекулах тела. Они сотрясают сознание, мысли, воспоминания, затмевая всё плохое, что Адам делал со мной.

Он принуждал меня к тому, чего я не хотела. Преследовал. Шантажировал с помощью Остина. Угрожал тюремным заключением и запер в комнате на целых два месяца, где забавлялся, трахал, издевался, унижал и пользовался мной как мебелью.

Всё это дерьмо так и норовит выветриться из памяти от его ласковых действий. Всё! Кроме самого главного...

Он пытался изменить мои воспоминания длиною почти в тринадцать лет, прекрасно зная, чем для меня это может закончиться после нашего расставания.

И только острое, как бритва, осознание, что Адаму абсолютно плевать на мою жизнь после «контракта», удерживает меня сейчас от полного забытья и придаёт сил вновь попытаться вырваться.

– Адам, прошу тебя,пусти!

Я отворачиваю голову в сторону, но добиваюсь лишь того, что теперь Адам усыпает поцелуями всю правую сторону моего лица.

– Не отпущу. Больше никогда. И шагу от меня в сторону больше не сделаешь.

– Хорошо. Как скажешь. Хотя на поводке возле себя держи, но если хочешь, чтобы я была пригодна для дальнейшего использования, опусти меня сейчас вниз. Говорю же: мне дышать нечем. Ты слишком сильно меня сдвинул.

И надо же! На сей раз Харт соизволяет меня послушать и мигом прекращает целовать. Но, увы, выдохнуть с облегчением не получается. Даже когда он небрежно, с неприкрытым раздражением сбрасывает меня на песок и позволяет отойти на пару метров.

Почему не получается?

Да потому что его чёрные глаза, вспыхнувшие опасным пламенем, отчётливо показывают мне степень его негодования.

– Ты опять за своё? – злость буквально съедает его низкий голос.

– О чём ты?

– Я тебе вроде бы уже сказал, чтобы ты забыла о работе, услугах и каком-либо использовании. Но ты опять об этом говоришь. Даже сейчас!

– Говорю, как есть, – бурчу я и сжимаюсь ещё больше, поймав в ответ испепеляющий взгляд.

– Как есть, значит?

– Да.

И этот мой короткий ответ совершает нечто невообразимое и прежде невиданное. Он будто бомбу внутри Адама взрывает, что сносит до самого основания всю его вечную сдержанность, после чего он начинает во весь голос... не поверите – кричать.

– Я несколько часов места себе не находил! Думал, что ты утонула! Приказал половине Канкуна тебя искать! Не позволил бы ни одному спасателю уйти, пока они всё дно моря не осмотрели бы и не нашли тебя! Едва сдерживал себя, чтобы не вмазать каждому идиоту, который раз за разом приходил ко мне без хороших новостей! И не сдержался, когда начальник береговой охраны заявил, что поиски лучше отложить до рассвета! А ты мне сейчас заявляешь, что я хочу только попользоваться тобой?! Серьёзно?! Дура! Какая же ты дура, Лина!

Он хватается за голову, взъерошивая свои волосы ещё сильнее, и начинает ходить из стороны в сторону.

– Да я сам чуть не сдох, пока находился в неведении! И каждый раз умирал от страха, когда мне звонили люди с катеров! Боялся, что скажут, что нашли твоё тело! Мёртвое! А затем представлял, как увижу его сам и... – он осекается, болезненно рычит и пронзает меня таким взглядом, что весь дух из тела выбивает, вынуждая затрястись так, словно на улице не летняя ночь, а арктическая. – И после этого ты приходишь целая и невредимая не пойми откуда и говоришь мне опять эту хрень!? Не смей этого больше повторять! Поняла меня?! Никогда не смей! И забудь об этом раз и навсегда, иначе, клянусь, я сам из тебя всю эту ересь выбью!

И будто намереваясь приступить к своей угрозе прямо сейчас, Адам рывком подходит ко мне, вынуждая от страха отскочить назад и чуть ли не завалиться на песок задницей. Чуть ли – не благодаря моей отменной координации движений, а из-за рук Адама, что вовремя схватили меня за плечи.

– Боже ты мой, Лина, да сколько можно бояться меня, как огня?! Не кулаками я это буду делать, и уж точно не сейчас! Я всего лишь хочу убедиться, не нужен ли тебе врач!

И все эти фразы он кричит так громко и отчаянно, что подо мной вся земля сотрясается.

– Чёрт! Ты же практически голая! – констатирует Харт, словно только сейчас замечает это.

Резко разворачивается и грозным тоном на испанском приказывает всем столпившимся неподалёку мужчинам немедленно уйти, а сразу после этого снимает с себя майку и ловко натягивает на меня.

И вот же дьявол! Делает этим действием лишь хуже. Теперь я не только дрожу от страха и изумления, впервые слыша его крики, что похожи на гром прямо над моей головой, но и буквально утопаю в его запахе и тепле, которые источает хлопковая ткань майки.

А про его голый, божественно красивый торс, что теперь мелькает перед моими глазами, стоит что-то говорить? Вот и я думаю, что не стоит.

– Ты поранилась?! Где-то болит?! – Адам суетливо ощупывает моё туловище и все конечности.

А я в ответ лишь отрицательно покачиваю головой – на большее меня не хватает.

– Не тошнит?!

Ещё раз.

– Точно?!

Кивок.

– А головой не билась?!

Опять молчаливый ответ.

– Ты язык проглотила?! – ещё больше повышает голос Харт, отчего, кажется, сейчас я его действительно проглатываю и вновь просто киваю.

– Совсем не вовремя, Лина! Мне нужно знать, что у тебя нет никаких опасных для жизни травм! И было бы в разы легче, если бы ты сама обо всём сказала! Что именно случилось?! Где ты была?! Откуда вообще пришла?! Почему куча спасателей не смогли найти тебя?! И где ты подобрала этого сумасшедшего щенка, что носится вокруг нас и ни на секунду не затихает?! – он почему-то продолжает громко выкрикивать все эти вопросы, хотя пора бы уже и заканчивать! Поводов-то на это я ему не даю.

Адама что, после всех лет непоколебимого спокойствия прорвало настолько, что теперь его не остановить? Прямо как Демона?

– Заткнись и сиди на месте! – рявкает он орущему щенку.

Я хочу уже наконец выдать из себя хоть слово о том, что пёсик пока ещё не слушает команды, лишь бы уберечь малыша от злости Харта, но так ничего и не произношу.

Не потому, что не могу. А потому, что Демон, как образец послушания, в мгновение ока исполняет приказ Адама: прекращает лаять и плюхается задом на песок, с покорностью глядя на мужчину в ожидании следующих команд.

Ничего себе!

Как меня послушать хоть разок – так увольте. А приказ Харта с первого же раза исполнил.

– Ты собираешься начать рассказывать или что?! – усмилив маленького крикуна, большой крикун тут же возвращает всё своё внимание на меня.

– Собираюсь, если ты прекратишь кричать на меня без повода, – обхватив себя руками, лепечу я, глядя на Харта исподлобья.

– Без повода?! – сокрушается он. – Да ты душу из меня всю вытрясла и всех нервных клеток лишила своим исчезновением! Да и не только им! Тебя же ни на секунду нельзя из виду выпускать! Ты и шага сделать не можешь без происшествий! То на пьяного идиота Марка во время приёма нарвёшься, то на моего брата, то со своим потрахнешься посреди леса, не думая о последствиях! То похитят тебя, то в суку бездушную превратишься! А теперь ещё сегодня искупаться удачно сходила! И скажи мне: как тут не кричать?! Достала ты меня, Лина! Как же ты меня достала! Я скоро сесть из-за тебя раньше времени начну! – вываливает он на меня новую порцию ора, от которого на сей раз я не тушуюсь, а мгновенно выпаливаю ответ.

– Так в чём проблема, Адам? К чему терпеть все неудобства, что я тебе создаю? Избавься от меня, если я тебя так достала.

– Нет! – незамедлительно бросает он.

– Но почему нет?

– Потому что ты сразу же побежишь к нему!

– К кому? К Остину? И зачем? Ты же сам лично сделал всё, чтобы он меня возненавидел! Он меня даже видеть не желает! А если это именно лютая ревность тебя останавливает, чтобы избавиться от меня, то это легко решается. Приставь ко мне человека, который будет следить, чтобы ко мне ни один мужик не подходил до тех пор, пока тебя полностью не отпустит, и всё! Проблемы нет. Ты можешь смело прощаться со мной, и все мы будем счастливы!

– Нет, Лина! Я не буду счастлив, если тебя не будет рядом!

– Ты не будешь счастлив? Ты?! – удивлённо выдыхаю я, чувствуя, как теперь и во мне закипает злоба. – Ну, естественно! Всё, как всегда вертится вокруг твоей божественной персоны! Без магического секса счастья тебе не видать! Конечно! А то, что я буду несчастна каждый день в твоей компании, тебя совершенно не волнует!

– Этого не будет, – наконец его голос становится прежним – сдержанным, низким и даже немного тихим.

– Чего не будет?

– Ты не будешь несчастна со мной.

– Ошибаешься, Адам! Я уже несчастна!

– Я всё исправлю.

Сдавленное обещание Адама бьёт по мне точно апперкот боксёра, выбивая из горла то ли хрип, то ли едкую усмешку.

– И что, интересно мне знать, ты собрался исправлять? Между нами нечего исправлять, Адам, потому что ничего нет и никогда не было, кроме твоей жажды купить, приручить и оттрахать меня, и моего желания не допустить этого. Единственное, как бы ты мог облегчить мне задачу быть с тобой – это стереть начисто себя из моего сознания. Умеешь ли ты не только заменять в памяти женщин лица мужчин, которых они любят, на своё, но и наоборот тоже? Умеешь? Или себя драгоценного ты стереть не можешь? – на полном серьёзе спрашиваю я, в ответ получая красноречивое молчание. – Понятно. Так я и думала. Что ж... Раз ты не способен убрать из моей головы всё, что происходило со мной с момента нашего знакомства, тогда я останусь при своём мнении: тебе нечего исправлять, Харт. Поэтому, умоляю... Да... Ты не ослышался... Я умоляю тебя, облегчи нам обоим жизнь и просто отпусти меня. Я уверена, тысячи других женщин уже ждут не дождутся своего часа стать твоей следующей счастливницей, – заканчиваю я, с мольбой в глазах сверля напряжённое лицо Адама.

Мне стоит огромных трудов удерживать с ним долгий зрительный контакт, но я терплю и не отвожу взгляд в сторону, лишь бы суметь донести ему, что нам нужно как можно быстрее расстаться.

Мне нужно быстрее с ним расстаться... Чтобы избавить Остина от необходимости рисковать и уберечь его от неприятностей. Чтобы по глупости вновь не совершить ту же ошибку, что точно уничтожит меня... Чтобы не очароваться временным «добрым» отношением Харта ко мне и не поверить, будто он готов меняться и что-то там исправлять.

Такие мужчины, как он, не меняются! Чушь собачья! Подобные чудеса происходят только в сказках про властных ублюдков и невинных овец, которые своей искренней любовью превращают монстра в ванильного принца!

А я пусть и дура, каких ещё поискать, но точно не овца, готовая с лёгкостью поверить, будто после всего произошедшего между нами мы с Адамом возьмёмся за ручки и счастливо убежим в закат!

Не знаю, сколько мы стоим в полном безмолвии и пристально смотрим друг на друга. Минуту? Две? Час? Или полночи... Рядом с Адамом время всегда течёт иначе. С ним всё иначе. И я с ним другая. Такая, какой никогда не была и совсем не хочу становиться, – слабая, напуганная, вечно трясущаяся и будто не принадлежащая самой себе.

Я хочу снова научиться полностью контролировать своё тело, разум, мысли, чувства, но с ним у меня это никогда не получится. Так же, как не получается сейчас.

Стоит Адаму совершить два шага и возвыситься надо мной, точно монументальный памятник, как цепь противоречивых эмоций начинает встряхивать мою грудь. А когда он опускает руки мне на талию и притягивает к себе ближе, тело вмиг обмякает, превращаясь в мягкую вату, что мечтает окутать Адама собой с головы до пят.

– Я тебя слышал, Лин, – добивает он своим проникновенным голосом. – Но теперь и ты услышь меня.

Харт склоняет лоб к моей макушке и замирает так, тяжело дыша.

– Ты нужна мне. Вся. И потому я ни за что не позволю тебе уйти от меня. Никогда.

Его обнажённая грудь почти касается моего носа, жар смуглой кожи проникает прямо в кровь, пока сердце моё рвётся на кусочки, а в голове звенит его категоричное «никогда».

Ещё несколько месяцев назад, когда я совсем его не знала, я бы заверещала от безграничной радости, услышь от него подобные слова. Но сейчас... никакой радости я не испытываю. Только страх от осознания, что мне от него не спастись. Грусть – потому что знаю – его слова, безусловно, скрывают за собой очередную гадость. И наконец, гнетущее предчувствие беды, которая непременно постигнет меня и Остину, если его план по устранению Адама по какой-то причине провалится.

Глава 15

Николина

Когда Адам сказал, что ни на шаг от меня больше не отойдёт, он действительно имел это в виду. Это я поняла сразу же, как только он взял меня за руку, словно маленького ребёнка, и повёл обратно на виллу. Заставил при нём раздеться, чтобы ещё раз при нормальном освещении осмотреть на наличие повреждений, а когда их не обнаружил, всё равно не успокоился и заявил, что мы должны поехать в больницу и совершить полный осмотр.

Каких трудов мне стоило переубедить его, чтобы не делать этого! По крайней мере, ночью. После всего пережитого стресса у меня сил едва хватало, чтобы переставлять ноги, а ехать куда-то и опять проходить многочисленные проверки – это последнее, чего мне хотелось. Особенно в присутствии Адама. Он же буквально следовал за мной по пятам, куда бы я ни шла, и каждое действие мне приходилось делать под его пристальным взглядом.

Чудо, что в душ со мной не попёрся и в туалет позволил сходить без надзора. Но стоило мне минут через сорок выйти из ванной, как я тут же встретила его вновь – в моей спальне с подносом с едой, которую, на минуточку, он приготовил и принёс сам. Прислуги-то в доме нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.